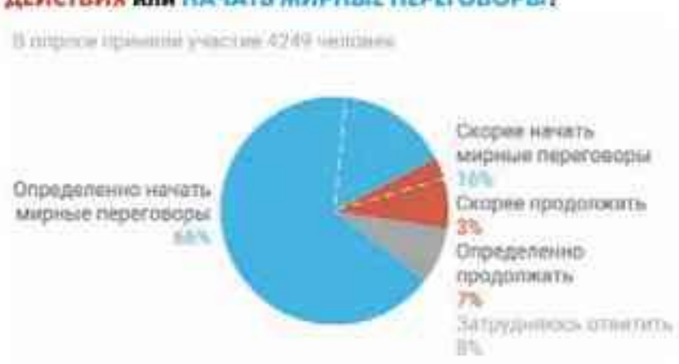
«НЕ ВСЕ ТАК ОДНОЗНАЧНО!»

понедельник среда пятница
НОВАЯ ГАЗЕТА
№ 33 (3333) 23.12.2022 г.

ЭКСПЕРИМЕНТ «НОВОЙ»: МЫ СРАВНИЛИ ДАННЫЕ ОПРОСА СВОИХ ЧИТАТЕЛЕЙ С ДАННЫМИ ВСЕРОССИЙСКОГО ОПРОСА

ВЫВОДЫ ОПРОВЕРГАЮТ СЛОЖИВШИЕСЯ ПОД ДЕЙСТВИЕМ ПРОПАГАНДЫ СТЕРЕОТИПЫ

страницы 6–7

ЗДЕСЬ МОГ БЫТЬ НОВЫЙ ГОД

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

4 607149 380138 22033

Анна АРТЕМЬЕВА — «Новая»

С НОВЫМ ГОДОМ ВСЕХ, У КОГО «НЕВОСТОРЖЕННЫЙ ОБРАЗ МЫСЛЕЙ»!

Хочу поздравить всех добрых людей с наступающим Новым годом — всех: и зрителей моих, и тех, кто никогда не видел меня ни на сцене, ни в фильмах моего любимого Эльдара Александровича Рязанова. Особо хочу поздравить уже, видимо, постаревших мальчиков и девочек, которые видели меня в ТЮЗе в роли поросенка Нуф-Нуфа и ослика Иа-Иа. Не знаю, каким будет следующий год, но желаю всем, кто в тревоге, у кого душа болит, кто со страхом ждет завтрашний день, — надежды, утешения, нечаянной радости. Пусть этот Новый год принесет нам всем мир и уважение, сострадание и бережное отношение к человеку. Хочу поздравить с Новым годом моих партнеров и коллег — и тех, с кем довелось играть на сцене, и тех, кем я сама, сидя в зале, восхищаюсь. Я благодарный зритель, я выросла в театре и всю жизнь отдала театру. Поздравляю с Новым uодом тех партнеров и коллег, которые не уехали и продолжают служить своему делу, несмотря ни на что, и тех, кто уехал и, может, тоскует по своему утраченному театру. Желаю им найти и там, далеко от дома, свой театр, свою сцену — оказывается, мир тесен, актеры найдут своего зрителя, как бы жестоко не обошлась с ними судьба, а зрители — они не оставят своих актеров, режиссеров, драматургов, поддержат их, оценят их труд, самоотверженность и гражданскую честность. Поздравляю с Новым годом (что он нам принесет, какие сюрпризы?) режиссеров и актеров, у которых исчезли с театральных афиш любимые спектакли. За что? Ответ у Стругацких в «Трудно быть богом»: «розги за невосторженный образ мыслей». Хочу поздравить с Новым годом всех-всех людей с «невосторженным образом мыслей», а «розги»... это наша традиция.

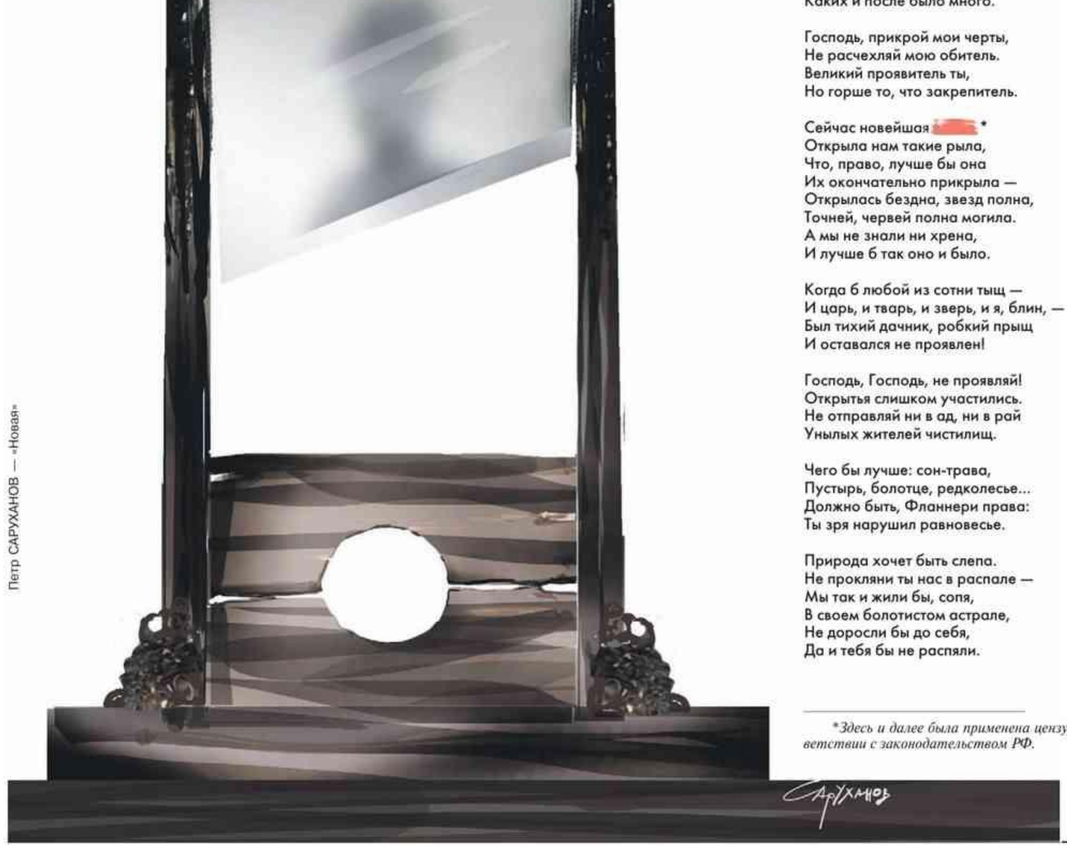
Лия АХЕДЖАКОВА

** Здесь и далее — афоризмы Акрама Муртазаева из «Коллекции «Новой»*

***18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ БЫКОВЫМ ДМИТРИЕМ ЛЬВОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА БЫКОВА ДМИТРИЯ ЛЬВОВИЧА.**

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

ГОСПОДЬ, ГОСПОДЬ, НЕ ПРОЯВЛЯЙ! ОТКРЫТЬЯ СЛИШКОМ УЧАСТИЛИСЬ

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Дмитрий БЫКОВ*

Иуду мучает вопрос,
Подобье внутреннего зуда:
Когда бы не пришел Христос,
Никто б не знал, что он Иуда.

И про Пилата сам Пилат
Не знал, что он убийца Бога,
А просто римский бюрократ,
Каких и после было много.

Господь, прикрой мои черты,
Не расчехляй мою обитель.
Великий проявитель ты,
Но горше то, что закрепитель.

Сейчас новейшая [redacted]*
Открыла нам такие рыла,
Что, право, лучше бы она
Их окончательно прикрыла —
Открылась бездна, звезд полна,
Точней, червей полна могила.
А мы не знали ни хрена,
И лучше б так оно и было.

Когда б любой из сотни тыщ —
И царь, и тварь, и зверь, и я, блин, —
Был тихий дачник, робкий прыщ
И оставался не проявлен!

Господь, Господь, не проявляй!
Открытья слишком участились.
Не отправляй ни в ад, ни в рай
Унылых жителей чистилищ.

Чего бы лучше: сон-трава,
Пустырь, болотце, редколесье...
Должно быть, Фланнери права:
Ты зря нарушил равновесье.

Природа хочет быть слепа.
Не прокляни ты нас в распале —
Мы так и жили бы, сопя,
В своем болотистом астрале,
Не доросли бы до себя,
Да и тебя бы не распяли.

**Здесь и далее была применена цензура в соответствии с законодательством РФ.*

НАКОНЕЦ-ТО ДАЛИ ВОЛЮ. РУКАМ

А.К.М.

КУВАЛДИЗАЦИЯ СТРАНЫ

КАК ВЛАСТЬ ОТДАЕТ НА АУТСОРСИНГ СВОИ ПОЛНОМОЧИЯ

Самые звонкие ньюсмейкеры, параллельное правительство, последняя инстанция в оценках происходящего в ходе специальной военной операции и в практическом управлении, «реальные пацаны» — это Рамзан Кадыров и Евгений Пригожин. По сравнению с ними «столичные штучки» типа Дмитрия Медведева и Вячеслава Володина, несмотря на резкость высказываний, выглядят не столь впечатляюще. «Сколько дивизий у Дмитрия Анатольевича и Вячеслава Викторовича?» — могли бы риторически вопросить Рамзан Ахматович и Евгений Викторович. А вот у них дивизии есть, включая полчища троллей.

Кадыров и Пригожин — участники эксперимента по выводу отдельных функций государства из регулярного правового поля России. У них свой «суд» и свои «законы». В рамках сложившейся системы они практически уже получили легальный статус, причем на их фоне власть выглядит образцом корректного и предупредительного поведения. У власти же все интеллигентно — минюстовские и минкультовские чиновники в итальянских неимпортозамещенных костюмах, даже судьи в мантиях. Могут, правда, дать 22 года лишения свободы ни за что, зато кувалдой по голове не бьют, пахнут дорогим парфюмом, а не тюрьмой.

Троллинг стоунз

Пригожин постепенно становится реальным игроком на российской политической сцене, наращивает харизму, комментирует действия армии, вступает в жесткий конфликт с губернатором Петербурга, поощряет публичные казни «предателей», иронически троллит западных «партнеров». Сейчас он нужен в этом качестве, да и конфликты групп вокруг себя страсть как любит. Пригожин, да и Кадыров держат в тонусе разнообразные элитные трусоватые кланы, которые в ужасе от этих двух персонажей, но сделать ничего не могут. От этого они (кланы) в еще большей степени сплачиваются вокруг верховного главнокомандующего, видя в нем единственную защиту от грубой силы.

Вопрос только в том, сможет ли Путин вовремя восстановить монополию государства на насилие после того, как часть этой монополии перешла на аутсорсинг к Пригожину. И будет ли он в состоянии отрегулировать партийно-политическое поле, если Пригожин вдруг станет еще и публичным узнаваемым политиком с рейтингом, главным оператором ультранационалистической и жестко «ястребиной» ниши, оказавшись в глазах давно не видевшего политических альтернатив населения большим путинистом, чем сам Путин. «Кремлевский повар» оказался способен готовить широкую линейку политических блюд.

Уникальное торговое предложение Пригожина — трансформация мутной ультраконсервативной философии с ее дугинскими ангельскими войсками архангела Михаила и медведевскими люциферами в практическое прикладное действие. Action direct, так сказать. В смысле прямого действия, а не абстрактных рассуждений.

Показная жестокость — часть этого торгового предложения. Она может быть и постановкой, троллингом, иммерсивным спектаклем. Но от этого не перестает быть частью рекламной кампании прикладного во всех смыслах культа насилия.

Патриарх Кирилл оправдывает в своих очень далеких от духа христианства проповедях героическую смерть за родное Ново-Огарево, а Пригожин доставляет этот товар населению «под ключ».

«Гойда!» — кричит астенический актеришка со сцены перед согнанными на Красную площадь подневольными бюджетниками, а чисто конкретный дядька с тремя звездами Героя (что твой Леонид Ильич! — тоже троллинг) успешно рекрутирует уже готовых быть опричниками без всякой «гойды».

Утверждают, что подлинные конструкторы этой реальности — главные «братья Баклушины» российской политической сцены, fratelli Ковальчуки. Им или одному из них — ведущему инноватору — приписывают множество проектов. От Собчак — кандидатки в президенты и косметических во всех смыслах «Новых людей» до Пригожина — партийного лидера и даже самой идеи специальной военной операции. Кто бы и что бы ни придумывал, важен результат, а он близок к перманентному Карибскому кризису с элементами антиутопии Александра Кабакова «Невозвращенец», популярной в конце 1980-х.

Пушечное мясо политики

Вот приедет Путин, Путин нас рассудит... Но президент даже не приходит на помощь своему губернатору Санкт-Петербурга Александру Беглову. Как только Александр Дмитриевич сбрил усы (зачем?), он потерял магический защитный кремлевский купол. Как и несколько беззащитным оказался главный партнер по путинским турпоходам Сергей Шойгу. Верховный главнокомандующий пока наблюдает за маневрами Пригожина и, возможно, оценивает, как далеко может зайти этот параллельный военный комиссар всея Руси.

Однако надо понимать, что общественное мнение при всей своей изменчивости очень инерционно. Когда «Левада-центр»* просит своих респондентов самостоятельно вспомнить политиков, которым доверяют, на память (после Путина, разумеется) им в течение долгих лет приходят все те же Лавров и Шойгу. Хотя их рейтинг доверия в последнее время стагнирует, и в условиях «структурной перестройки экономики» респонденты все чаще вспоминают о существовании Мишустина — у него теперь второй после верховного главнокомандующего показатель доверия. Респонденты не вспоминают в этом контексте Кадырова или Пригожина, они для них пока не политики в собственном смысле слова. Политики — это все же те, кто находятся по адресу Москва, Кремль, или Охотный ряд, или Большая Дмитровка, или Краснопресненская набережная.

Тем не менее такой статус — дело наживное. Рискнет Путин разрешить Пригожину стать партийным деятелем «в законе» — и тут же у него появятся все атрибуты политика, включая разнообразные социологически измеримые рейтинги и всероссийскую узнаваемость.

Пока процессы на политической поляне не регулируются. В период беспрецедентного кризиса калифы на час появляются, доминируют на экранах и дисплеях, а затем вдруг погибают смертью храбрых при неясных обстоятельствах или в автомобильной катастрофе.

Если Пригожин двигается уверенным шагом в политику, это означает, что либо ему это разрешено или даже поощряется, либо он идет ва-банк и повышает ставки в период, когда военные действия все спишут. А поскольку эти действия могут оказаться перманентным состоянием нынешнего режима, шансы удержаться на политических вершинах и даже остаться живым у него есть. А вот есть ли они у граждан России — это другой, куда более сложный и важный вопрос.

Андрей КОЛЕСНИКОВ

** Внесен властями РФ в реестр иноагентов.*

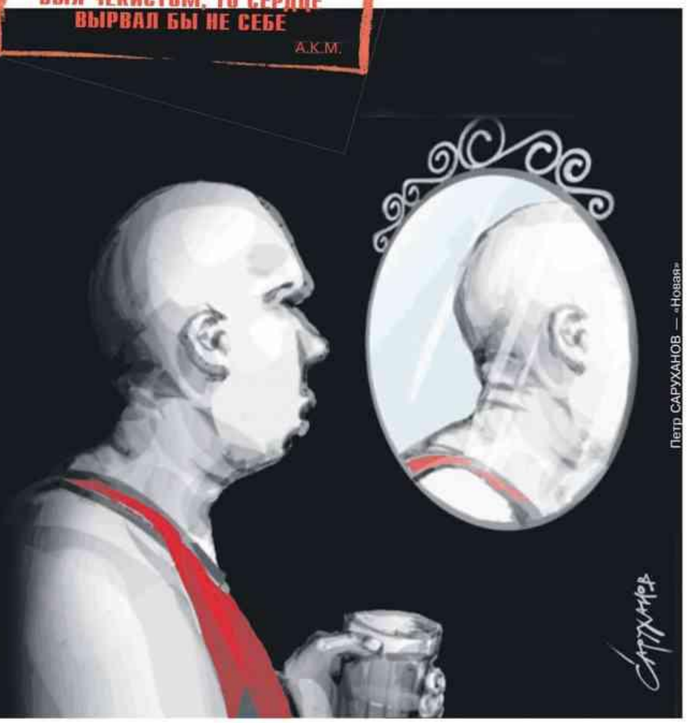
Петр САРУХАНОВ — «Новая»

ЕСЛИ БЫ ДАНКО БЫЛ ЧЕКИСТОМ, ТО СЕРДЦЕ ВЫРВАЛ БЫ НЕ СЕБЕ

А.К.М.

НОВЫЙ РУССКИЙ DEAD CAN DANCE

СМЕРТЬ КАК ЛЕКАРСТВО ОТ ПУСТОТЫ

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Очевидно, что сегодняшняя российская история завязана на том, что и правители, и лояльные их подданные желают повторить некую историческую ситуацию. Они хотят пережить ее заново, но уже с другим результатом. Они хотят, чтобы все было по-настоящему. Они хотят, чтобы все было всерьез. Они хотят, чтобы все было навсегда. Они хотят, чтобы все было как в последний раз.

Что это за ситуация? Ситуация, которая в культуре называется декадансом. Декаданс — это такое состояние культуры, которое характеризуется восхищенным вниманием к смерти или к ее проявлениям. Поэтому само название, «декаданс» (фр. decadent — упадочный) — прямо коррелирует и по звучанию, и по смыслу с dead can dance (англ.), дословно: «мертвые могут танцевать».

Что касается текущего русского политического мейнстрима, который мы сравниваем с декадансом, то вот в чем сходство. И там и здесь – неприятие модерна и «буржуазной этики». Поклонники «русского мира» и [redacted] всякий раз готовы проехаться по темам «угрозы глобализма» и «забвения традиций». Упрекают модерн в «расчеловечивании». Однако при этом сами по максимуму используют всевозможные достижения и девайсы, которые модерн производит. Классический современный русский оксюморон: выйти на трибуну в безупречном костюме от бренда Brioni и вдохновенно сказать об окончательной деградации Европы. Или пристроить слоган «Можем повторить!» на свой Volkswagen последней модели.

Этическое же пространство, которое в «русском мире» выставляется под знаком «возрождения подлинности» и преградой на пути «расчеловеченного либерализма», является архаичным настолько, что в нем не обнаружить и следов самого понятия о «человеке» как о субъекте свободном и размышляющем. Кроме того, эта архаика усвоена поклонниками «русского мира» настолько по-канцелярски, что выслушивание их речей о «духовных ценностях» примерно так же утомительно для разума, как чтение напечатанных мелким шрифтом «дополнительных условий» при оформлении рядового банковского кредита.

Главное отличие сегодняшнего русского декаданса от того, классического, – он совершенно лишен индивидуальности и творческой силы. В Серебряном веке протест модернизму породил сложнейшие поэтические миры и незаурядные, бунтующие характеры. Сейчас из протеста нам явился мир совершенно плоский, упрощенный до предела, а главным его действующим лицом предстал лояльный системный бюрократ с ориентиром на криминальную иерархию.

Но главное, из чего вообще возникла идея сравнивать сегодняшнюю русскую историю с декадансом, – практика освоения смерти. И там и здесь смерть перестает быть запретной темой. Она именно осваивается, делается постоянным фоном. И возможно, что и там и здесь этому одна и та же причина. Тема смерти активируется в сознании всякий раз, когда сознание сталкивается с абсурдом. Когда повседневный процесс жизни не представляется чем-то захватывающим, а будущее видится чередой обессмысленных повторов. И возникает желание испробовать то, что находится за чертой. Нечто запретное, пугающее, непристойное. Возникает идея, что при переходе черты, душевная пустота чем-то заполнится. Смерть как лекарство от пустоты.

Возможно, что эта идея действительно универсальна и заходит она не только в упрощенные, не знакомые с рефлексией умы, но также в умы весьма искушенные. А как еще понять то известное упоение смертоносными, «страшными лапами скифов», что испытал возвышенный поэт-декадент Александр Блок?

Вполне возможно, что сегодняшнее в российском народе такое спокойное, едва ли не приветственное отношение к смерти, на которую его зовут [redacted] – это не просто эффект многовековой покорности перед властями, хотя как без этого. Но здесь еще срабатывает упомянутый декадентский симптом: смерть – лекарство от пустоты. А что, может быть, так наша черная дыра российской души наконец-то заполнится? И сработает математический закон, где минус на минус дает плюс? А может быть, из потустороннего мира постукивает своим высохшим кулачком в двери российской души Мартин Хайдеггер и нашептывает, не уставая:

«В светлой ночи ужасающего ничто нам впервые открывается, что это сущее, а не ничто...»

А то ведь живет российский человек в незаметности, в случайности, в мелкой заботе, без надежды, практически, в небытии, – что ему жизнь? А упования на бессмертие даже и в самых незаметных душах никто не отменит. Здесь же ему такой шанс: и при большом деле себя ощутить, и спасение душевное обещают, как воинству праведному, и компенсация для семьи придет такая, если что, и за две жизни не всякий сам заработает. Впрочем, все это как нельзя лучше сам главнокомандующий выразил при встрече с матерями убитых призывных солдат: «Некоторые ведь живут или не живут — непонятно. И уходят от водки или еще от чего-то. Потом жили они или не жили — незаметно. А ваш сын жил, и его цель достигнута. Это значит, что он из жизни не зря ушел».

* * *

Но есть, конечно же, фундаментальное различие между влечением к смерти в том и в этом декадансе. Поэты и художники Серебряного века видели отношения со смертью как процесс глубоко субъектный. Это были их и только их отношения, интимные и не распространяемые более ни на кого. Единственно, через что другие могли приобщиться к их опыту, – плоды их творчества. Метафоры, образы, строки поэзии и то, что между строк. Как говорит писатель Дмитрий Быков*, смерть – это портал, возможность исследования какой-то непознанной еще стороны бытия.

Напротив, в нынешнем российском декадансе смерть предстает радикально объектно, территориально и массово. Никаких порталов в непознанное, никакой интимности. Смерть имеет дело с объективно признаваемыми местностями: геополитическими и конфессионально-религиозными. Причем эти местности легко объединяются в ее контексте. Например, представляется попадание в рай сразу целой страны, для другой же предполагается оптовое небытие («они просто сдохнут»). В общем, сегодняшний вариант танца со смертью выводит к небывалому еще размаху. Субъектности просто нет, а к торжеству объективности добавляется коммерческий, рыночный элемент в виде компенсаций. Смерть как инвестиция.

Конечно, прав Гегель, что второй повтор – это пародия. Но кто мог представить, что пародии могут быть такими ужасающими?

Роман ШАМОЛИН,
антрополог

** Внесен властями РФ в реестр иноагентов.*

ЧТО ДУМАЮТ РОССИЙСКИЕ ГРАЖДАНЕ О СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

«НЕ ВСЕ ТАК ОДНОЗНАЧНО!»

ЭКСПЕРИМЕНТ «НОВОЙ»: МЫ СРАВНИЛИ ДАННЫЕ ОПРОСА СВОИХ ЧИТАТЕЛЕЙ С ДАННЫМИ ВСЕРОССИЙСКОГО ОПРОСА

ВЫВОДЫ ОПРОВЕРГАЮТ СЛОЖИВШИЕСЯ ПОД ДЕЙСТВИЕМ ПРОПАГАНДЫ СТЕРЕОТИПЫ

В конце ноября «Левада-центр» (*включен Минюстом в реестр иноагентов. —* **Ред.**) провел очередной ежемесячный общероссийский опрос, в котором респондентам были заданы вопросы об их оценках текущей ситуации, ожиданиях на следующий год, а также об отношении к военным действиям в Украине.

Некоторые из этих же вопросов редакция решила задать своим постоянным читателям — Соучастникам «Новой» (которые, несмотря на то что газета с конца марта этого года приостановила свой традиционный выпуск, продолжают поддерживать ее материально и морально). Суть эксперимента: сравнить мнения населения в целом с представлениями своих читателей. Грубо говоря, сравнить мнение «усредненного» россиянина с мнением человека, который привык пользоваться альтернативной информацией.

Немедленно было получено свыше четырех тысяч ответов. Что из этого параллельного опроса вышло — оценивает Лев ГУДКОВ, научный руководитель «Левада-центра».

Сразу оговоримся, что полученные ответы читателей, говоря языком профессиональной социологии, «не представительны» для сложного по своему социальному, возрастному и образовательному составу российского населения в целом. Не исключено, что ответы Соучастников могут в чем-то не полностью совпадать и с мнением совокупной читательской аудитории «Новой газеты». Любой такой газетный онлайн-опрос воспроизводит взгляды наиболее активной и ответственной части читательской аудитории, откликающейся на программную политику редакции.

Тем не менее сопоставление с результатами общенационального социологического исследования позволяет оценить параметры, характеристики, мнения, интересы, а также особенности понимания ситуации в стране той части российского общества, **которая из-за цензурных, административных и полицейских ограничений фактически лишена представительства в политическом, медийном и в целом — в публичном пространстве страны.** Репрессивная политика государства позволяет пропаганде утверждать, что этих людей как бы нет в природе. Или они как минимум вне общества, они — нежелательные элементы, предатели, «пятая колонна». Между тем доля людей с такими же взглядами, как у аудитории «Новой газеты», составляет от **15%** взрослого населения (консистентное ядро этого социального множества) до **25%,** разделяющих основные установки этой группы (хотя и не все из них или же — не в той же степени согласия, что с точки зрения социологии нормально для распределения мнений в обществе).

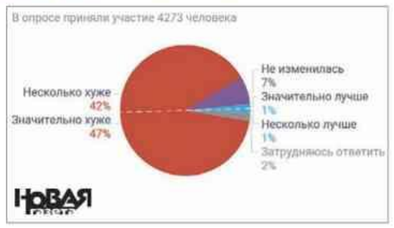
Более того, это не просто некий социальный массив, а то, что называется «индикативные» группы. **Для социолога подобное множество служит своего рода индикатором возможных или отложенных изменений.** Это мнения более образованной, более информированной и менее подверженной пропагандистскому облучению части российского населения, влияющей (хотя и не сразу и не в полной мере) на установки других групп населения. Проблемой же является «лаг запаздывания», время восприятия обществом взглядов продвинутой группы.

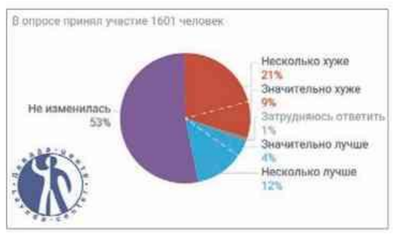
Ядро читателей «Новой» составляют образованные люди в возрасте 35–55 лет, как правило, в среднем более обеспеченные, чем основная масса населения. Преимущественно это жители столиц или больших городов (условно говоря — средний городской класс), обладающие широким информационным горизонтом и умеющие находить разнообразные источники информации. Множественные источники получения ими информации включают интернет-издания, в том числе альтернативные официозу независимые телеграм-каналы, сведения из социальных сетей, не исключая, однако, и федеральных каналов телевидения, хотя последние и не пользуются у них таким же спросом и доверием, как у населения в целом. Такое сообщество обладает средствами более сложной интерпретации событий, а потому и более объективной картиной реальности. В этом плане запрещать какое-то одно, два, три и т.п. издания, расходящихся с пропагандой, как это делает власть, бессмысленно, поскольку в современном мире тут же возникают новые источники информации.

Первое, что приходится отметить в полученных от Соучастников «Новой» ответах, — это **доминирование негативных оценок своей жизни и жизни своей семьи:** 89% ответивших читателей «Новой газеты» говорят об ухудшении своего положения, причем преобладает вариант *«стало значительно хуже»*.

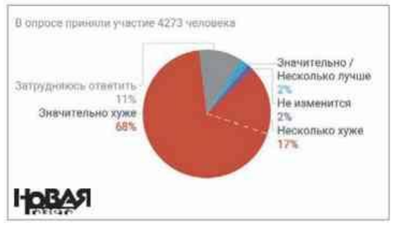
Столь же мрачными оказываются и ожидания ближайшего будущего: 85% полагают, что в наступающем 2023 году жизнь в России будет хуже, чем в настоящий момент, причем доля крайних пессимистов (*«значительно хуже»*) составляет уже 68%, а не 47%, как в оценках текущего положения.

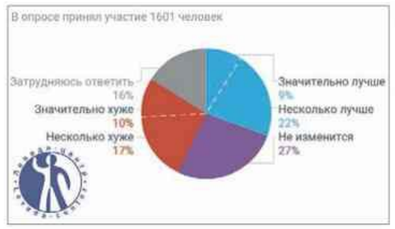
За последний год ваша жизнь, жизнь вашей семьи стала ЛУЧШЕ, ХУЖЕ или НЕ ИЗМЕНИЛАСЬ?

Через год жизнь в России будет ЛУЧШЕ или ХУЖЕ, чем сейчас?

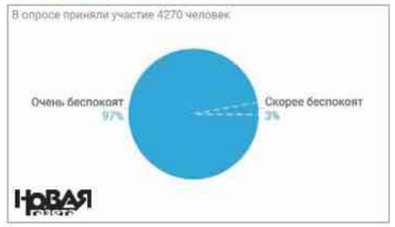

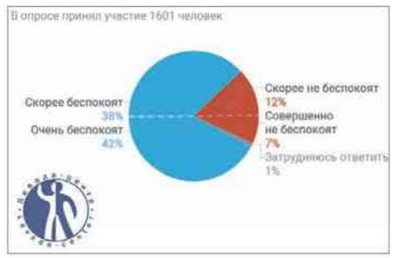

Оценки населения по опросу «Левада-центра» менее драматичны, но тоже далеки от оптимизма. У основной массы россиян (53%) положение не изменилось за последнее время (что, впрочем, не значит, что оно до этого было «благополучным» или «удовлетворительным» с точки зрения респондентов, поскольку падение реальных доходов населения продолжается уже ряд лет), у 30% — «ухудшилось», «улучшилось» лишь у 16%. Однако у опрошенных «Левада-центром» сохраняется определенный, хотя и не слишком значительный запас веры или иллюзий, что в будущем году ситуация будет улучшаться (на это надеется 31%); думают, что, по крайней мере, положение не ухудшится — 27%. При этом ровно столько же весьма мрачно настроены относительно следующего года. Другими словами, у населения в целом, в отличие от описываемой продвинутой группы, сохраняется определенный ресурс доверия к государству, или точнее — патерналистские надежды на то, что власть способна вывести страну из состояния длительной экономической стагнации и политических кризисов последнего десятилетия.

Главная причина социального пессимизма и неопределенности заключается **в тревожном ожидании последствий спецоперации в Украине** и проводимой конфронтационной политики.

Вас БЕСПОКОЯТ текущие события в Украине?

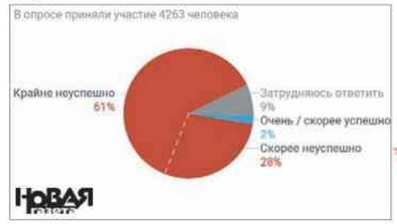

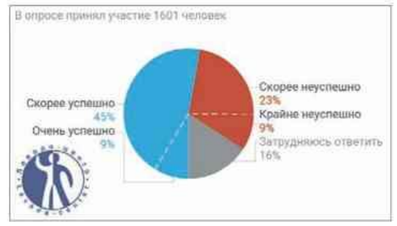
В этом плане существенных различий между читателями «Новой» и населением России нет: текущие события в зоне военных действий беспокоят всех ответивших на соответствующий вопрос на сайте газеты (100%) и 80% респондентов в ходе опроса «Левада-центра».

Среди читателей «Новой» утвердилось мнение о неуспехе СВО (так думает абсолютное большинство — 89%!). Иные мнения высказывают около 2%.

Основная же масса населения (а именно 54%), в большей степени находящаяся под действием телевизионной пропаганды, **считает, что «все идет по плану»,** что «операция успешна». **Только чуть более трети опрошенных «Левада-центром» россиян считают СВО неуспешной.** Признание самого факта неудачи, особенно среди людей старшего возраста, сохраняющих веру в Россию как великую державу, наделенную правом диктовать свою волю другим странам, в [illegible] психологически невозможно. Это вызывает шок, возмущение и подавленность.

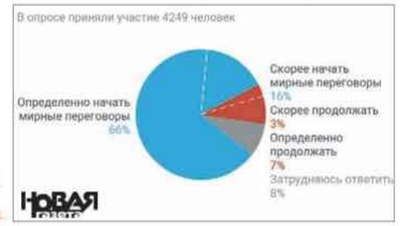
По вашему мнению, насколько УСПЕШНО или НЕУСПЕШНО продвигается СВО российских войск в Украине?

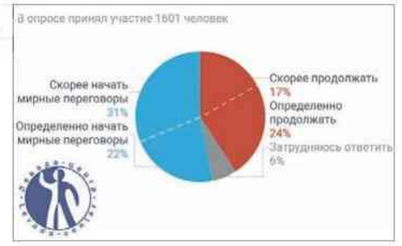

Резкое снижение готовых воевать последовало после сентябрьского объявления о частичной мобилизации. Оно было воспринято многими [illegible] как стремление российского командования и политического руководства преодолеть возникшие в зоне военных действий проблем с помощью увеличения там количества военнослужащих. **Сторонники спецоперации — а это главным образом пожилые люди (молодежь в структуре населения составляет сравнительно малую часть), сами не подлежат призыву.** Поэтому их поддержка продолжения военных действий имеет чисто символический характер.

Как вы считаете, следует ПРОДОЛЖАТЬ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ или НАЧАТЬ МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ?

[illegible] Вместе с тем **и те и другие все более склоняются к тому, что на смену военным действиям должны прийти мирные переговоры** (я не говорю о реалистичности подобных пожеланий, а лишь о массовости таких настроений). В этом отношении и Соучастники «Новой газеты», и большинство населения России думают схожим образом: **на прекращение военных действий в пользу мирных переговоров надеются 82% ответивших на вопросы «Новой» и 53% респондентов «Левада-центра».**

И, соответственно, партия «продолжения военных действий» среди Соучастников газеты составляет лишь 10%, а среди населения в целом такие мнения распространены значительно шире (41%).

Но теперь их все равно меньше, чем сторонников мирных переговоров. (*И это важнейший вывод опроса. —* **Ред.**)

При преобладающих в обществе настроениях начать мирные переговоры аудитория «Новой» высказывается более определенно и решительно. **Установки российской молодежи (по общероссийскому опросу «Левада-центра») приближаются в этом отношении к мнениям читателей «Новой газеты»: 68% молодых россиян в возрасте 18–24 года хотели бы прекратить военные действия и начать мирные переговоры; тогда как среди пожилых людей, в особенности пенсионеров, «партия военных действий» пока превосходит «партию мирных переговоров» — 49/43%.**

Лев ГУДКОВ

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Подготовили **Андрей ЛИПСКИЙ** и **Наталья ШАУЛЬСКАЯ**

БЬЕТ ПО МОЗГАМ

КАК УСТРОЕНА ПРОПАГАНДА И ПОЧЕМУ ОНА ОСТАЕТСЯ САМЫМ ЭФФЕКТИВНЫМ ОРУЖИЕМ

«Нам четко надо учить студентов тому, что дядя будет говорить им, что писать, что не писать и как писать о тех или иных вещах, и дядя имеет на это право, потому что он им платит», — в 2013 году за слова, сказанные на встрече со студентами журфака МГУ, замминистра связи и массовых коммуникаций России Алексей Волин был освистан.

Спустя 10 лет вряд ли эти слова вызвали бы подобную реакцию: рынок свободных медиа в России не то что зачищается — ровняется асфальтовым катком. Правда, в роли диктующего, о чем и как писать, оказался вовсе не «дядя», а государство. В уходящем году почти 300 медиа было заблокировано в России, полторы сотни журналистов объявлены иноагентами, целый пакет законов фактически ввел цензуру (все еще запрещенную Конституцией). Чем тише звучит голос независимой прессы, тем громче ревет пропаганда. Именно ревет: информационный шум — это буквально шум, политические ток-шоу на федеральных каналах — обыкновенно крик, а иногда и мордобой (то Норкин выгонит эксперта из студии, то гости Соловьева передерутся между собой). Громкость — не показатель культурного уровня авторов, а часть технологии, которая и превратила пропаганду в движущий элемент кровопролития.

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Александр КАЗАКОВ / Коммерсантъ

«Чем громче орут, тем ты послушней»

Конструкция возводилась 30 лет и стала самым эффективным оружием режима. Она состоит из нескольких несущих элементов: телевидения, контроля словаря, физического контроля. Самое ударное звено — телевизор. Зомбоящиком его назвали еще при раннем Путине, но своей функции он не утратил и сейчас.

Уже лет десять как общим местом стало разделение россиян на тех, кто черпает информацию из интернета — и с экрана ТВ, или, проще, на тех, кто смотрит или не смотрит телевизор. Небывалый же подъем лояльности власти на фоне непрерывного ухудшения уровня жизни называли борьбой холодильника и телевизора, в которой последний побеждает. Телик стал героем мемов, а значит, занял позицию неотъемлемого элемента российской жизни.

Первое, что спрашивает, приступая к квартирному ремонту, бригада рабочих, где будем вешать телевизор. Это по-прежнему маркер достатка: если в советское время таковой определяло просто его наличие, то теперь — размер. Ты приходишь с работы, открываешь дверь и включаешь ТВ. Можно и не смотреть — пусть разговаривает. Так мы избавляемся от одиночества, в этом смысле 40-летний горожанин, который утверждает, что включает эфир «для фона», мало чем отличается от бабы Нюры, которая ведущих называет по именам и по вечерам смотрит «Володеньку» или «Андрюшу».

Валентина Лихошва, кандидат психологических наук, изучавшая поведение человека в небезопасных ситуациях, говорит, что именно фоновая трансляция делает человека более уязвимым для манипуляций:

— Произвольное внимание человек может удерживать 12 минут: читать неинтересную книгу, слушать что-то скучное. Потом засыпает или просто начинает думать о другом. Наступает утомление, ты перестаешь контролировать, какая информация выливается на тебя. А она все равно поступает, все равно обрабатывается мозгом. И — никакой критики. Плюс многократное повторение.

Многие замечают, что, ставя эксперименты по многодневному просмотру телевизора, начинают ловить себя на все менее критическом отношении к сказанному. Даже самый рационально мыслящий человек вдруг на долю секунды соглашается, что «не все так однозначно». В этом тоже нет магии, а есть технология. Один из ее важных элементов — крик.

— Если очень долго бить по одной точке на теле человека, она теряет чувствительность. Это механизм, нужный нам для выживания. Он и используется. Чем больше они орут, тем быстрее это утомляет, ты выматываешься, устаешь эмоционально. Несколько минут — и критика отключается. Чем сильнее тебя измотает крик, тем меньше ты будешь сопротивляться. Если люди с повышенным давлением постоянно смотрят телевизор, они не слезают с таблеток. Причины в эмпатии: мы сочувствуем, сопереживаем происходящему. Когда на экране бьются в истерике от злости, это все отражается на зрителе, который внутренне тоже в истерике.

Еще одно условие воздействия — одиночество. Разобщенность российского общества очевидна, атмосфера страха и взаимного недоверия усугубляет чувство брошенности. Объединить нас не смогла даже пандемия, общая опасность. Вместо солидарности мы разделились на ваксеров и антиваксеров, масочников и антимасочников, ковид-диссидентов и законопослушных. Взаперти, в ситуации тревоги мы с новым энтузиазмом прильнули к экранам. А там продолжали кричать.

Избавление от одиночества — одна из главных функций телевидения. В результате ящик становится членом семьи. Он нянчит детей, пока мы заняты, утешает, дает чувство сопричастности, присоединения к социуму. Самые одинокие люди — пожилые, это главные потребители телеконтента и ядерный электорат власти. Кроме того, быть в меньшинстве вообще некомфортно, это противоречит тысячелетним механизмам выживания.

Психолог напоминает классический научный эксперимент Валерии Мухиной: детям показывали черную и белую пирамидки, сажали в круг, и все они по очереди утверждали, что оба предмета белые. Испытуемый был последним, в полном изумлении он смотрел на происходящее, но в итоге соглашался с мнением большинства.

— Уровень конформности у людей разнится, но в целом считается, что в любом обществе не более 20% способных сопротивляться давлению большинства, — комментирует психолог. — Можно сопоставить это с результатами соцопросов о лояльности принимаемым властью решениям. Мы веками выживали за счет того, что присоединялись к большинству. Если ты пытаешься делать наоборот, твое тело сигнализирует, что это очень опасно. Упомянутое процентное соотношение сохраняется в любом обществе, это не национальный феномен. На этом, собственно говоря, пропаганда и строится.

> СИЛА ВОЗДЕЙСТВИЯ ТЕЛЕКОНТЕНТА ОСНОВАНА НА САМЫХ ДРЕВНИХ И БАЗОВЫХ ОСНОВАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ, А ЕГО ЭФФЕКТ ЕЩЕ РАЗ НАПОМИНАЕТ, ЧТО МЫ ПРОСТО ПРИМАТЫ

Кадр из видео

Давление, многократное повторение, эффект большинства. Еще одна опция телепропаганды — эффект «намоленных икон»: сказали по телевизору — значит, правда. По телевизору врать не станут. Верить ему тем проще, чем комфортнее: это самый простой источник получения информации, ее не нужно искать, она сама вкладывается в уши. При восприятии телеконтента задействованы почти все органы чувств — с минимумом усилий. Человек — существо ленивое, это не порок, а способ выживания, позволяющий экономить ресурсы. Так что сила воздействия телеконтента основана на самых древних и базовых основах человеческого существования, а его эффект еще раз напоминает, что мы просто приматы.

Можно спросить, отчего контраст между жизнью за окном и пропагандистским симулякром не заставляет усомниться в словах ведущих. Казалось бы, глянь за окно, а еще лучше — в очередную квитанцию ЖКХ, — и намного трудней будет верить, что, как говорилось в популярном телешоу, «мы живем в самой прекрасной стране на свете, а все остальные страны нам завидуют». На самом деле все наоборот: чем тяжелее жизнь, тем сильнее влияние агрессивной пропаганды. В ситуации фрустрации, давления у человека нет сил разбираться в том, что ему навязывают. Чем хуже, чем тяжелее жизнь, тем больше доверия к уверенно навязываемому контенту. Фрустрация — условие успешности пропаганды.

Давление, фрустрация, многократность повторения — никакого секрета в победе телевизора над человеком нет. Однако надо иметь в виду: нет здесь сугубо российского секретного ингредиента. Механика универсальна и равно воздействует на россиянина или жителя Буркина-Фасо. Ограничить ее может лишь наличие противовеса — свободных независимых медиа. Именно поэтому их уничтожение — часть вполне очевидной стратегии и происходило параллельно усилению влияния пропаганды.

Продолжение материала ***Татьяны БРИЦКОЙ*** — СТРАНИЦЫ 10-11 ⇨

БЕДА ТОМУ НАРОДУ, КОТОРЫЙ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В НАЦИЮ
А.К.М.

БЬЕТ ПО МОЗГАМ

⇦ СТРАНИЦЫ 08-09

Отключи телевизор в квартире родителей, и в семье настанет мир — этот тезис, увы, не работает:

— Человек, привыкший к фоновой телетрансляции или шуму радиоточки, которая в советских квартирах имела такую же функцию, что в российских — ТВ, через какое-то время перестает его замечать. Уровень восприятия так снижается, что ты не осознаешь, как бы не слышишь. Но вот если резко отключить этот поток, тревога так же резко возрастет. Телезритель при поломке ящика испытывает то же, что мы при отключении интернета. Закрылось окно в мир, потерян контакт со всеми. Так что совет выключать телевизор родителям приведет лишь к росту напряжения.

За слова ответим

Пропаганда живет не только «в телевизоре». Первым требованием военной цензуры стал запрет на использование слов[redacted] применительно к боевым действиям в ходе российско-украинского конфликта. Это слово и раньше крайне неохотно применялось российскими официальными лицами, которые чеченскую кампанию называли «контртеррористической операцией». Но в то время за словосочетание «чеченская война» в суд не тащили. Отчего власть цепляется за слова?

Изменение словаря — тоже составляющая системы пропаганды, равно как и изменение системы образов, символов, которые поджидают нас на каждом шагу.

[redacted] Выражение «специальная военная операция» — пустое и непонятное словосочетание, от него не страшно, от него вообще никак. Специальная — то есть контролируемая, «так задумано», так надо. Операция — не навсегда, не со всем миром, локальная.

— Судорожно запрещая слово[redacted] они пытаются изменить мышление людей, — считает Лихошва. — В психологии есть понятие единства сознания и деятельности. Вводя в оборот слова с новым значением, они стремятся поменять сознание, восприятие действительности и, следовательно, поступки. «Шпион» или «разведчик», «повстанцы» или «сепаратисты», «добровольцы» или «наемники» — мы говорим об одних и тех же явлениях, но в зависимости от выбора термина получаем совершенно разный эмоциональный эффект. Мы давно шутили над тем, что взрыв теперь называют хлопком, а падение — отрицательным ростом. Подменяя термины, они пытаются контролировать эмоциональную составляющую нашей реакции на явления. И успешно это делают. Поэтому война за слова будет продолжаться: запреты, попытки изменить содержание.

Здесь мы обнаруживаем некоторое противоречие. Жестко пресекая использование слова [redacted] государство при этом постоянно использует в пропаганде образы Великой Отечественной. Пышность праздников, уголовные дела и посадки за неподобающие селфи близ военных мемориалов, статья за оскорбление чувств ветеранов, превращение войны в карнавал с младенцами в пилотках — все это мы наблюдали несколько лет, предшествующих СВО.

— Это попытка задействовать простые и понятные всем образы, на которые люди могут опираться. Великая Отечественная — колоссальная рана, затмившая даже репрессии. Она затронула каждую семью, и эта боль хранится в каждой семье на разных уровнях. Эта рана еще не затянулась толком, и надорвать ее оказалось проще всего. К тому же это война, из которой Советский Союз вышел победителем. А победители не имеют никаких грехов, [redacted]

«В Россию встроен анархистский фильтр»

Кроме образа советского солдата-героя, эксплуатируются исторические персонажи: Александр Невский, Минин и Пожарский... Заметим, кстати, что здесь не обходится без конфузов, как недавно, когда на граффити в центре Москвы изображение Минина и Пожарского по мотивам хрестоматийного полотна Михаила Скотти скорректировали, от греха подальше убрав из композиции Кремль, на который в оригинале указывает Минин, и лик Спасителя со стяга, — получилось, что народные герои позируют на фоне красного флага, будто революционные матросы.

Качество пропаганды вообще вызывает массу вопросов, концентрация ее бездарности, например, — снятый за 50 млн казенных рублей в 2016 году мультфильм «Дети против волшебников», в котором сироты-суворовцы воюют с окопавшимися в Шотландии магами посредством собранного в гараже вертолета и деревянного крестика. Крестик подает сигналы офицеру ФСБ, готовому прийти на помощь и покрошить сторонников европейских ценностей, похищающих души российских детей. Развесистая клюква замечательна не столько сюжетом, сколько феерично плохой анимацией (ленту признали самым плохим российским мультфильмом за всю историю и отказывались показывать в кинотеатрах). Несмотря на это, поддержку авторам оказали Минкульт и РПЦ.

Современная пропаганда на первый взгляд проигрывает советской по качеству исполнения — создатели той, по крайней мере, не воровали такими объемами. Однако работает она эффективнее советской, в которую толком, особенно в позднем совке, никто не верил. Одно из объяснений — значительное снижение уровня образования и параллельное повышение уровня тревожности. Мы бедны и малообразованны, мы ходим к гадалкам и экзорцистам, потому что иной защиты от наступающего ужаса получить не надеемся. Механизм доверия шаману на экране и шаману в тайге примерно идентичен: к обоим люди добровольно приходят, чтоб их убедили в правильности хода событий.

Соцсети

Информационный вакуум, формируемый как усилиями Роскомнадзора, так и санкционными мерами, ограничивающими россиянам доступ к ряду интернет-ресурсов и инструментов, тоже работает на пропаганду.

Она меж тем посягает не только на сознание, но и на тело: все тоталитарные режимы практиковали коллективные действия, шествия, демонстрацию живых картин-символов из тел людей. На раннесоветских демонстрациях физкультурники выстраивались в пятиконечные звезды, сейчас детсадовцев выставляют для снимка в виде буквы Z. Эксплуатация телесности лишает приватности и делает человека физической собственностью государства. Лишает субъектности. Ребенка ставят в угол в наказание. Жертву насилия ставят в сексуализированную позу и фотографируют. Участники флешмобов из-под палки — жертвы государственного абьюза.

Борис Корчевников

Соцсети

Основную аудиторию разного рода «путингов» по-прежнему составляют бюджетники, которых отмечают по спискам, студенты да граждане, набранные в массовку возмездно. Ширнармассы на площади по доброй воле не спешат. Социолог Григорий Юдин считает, что это хороший знак в плане замера общественной температуры, который означает, что тоталитаризм еще не оформился окончательно. Больше того, и демиурги коллективных действий не очень настаивают на них.

— После первых недель [СВО] реальных попыток мобилизации не было. Никому и не позволяли бежать ни на какие митинги, всех таких энтузиастов немедленно изолировали. Однако это не исключает того, что в Россию встроен анархистский фильтр — причина, по которой люди не верят в политику, заставляет их уклоняться от любого принуждения. Косить, уклоняться, прикидываться, симулировать, ускользать — это набор стандартных российских тактик, — говорит он.

Зачем при отсутствии искреннего порыва в митинги и шествия продолжают вкладывать деньги? А тут мы возвращаемся к началу разговора: участников этих мероприятий приносят в жертву телевизору. Чтобы человек в глубинке почувствовал единение с большинством, нужно показать ему это большинство. Или создать, набрав на биржах массовки. Обман строится на обмане.

Именно поэтому сравнения российского общества с тоталитарной сектой увлекательны, но ошибочны. Идеологи сектантства воздействуют на группы, а не на массы, а в целительность ритуалов участники религиозных групп истово верят. Здесь же за верой уже никто не гонится, она уступила место жесткому следованию технологии.

Впрочем, конечный потребитель смыслов, конечно, оказывается под схожим с гипнотическим воздействием: пропаганда дает простые ответы на сложные вопросы. Анестезирует. Оправдывает. Соловьев, Норкин и Скабеева заняли место героев сериалов, за которыми страна следила в 90-е. И которые, кстати, оказывали психотерапевтический эффект, давали иллюзию насыщенной событиями жизни, развивали эмпатию. Времена сменились, эмпатию отключили принудительно. Вместо медоточивого Луиса Альберто на экране теперь облаченный в каску и бронежилет просветленный Борис Корчевников, который объясняет, что Бог благословляет истребление народов.

Раз это не вера, а технология, тумблер можно и повернуть. Коли пропагандисты начнут нести совершенно противоположные вещи, ругать правительство или призывать к прекращению огня, через несколько дней в эту пропаганду тоже поверят. Но это тоже будет пропаганда, а не сознательные решения прозревшего населения. Просто вектор манипуляции сменится. А технология — прежняя.

Выключить ее и запустить процессы осмысления и осознания могут только независимые медиа и широкий доступ к информации. Но этот опасный фактор государство предусмотрительно нейтрализовало заранее.

Татьяна БРИЦКАЯ

P.S. О божьей росе

«Прям топить этих детей надо. <...> А это наш метод! Сказал, что москали оккупировали <Украину>, и сразу бросаешь прямо в реку с бурным течением... В хату забивать и жечь». 20 октября так высказался в телепрограмме на канале RT один из ведущих российских пропагандистов Антон Красовский. Скандал — даже в дружественном медиасубстрате — оказался столь велик, что телеведущий был отлучен от эфира. К слову, всего три года назад за схожий (только в твиттере, а не на федеральном канале) призыв к расправе над детьми российских силовиков блогер Синица получил пять лет колонии.

Никаких аналогий: одно дело — личное мнение блогера, другое — высказывание пропагандиста на госпайке. Это не Красовский такой кровожадный, это инструментарий расширился. Человек просто делал свою работу — видимо, так рассуждают и следственные органы.

Материал проверки сначала спустили из центрального аппарата в управление по Москве, а затем и вовсе не нашли в нем ничего интересного для СК, отдав на откуп полиции.

Это при том, что начинали проверку по личному указанию председателя Следственного комитета Александра Бастрыкина, а такого рода указания подразумевают личный контроль за результатами. Каковы они, ясно из ответа СК на запрос депутата Мосгордумы Евгения Ступина:

«В поступившем обращении сведений о совершенном или готовящемся преступлении против несовершеннолетних или с их участием не сообщается. Вопросов, относящихся к компетенции ГУ СК России по г. Москве, не содержится».

Памятка для телезрителя

ДЕСЯТЬ БАЗОВЫХ ПРИЗНАКОВ ПРОПАГАНДЫ

Пропаганда сопровождала все военные конфликты новой истории, ее принципы не менялись в течение сотни с лишним лет. Она влияет на гражданское общество сильнее, чем пропаганда в мирное время, оставляет пожизненную печать на целом поколении, надолго отравляет отношения между народами.

Соцсети

Профессор Брюссельского свободного университета Анна Морелли сформулировала основные законы и клише пропаганды военного времени в монографии «Элементарные принципы военной пропаганды» (Principes elementaires de propagande de guerre). Подзаголовок: «Применимы для холодной, горячей и теплой войны». Книга, вышедшая в 2001 году и переживающая третье издание, принесла широкую известность автору. В этом году Морелли стала востребованной гостьей на телевизионных ток-шоу и прочих дискуссиях о событиях (здесь и далее я вынужден подбирать эвфемизмы), связанных с Украиной. Вот эти десять базовых заповедей:

1. Мы не хотим войны, мы только обороняемся!

2. Ответственность за эту войну несет только наш противник!

3. Лидер наших врагов — воплощение зла по своей природе и имеет лицо дьявола.

4. Мы защищаем благородное дело, а не свои корыстные интересы.

5. Враг умышленно зверствует, а мы если и совершаем ошибки, то ненамеренно.

6. Противник применяет незаконное оружие.

7. Мы несем совсем мало потерь, потери противника огромны.

8. Признанные интеллектуалы и художники — на нашей стороне.

9. Наше дело свято.

10. Кто сомневается в нашей пропаганде — предатель. Он помогает врагу.

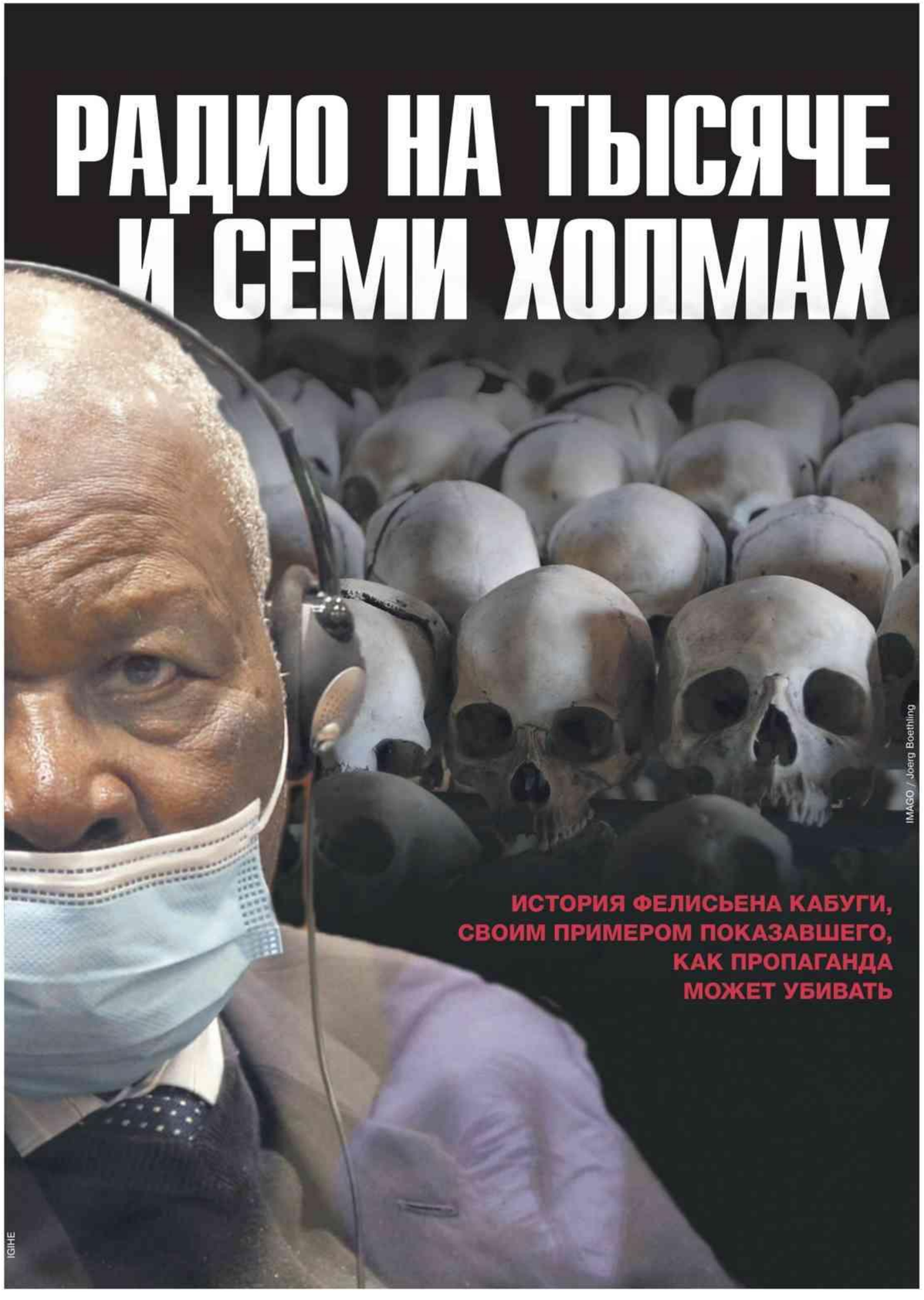
Автор «Элементарных принципов военной пропаганды» проанализировала документальный материал времен двух мировых войн и добавила опыт конфликтов в Ираке, бывшей Югославии и Афганистане.

Как историк-исследователь она оговаривается в предисловии, что не хочет принимать чью-то сторону или защищать диктаторов и только демонстрирует повторяемость 10 принципов сквозь времена: «Я не собираюсь выяснять, кто лжет, а кто говорит правду, кто сам верит в то, что говорит, а кто нет».

«Десять принципов» профессора Морелли универсальны, в любой войне с любой стороны можно найти их присутствие — независимо от ваших симпатий или антипатий. В оценке ситуации остается только их учитывать и пытаться понять, кто больше лжет.

Александр МИНЕЕВ

РАДИО НА ТЫСЯЧЕ И СЕМИ ХОЛМАХ

IMAGO / Joerg Boethling

IGIHE

ИСТОРИЯ ФЕЛИСЬЕНА КАБУГИ, СВОИМ ПРИМЕРОМ ПОКАЗАВШЕГО, КАК ПРОПАГАНДА МОЖЕТ УБИВАТЬ

26 лет этот человек, заказывавший и оплачивавший убийственную пропаганду против другого народа, скрывался от правосудия. Около миллиона человек погибли от геноцида, к которому призывала его радиостанция RTLM — «Свободное радио и телевидение тысячи холмов». («Страна тысячи холмов» — так называют Руанду.) Но вот он в Гааге и теперь слушает, как прокуроры зачитывают обвинения.

Подсудимого зовут Фелисьен Кабуга, ему сейчас то ли 87 лет, то ли 89 (на чем настаивает защита, приносящая справки о том, что в его мозге идут «необратимые процессы слабоумия»), но внешне он хорошо выглядит, держится с видимым достоинством — в отглаженном костюме темно-серого цвета, галстуке и белой рубашке.

За процессом следят всего несколько журналистов, а количество просмотров видео каждого заседания не превышает и тысячи. Притом что это исторически значимый суд, и очень важно, чтобы он дошел до завершения: рядом с Кабугой на всех заседаниях врач, в тюрьме — регулярные медобследования. Кабуга — этот больной уничтожитель жизни, политический маньяк, участник бессмысленной кровавой [redacted] против другого народа — должен дожить до вердикта.

Сегодня он — последний из живых виновников массового уничтожения людей, которого удалось усадить на скамью подсудимых.

Осуждение сотрудников RTLM *(до этого, много лет назад, крупные сроки получили журналисты, редакторы, акционеры этой станции.* — см. справку «Новой») — второй в истории случай, когда перед международным судом предстали пропагандисты. Первый был в Нюрнберге: судили нацистских журналистов, издателей и заведовавших пропагандой чиновников; следующий должен закончиться сейчас, с участием Кабуги...
А когда будет новый — кто знает: может, он уже совсем не за горами, не за тысячью холмами.

Так что еще и поэтому интересен и важен случай Кабуги, изложенный доходчивым русским языком.

Фелисьен Кабуга, богатейший человек Руанды, был президентом станции и главным ее финансистом. Деньги для запуска радио (3 миллиона французских франков, или примерно 450 тыс. евро) Кабуга обеспечил при финансовой поддержке... Фонда имени Конрада Аденауэра.

К финансированию были привлечены еще несколько десятков акционеров — в основном, из состава неформальной группы Akazu («домочадцы»), которую возглавляла Агата Хабиаримана, жена руандийского президента Жювеналя Хабиариманы (на самом деле, банального диктатора, к 1994-му — году своей гибели — он удерживал захваченную в ходе госпереворота власть более 30 лет). В Akazu входил близкий круг главы государства, люди из народа хуту, включая Кабугу (который породнился с президентом, выдав двух своих дочерей замуж за его сыновей). Многие в этой группе, в том числе Агат, были недовольны, что в августе 1993-го президент подписал Арушские (мирные) соглашения с Руандийским патриотическим фронтом (FPR), куда входили, в основном, ополченцы из числа руандийского меньшинства — тутси. Соглашения должны были положить конец трехлетней гражданской войне. Они предусматривали создание переходного правительства, в которое вошли бы и члены FPR, предоставление политических свобод, репатриацию беженцев (то есть тутси) и т.д.

«Свободное радио и телевидение тысячи холмов» (до телевидения, несмотря на название, дело не дошло) было запущено 8 июля 1993 года — меньше чем за месяц до церемонии подписания Арушских соглашений.

Инициатором создания станции стал политик, историк — толковавший историю исключительно в пользу хуту, экс-глава министерства информации и Radio Rwanda Фердинанд Нахимана.

Г-н Нахимана получил тридцать лет тюрьмы еще в 2007-м, и даже сегодня ему «всего» 72 года — так что Кабуге, по какому-то странному стечению обстоятельств, можно сказать, повезло — предстать перед трибуналом, вероятно, уже на пороге высшего суда.

Но пока вернемся в чудовищные «золотые времена» радиостанции, которую он возглавлял и финансировал.

* * *

В 1994-м в Руанде радио — главный источник информации и развлечения, тем более что число людей, умеющих хотя бы просто читать и писать, — невелико (около 60%), телевизор для подавляющего большинства — буквально роскошь, и даже радиоприемник — в среднем один на три-четыре семьи. Но слушают радио почти все. Те, у кого нет приемника, ходят к соседям, родственникам...

В стране, до появления RTLM, две станции — относительно нейтральное государственное Radio Rwanda и еще Radio Muhabura, вещавшее из Уганды от имени Руандийского патриотического фронта.

На их фоне RTLM, использующее — в перерывах между запуском заирской музыки и хитов местных авторов* — легкий, развязный стиль повествования, — слушается как мегамодное радио. Еще одна новинка для Руанды: интерактивность — слушатели могут позвонить в эфир и высказаться.

В сетке — политика, новости спорта... Подавляющее место в политической части эфира занимают экстремисты.

Шутки над тутси унизительны, «критика» в их сторону — жестока, но пока дело не доходит до открытых призывов к убийствам.

Пока даже многие тутси слушают эту станцию. Среди них был Этьен Нсанзимана (ныне — президент французского отделения Ibuka, главной ассоциации, объединяющей людей, переживших геноцид). «Мы, молодые люди, все слушали эту радиостанцию... Там звучала очень живая музыка, — рассказывал он газете La Croix. — Сначала мы не могли поверить в ненависть, которую она распространяла против нас, это было так абсурдно... Когда мы поняли, что это не шутки, было уже слишком поздно, истребление началось».

Но поначалу лексика такова: «Я — хуту, и я ничего не имею против тутси. Но в данной политической ситуации я должен пояснить: «Берегитесь! Тутси хотят отнять у хуту все — с помощью силы и хитрости».

Пропагандисты RTLM активно развивают тему о намерении «высокомерных феодалов»-тутси — которые до конца 50-х действительно управляли страной — вернуть утраченную власть. Называют тутси «пришлыми», «чужаками», которые «не имеют права» жить на земле Руанды (хотя они практически не отличаются от хуту и говорят с ними на одном языке — киньяруанда). Ставят знак равенства между всеми тутси и милитаристским Руандийским патриотическим фронтом, а также вообще между любыми противниками власти и «фронтом». Все они не иначе как враги народа.

Национальный вопрос радиостанция неизменно (и лживо) связывает с финансовым: в этом смысле тутси (их всего 14%, тогда как хуту — 85%) стали руандийскими «евреями»: «все захватили», «все привилегии — у них», «все деньги — у них», «всюду — только они».

17 декабря 1993 г. ведущий Кантано Хабимана — главная «звезда» RTLM, поглощавший треть эфирного времени, — восклицал: «Хотя (тутси) говорят, что с ними обращаются несправедливо, именно они богаты... Некоторые люди видели список клиентов Сберегательного банка, и они утверждают, что большинство из них как раз тутси или даже женщины–тутси».

Женщины–тутси — это «развратницы», которые используются для коварного соблазнения мужчин-хуту — с целью последующего манипулирования ими ради захвата власти в стране. Кроме того, многие тутси «мимикрируют» под хуту — с теми же коварными целями.

Ведущие тонко играют на недовольстве жизнью в стране (Руанда и так никогда не была Швейцарией, а с конца 80-х переживала серьезный экономический кризис), направляя недовольство мимо коррупционного правящего режима прямо на тутси и врагов из других стран Африки, а также с Запада: американцев (поддерживавших FPR), бывших колонизаторов-бельгийцев, миссии ООН по содействию Руанде (где важнейшую роль играла Бельгия)...

Применяя метод «зеркального обвинения», пропаганда приписывает тутси намерение «совершить геноцид» хуту. Первым об этом стал говорить журнал «Кангура» (1989–1994), который до появления RTLM был главным СМИ для хуту-«партиотов». Журнал распространил не только «программный» манифест «Десять заповедей хуту» (заповедь № 8: «Хуту должны перестать жалеть тутси»), но и руандийскую версию «протоколов сионских мудрецов» — «документ», в котором говорилось о «плане реколонизации», подготовленном тутси при соучастии Запада.

RTLM позднее активно цитировало эти «источники» в эфире. И еще один: в 1993-м «Кангура» опубликовала статью под названием «Таракан не может родить бабочку». В статье говорилось: «...Таракан рождает другого таракана. <...> Все они связаны между собой... их зловещая сущность одинакова. Неописуемы преступления, совершаемые иньензи (тараканами) сегодня... но вспомните, что творили их старшие поколения: убийства, грабежи, изнасилования девочек и женщин и т.д.».

* * *

Команда станции состоит всего из десяти пропагандистов, но работает «эффективно». Ученый Дэвид Янагизава-Дротт в своем исследовании «Пропаганда и конфликт: опыт геноцида в Руанде» позднее покажет: чем лучше принимало в каком-то районе радио (а с приемом во многих местах были проблемы как раз из-за «тысячи холмов»), тем ожесточеннее и кровавее действовали радиослушатели. И еще важный момент: если число слушателей переваливало за 60 процентов, то и уровень насилия в районе возрастал на порядок. «Простым людям» важно, чтобы большинство придерживалось таких же взглядов, и тогда все, что творится, — это уже и не совсем убийства, а выполнение «долга перед Родиной», «священная миссия»... Не зря перед всякого рода войнами властям важно выжечь напалмом информационную поляну, уничтожив любые альтернативные источники (там, где, в отличие от Руанды, они были).

Не имевшая конкурентов радиостанция буквально передает смерть по своим волнам. Убийцы часто выполняют «работу» под передачи «Радио тысячи холмов». В руке — мачете, через плечо — приемник. Крики беззащитных жертв — насилуемых и убиваемых — смешиваются с бодрой музыкой RTLM.

Отряд боевиков в Руанде, 1994 год. Фото из открытых источников

> «СИЛА ВОЗДЕЙСТВИЯ ТЕЛЕКОНТЕНТА ОСНОВАНА НА САМЫХ ДРЕВНИХ И БАЗОВЫХ ОСНОВАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ, А ЕГО ЭФФЕКТ ЕЩЕ РАЗ НАПОМИНАЕТ, ЧТО МЫ ПРОСТО ПРИМАТЫ

* *Наибольшую известность получил Саймон Бикинди, певец из народа хуту, входивший в правящую «элиту». В 2008-м Международный трибунал выпишет ему за «творчество», подстрекавшее к геноциду, 15 лет тюрьмы. Умер, не дожив до конца тюремного срока.*

Продолжение материала ***Юрия САФРОНОВА*** — СТРАНИЦЫ 14-15 ⇨

ПРАВДА — ЭТО ЛОЖЬ, КОТОРАЯ СЛУЖИТ ИНТЕРЕСАМ ГОСУДАРСТВА
А.К.М.

⇦ СТРАНИЦЫ 12-13

РАДИО НА ТЫСЯЧЕ И СЕМИ ХОЛМАХ

Майкл С. УИЛЬЯМСОН / The Washington Post

В лагере беженцев на пограничном переходе реки Кигера с Руандой

Руандийский патриотический фронт прозвал эту станцию «Радио Мачете». Его также называют Radio Television La Mort (фр. «Радио и Телевидение Смерть»).

Ближе ко «времени Ч» — а геноцид против тутси готовился загодя, и подготовка шла не только на информационном фронте (тот же Кабуга занимался еще и поставками и массовой раздачей оружия «титушкам» из проправительственной боевой организации «Интерахамве») — тон вещания становится все более извинченным.

16 марта 1994 г. одна из трех главных «звезд» RTLM — Валери Бемерики, фактически призывает народ к мобилизации: «Мы знаем мудрость наших вооруженных сил. <...> Что мы можем сделать — так это помочь им от всего сердца. Недавно некоторые слушатели звонили и поддерживали это, говоря: «Мы поможем нашей армии, если понадобится, мы возьмем в руки любое оружие, копья, луки...»

«Время Ч» наступило вечером 6 апреля, когда при подлете к Кигали (руандийской столице) из ПЗРК был сбит «Фалькон», на борту которого находились президент Руанды Жювеналь Хабиаримана и еще одиннадцать человек, включая президента Бурунди Сиприена Нтарьямиру. Уже через несколько минут после этого радиостанция RTLM, обвинив «тараканов» в совершении теракта, дала сигнал к началу «полного их истребления». Радио транслировало списки. Массовые убийства начались той же ночью.

Руководство страной взяла в свои руки хунта во главе с членом Akazu полковником Багосорой (в 2008-м приговорен к пожизненному, умер в тюрьме в 2021-м). Премьер-министр страны Агата Увилингийимана, к которой по закону после смерти президента должна была перейти власть, была убита вместе с супругом и охранявшими их десятью бельгийскими миротворцами.

Та же участь постигла многих «умеренных» хуту.

* * *

Пропагандисты RTLM в эти сто дней геноцида ведут эфиры вдохновенно. Ведущие пересыпают призывы к уничтожению «змей» и «тараканов» «шутками», в студии весь день смеются, курят и пьют. Атмосфера всегда приподнятая, чтобы способствовать убийствам в «хорошем настроении». Цитаты из программ: «Тараканы кишат в нашей стране. Поймайте их и заставьте страдать!..»

«Прошлой ночью я видел ребенка тутси, которого ранили и сбросили в яму... Он умудрился выбраться из ямы, и его прикончили дубиной. Перед смертью его допросили... Мне непонятно, о чем думают тутси. У них не больше оружия, чем у нас. У них куда меньше людей. Думаю, они исчезнут, если не отступят».

«Мы просим правительство Руанды найти нам оружие... Надо одолжить или взять оружие в аренду, чтобы убить всех тутси, которые есть в стране... Если сто тысяч молодых людей встанут под ружье, мы убьем и уничтожим их всех».

Радиоведущие ведут подсчет, сколько дней необходимо для «окончательного решения» тутсийского «вопроса».

(«Задача» будет почти выполнена: за 100 дней убьют три четверти людей народа тутси из тех, что жили тогда в Руанде.)

* * *

Ведущий Хабимана дает своим слушателям совет, как идентифицировать тутси — «по размеру» и внешнему виду: «посмотри на его маленький носик, а потом сломай его».

На расставленных в рамках проведения «спецоперации» блокпостах боевики «Интерахамве» часто пьяны. Радио подталкивает их к «соревнованию»: «Могилы еще наполовину пусты — вы должны их заполнить», «Возьмите свои мачете и срубите все большие деревья (тутси)!».

Иногда «военкоры» — тот же Хабимана — сами выезжают на блокпосты и места «облав на тараканов». Берут интервью у «наших героев», вдохновляют на «победу», с восторгом описывают подробности массовых убийств.

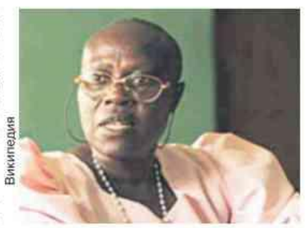
«Мы были как собаки, больные бешенством», — признавалась потом ведущая Валери Бемерики в документальном фильме «Семь дней в Кигали».

«Был, например, случай с мужчиной и его детьми — их специально назвали по радио, диктор Валери Бемерики сказала: «Автомобиль приближается к шлагбауму у лицея де Сито в центре Кигали, а внутри — семейство тараканов. Остановите их!» Через полчаса она вышла в эфир «поздравить» людей у шлагбаума, т.к. они остановили и «избавились» от них», — рассказывала позднее правозащитница Элисон де Форж.

* * *

Описывать, с какой пьяно-наркотической жестокостью боевики «Интерахамве», армия и жандармерия, при участии «простого народа» уничтожали людей из другого народа — от младенцев до стариков, — нет никакой возможности. Уничтожали при полном, позорном бездействии ООН и всего мирового сообщества, включая Францию, которая долгие годы поддерживала руандийский режим и могла остановить массовое убийство и до его начала, и после, но не останавливала, еще и обстреливая наступающие войска FPR (которые, надо сказать, позднее тоже «прославились» безжалостностью).

Канадский генерал Ромео Даллер, возглавлявший миссию ООН в Руанде, предупреждал (и не только он) о готовящемся геноциде загодя — еще с ноября 1993-го. Безрезультатно. В начале мая генерал, вместе с правозащитницей Элисон де Форж, обращался в Совбез ООН, в Белый дом, к западным дипломатам с запросами на проведение операции по блокированию RTLM, отмечая ключевую

Википедия

Диктор Валери Бемерики

его роль в подстрекательстве к массовым убийствам, но обращения не привели ни к чему. Аргументы: это «покушение на свободу слова», «покушение на суверенитет Руанды», к тому же «это дорого»; самолет, который бы глушил волны, стоит 8000 долларов в час.

Генерал не раз потом говорил: простое глушение радио спасло бы многие тысячи жизней.

«Радио в Руанде было сродни голосу бога, и если оно призывало к насилию, многие руандийцы откликались, полагая, что у них есть санкция на совершение этих действий», — написал Даллер в своей книге.

* * *

4 июля 1994-го, когда стало понятно, что действующий режим не устоит, французские военные — вероятно, в рамках заботы о свободе слова — вывезли команду «Радио тысячи холмов» из столицы и таким образом не только спасли пропагандистов, но и позволили им вещать еще три недели — через мобильное оборудование. Французы также вывезли из страны большую часть правительства Руанды, а еще — жену убитого президента (которая, как говорят представители ассоциаций жертв геноцида, была замешана в его организации). Жена президента и еще как минимум около сотни «геноцидчиков» до сих пор живут во Франции, сообщал недавно канал TV5 Monde. И не слышно, чтобы кто-то собирался их судить в Гааге или выдавать в Руанду.

Pascal GUYOT / AFP

Выбраться в лагерь для беженцев — это еще полдела. Как выжить среди сотен тысяч голодных людей?

* * *

Фелисьена Кабугу арестовали в ближайшем парижском пригороде Аньер-сюр-Сен только 16 мая 2020 года. Почему не раньше? Притом что он был одним из самых разыскиваемых беглецов в мире, о его роли прекрасно известно с 1994 г., в розыске Международного уголовного трибунала по Руанде (МУТР) он с 1997 г., а в 2002-м власти США пообещали 5 млн долларов за любую информацию, которая приведет к его аресту.

И вот в возрасте под девяносто лет Кабугу взяли. Многие африканские СМИ отмечали, что это могло быть связано с желанием президента Макрона «примириться» с властями Руанды.

Анонимный источник сообщил, что в парижском регионе Кабуга жил (под присмотром сменявшихся на дежурстве своих детей) под именем Антуан Тунга, с паспортом Демократической Республики Конго. А всего за 26 лет он использовал не менее 28 подставных имен, рассказывал в интервью Justice Info полковник Эмеро, тогдашний глава французского Центрального управления по борьбе с преступлениями против человечности. Эмеро подчеркивал: «Никто его не сдавал. Никто не получит (от США) вознаграждение в 5 миллионов долларов».

История подпольной жизни Кабуги невероятно богата: он ведь активно бегал по миру — например, еще в 1994-м сначала оказался в Швейцарии, а потом, после отказа в предоставлении убежища, как-то свободно покинул ее, оставив также следы в Заире, Кении, на Коморских островах, в Германии, Люксембурге...

«Кабуга по-прежнему является человеком, который знает имена всех финансистов, прямо или косвенно причастных к трагедии. Регулярно упоминались названия нескольких крупных западных банков — бельгийских, швейцарских и французских. Его деньги и связи позволили ему скрываться более 20 лет», — утверждало радио VOA Afrique.

Некоторое время следователи МУТР пользовались сотрудничеством властей Руанды, но «когда мы захотели получить доступ к движению средств через иностранное государство, по банкам <...> пронесся ветер паники», рассказал в интервью Le Monde эксперт Андре Гишауа, который в начале 2000-х расследовал «финансовые аспекты геноцида» по поручению МУТР.

«По просьбе директоров национальных банков и их иностранных акционеров» нынешние власти Руанды *(там сейчас, напомню, правит президент-тутси, глава FPR Поль Кагаме.* — **Ю. С.**) прекратили сотрудничество со следователями в этой области, ссылаясь на «национальное примирение» и «восстановление страны», говорится в отчете Международного трибунала.

Отношения Кабуги с Францией вообще вызывают много вопросов: например, его зять, по данным France Info, «служил переводчиком у скандально известного следователя Брюгьера, когда тот расследовал убийство президента Хабиариманы, послужившее толчком к геноциду».

В расследовании, судя по данным множества источников, использовались любые доводы в пользу того, чтобы обвинить в уничтожении самолета Руандийский патриотический фронт (т.е. тутси) и отвести всякие подозрения от экс-властей Руанды (т.е. хуту), а кроме того, вероятно, и от французов.

«Кабуга также является человеком, который знает все о сетях, позволивших многим руандийским виновникам геноцида скрываться от правосудия в течение долгих лет», — подчеркивает France Info.

Многие заседания суда над Кабугой проходят в закрытом режиме — официальная причина: для защиты свидетелей.

* * *

Заседания по существу начались 29.09.2022. Ведет их уже не МУТР, а созданный вместо него Международный остаточный механизм для уголовных трибуналов (МОМУТ) — во главе с британским судьей Иэном Бономи.

Процесс тянется медленно: «в связи с состоянием здоровья обвиняемого» слушания проходят не более трех раз в неделю (вторник, среда, четверг), не более двух часов каждое.

Кабуга наблюдает за ними, в основном, по видеосвязи из тюрьмы, но иногда — например, 1 декабря — решает появиться в здании суда.

Всего планируется допросить около 50 свидетелей обвинения, и примерно столько же — защиты. Последнее в этом году заседание запланировано на 22 декабря. Весь процесс может продлиться «около двух лет», рассказали «Новой» в пресс-службе МОМУТ.

Кабуга обвиняется по семи пунктам: геноцид; прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида; заговор с целью совершения геноцида; преследование по политическим мотивам; истребление; убийства.

Большая часть доводов обвинения сосредоточена на его роли как президента «Радио тысячи холмов».

«Ненавистническая риторика RTLM превратилась в открытые призывы к уничтожению меньшинства тутси», — заявил прокурор Руперт Элдеркин, подчеркнув, что высказывания, которые передавало радио, «сравнимы с нацистской пропагандой о евреях».

Адвокаты Кабуги во главе с французом Эмманюэлем Альтитом настаивают: «нет ничего удивительного» в том, что такой известный предприниматель «вошел в число создателей первой частной радиостанции в Руанде», тем более что создание RTLM «было частью процесса демократизации страны». К тому же редакционный устав «не предвещал ничего плохого». Адвокаты подчеркивают: их клиент, не будучи главным редактором, не определял редакционную политику.

Первые свидетели защиты заявили обратное.

Кабуга пока молчит.

Юрий САФРОНОВ

справка «новой»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ ТРИБУНАЛ ПО РУАНДЕ

МУТР был первым международным трибуналом, который судил лиц, ответственных за геноцид.

Трибунал базировался в Аруше, Танзания, и имел отделение в столице Руанды. Апелляционная палата находилась в Гааге. За время своей работы (1994–2015) Трибунал предъявил обвинения 93 лицам (из них осудил 62, еще 10 «были направлены в национальные судебные инстанции»), а около 1200 подозреваемых все еще находятся в розыске у властей Руанды, рассказал перед судом над Кабугой главный прокурор МОМУТ Серж Браммерц.

В начале 2000-х Жан-Боско Бараягвиза (политик, идеолог расистской теории Hutu Power, секретарь правления RTLM) приговорен к 32 годам, упомянутый выше Фердинанд Нахимана — к 30, Хасан Нгезе (основатель и редактор журнала «Кангура», автор «Десяти заповедей хуту», корреспондент и акционер RTLM) — к 30 годам.

Единственный европейский ведущий RTLM, Жорж Руджу, призывавший (на французском) убивать не только тутси, но и своих соотечественников-бельгийцев из ооновских «голубых касок», отделался странным приговором — трибунал, учтя «смягчающие обстоятельства» (сотрудничал со следствием, признал вину), дал ему всего 12 лет. Но даже этот срок он не отбыл до конца — будучи переправлен в тюрьму на первую родину, в Италию, вышел «по УДО».

Ведущая Валери Бемерики была приговорена (руандийским судом) к пожизненному заключению.

Ведущий Кантано Хабимана, по некоторым данным, умер в Конго, не понеся юридического наказания. Еще один ведущий, Ноэль Хитимана, по некоторым сведениям, умер в руандийской тюрьме в 2002-м.

Политический обозреватель RTLM Анани Нкурунзиза, веривший в то, что однажды наступит день, «когда не останется больше «тараканов» на земле Руанды», не предстал перед судом: с 2007 года о его местоположении неизвестно...

СЛОВ НЕТ, ОДНИ ПРОБЕЛЫ

КОНКУРС «СЛОВО ГОДА» ИЗМЕРИЛ И ОТРАЗИЛ НАСТРОЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ, ПОДВЕЛ КРАТЧАЙШИЙ ИТОГ МИНУВШЕМУ ГОДУ И ЗАПЕЧАТЛЕЛ ЕГО В ПАМЯТИ ПОТОМКОВ

Конкурс «Слово года» (существует в России с 2007 года) был задуман как барометр, измеритель настроений в российском обществе; через слово, через язык общественно значимое иной раз только и можно уловить, почувствовать. В основе идеи конкурса — объективность, бесстрастность. Даже нарочитая холодность, присущая, например, хирургу, в руках у которого скальпель. Ему в данный момент неважно, на хорошем ли счету пациент в собственном коллективе, плохой ли он семьянин или так себе, ответственный ли он налогоплательщик. Хирург думает лишь о том, как лучше сделать свою работу, как помочь пациенту. Так и мы — пытались все эти годы быть объективными фиксаторами, наблюдателями бытующих слов и выражений, уточнять с их помощью реальность, а не придумывать ее. Однако нельзя не признаться себе: в этом году каждое почти слово конкурса сочится кровью, истекает бессилием, плачет. Мы ныне имеем дело с обломками бытия, его огромным усилием воли приходится воссоздавать, восстанавливать заново — и через мгновение оно опять разваливается, рассыпается — от нашей неспособности удержать непомерную ношу.

Слова года — «война», «военный»; ловишь себя на мысли, что мы слышали и произносили их всю сознательную жизнь, вслух или про себя. Слово «война» всегда присутствовало в нашей жизни — это касается прежде всего людей с советским опытом. Мы произносили его куда чаще, чем «мир». Конечно, мы делали это не со зла, так нас воспитывали. Сама русская культура, увы, тесно переплетена с войной, но война — вольно или невольно — была для нас долгие годы мерилом всего. Конечно, в эпоху перемен, в перестройку, в 1990-е годы слово как бы отступило, поблекло; казалось бы — еще чуть-чуть, и заживем как остальные народы — миром, надеждой и будущим. Но при Путине это слово опять стало вползать, влезать в мозги; за то, что мы не нашли смысла в мирной жизни, не изменили свое сознание, все мы теперь наказаны. Словно бы от частого произнесения, помышления, ужасное слово материализовалось. Война не может быть смыслом жизни, какой бы справедливой в прошлом она ни была — вот нам страшная наука. Мобилизация, беженцы, оккупация, санкции — вот она, оказывается, какая война, а совсем не то, что мы себе представляли. Горе, черное горе — вот что она прежде всего такое. Горе, которое мы принесли народу Украины. За которое теперь нам всем предстоит просить прощения. Война пахнет Бучей и другими примерами бесчеловечного — вот что она такое. Подземное, страшное вырвалось наружу — как его унять теперь? И даже слова-перевертыши — «мобик», «чмобик» — отзываются теперь могильным холодом; вот она, могилизация — нечто, обращенное на всех, подгребающее всех, утаскивающее всех; вот что мы расковыряли, разбудили, разворошили. Мы разбудили зверя. Вот она, цена ресентимента, имперскости — и причина релокации: для одних — из России, для других же — в иное измерение, в несуществование, в небытие.

Выражение года *«специальная военная операция»* (СВО) — привычная попытка скрыть за неповоротливой бюрократической конструкцией весь ужас случившегося. Но хоть сто раз повтори, все равно нельзя не увидеть разверзшегося ада — для всех. Выражение *«Нет войне»* — само по себе правильное — напоминает нам сегодня о том, как поздно мы спохватились; это выражение стоило бы повторять, твердить в мирной жизни — до того, как кошмар случился. *«Нет вобле»* — выражение, рожденное для обхода цензуры — можно было бы даже и отметить за народную смекалистость, изворотливость, но и тут нечем гордиться. «Вобла» (как замена запрещенной властью «войны», по созвучию) — знак чего-то приземленного, житейского — теперь также отзывается вовсе не смехом, а ужасом. И бессилием. Даже сказать о реальности, назвать ее по имени не можем — только вобла от всех нас и осталась, и она нам — цена. *«А что случилось?»* — как точно эта фраза передает наше прежнее, в течение десятилетий, равнодушие — политическое, общественное. Политическое равнодушие более не невинно; за равнодушие общественное также приходится расплачиваться. *«Ответственность»* — такого слова нет в нашем списке, но за каждым почти словом оно всплывает, напоминает, жалит; ответственность россиян — за то, что позволили злу совершаться. *Ядерный шантаж*, военные преступления — вот что маячит, вот что может отзываться наша коллективная безответственность. *Отмена России, философский самолет/самокат* — все это следствие кошмара, который допустили мы сами. Результат нашей безответственности, а не чьей-то злой воли. Как и *грязная бомба*. Все отравлено, все отравлено — по причине нашей безответственности.

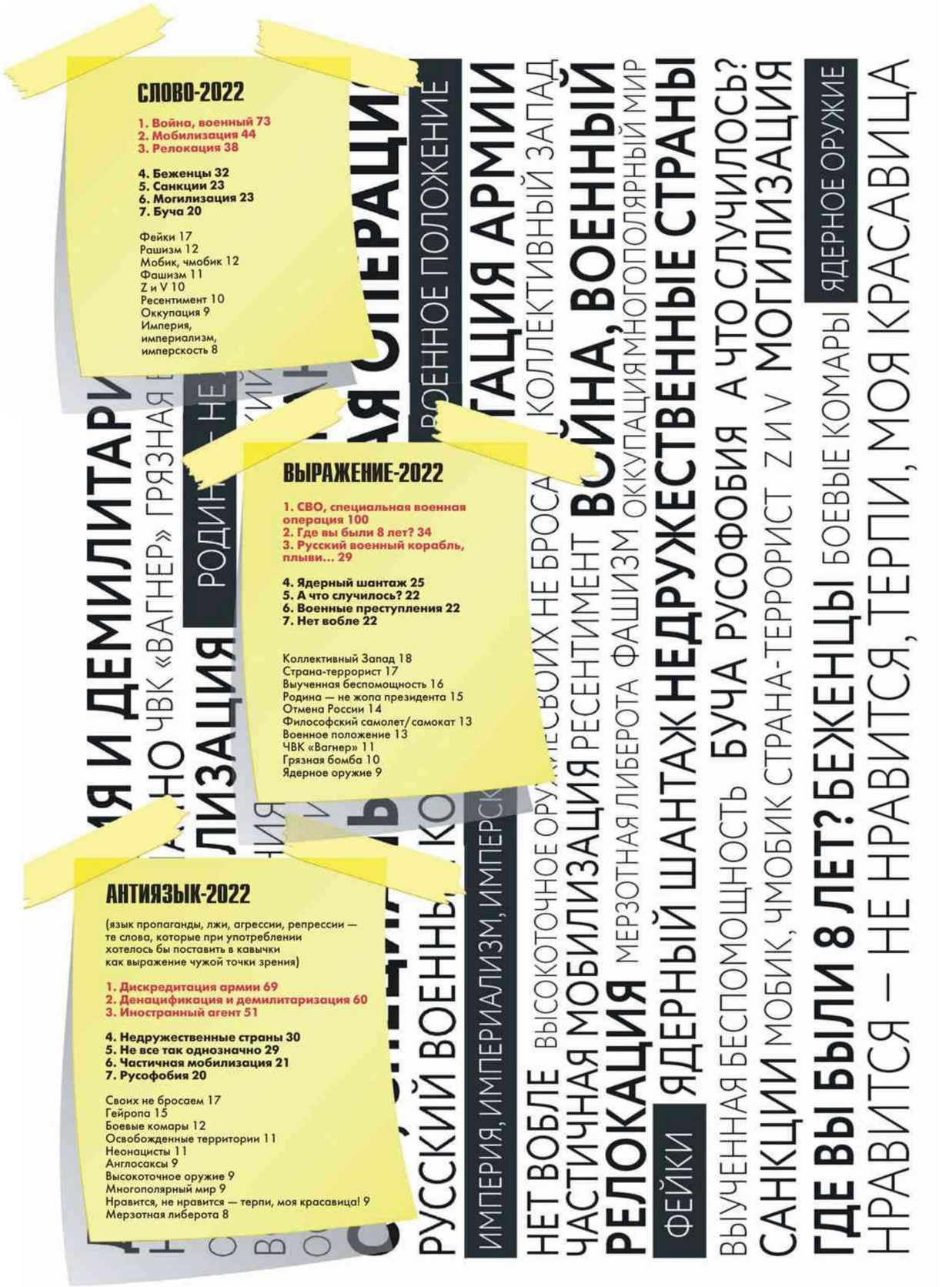
Номинация «Антиязык» года напоминает опять же о нашей корневой привычке увертываться от смысла происходящего, врать даже самим себе. И перекладывать ответственность на других. *Дискредитация армии* — как будто это кто-то другой, а не она сама себя дискредитирует. *Денацификация* — попытка скрыться за выражением, имевшим когда-то действительный смысл — когда мы вместе с союзниками боролись против нацизма; теперь же мы, словно дети, играющие во дворе, сами назначаем, кто будет наш, а кто — фашист; и само выражение теперь лишено смысла; фиговый листок, заплатка на зияющем провале. *Недружественные страны* — как будто они сами, по самой своей природе такие вот нехорошие — не хотят дружить с нами; а мы-то, мы-то — всегда были открыты, всегда только с добром к ним!.. А когда уже совсем нельзя не замечать, не осознавать, что ужас, который мы породили, амбивалентен, тогда мы прибегаем к крайней мере, говоря: *«Не все так однозначно»*. И вновь-таки — с помощью этого выражения отворачиваемся от правды, всеми силами стремимся ее не признать, не называть, не смотреть ей в лицо. Самооправдание — сколько придумано слов для самооправдания. *Русофобия* — неужели мы не способны посмотреть на себя хоть капельку объективно, признать, что критика в наш адрес бывает справедливой. Ведь каждый народ в конце концов в своей истории совершал ошибки, иные — и преступления; неужели мы — единственные, кто никогда не ошибался? Наконец, выражение *«Нравится, не нравится — терпи, моя красавица!»* (Владимир Путин); западные журналисты, помнится, в начале этого года пытались его понять и перевести; к сожалению, смысл поговорки в полной мере понятен только тем, кто вырос здесь, в советских дворах и школах, впитавшим здешние правила. В подтексте тут насилие — над кем-то заведомо более слабым; но, кроме того, это еще и насилие, которое собой упивается, которое ссылается при этом на исторические закономерности, неизбежности (тебе все равно никуда не деться от этого, так уж повелось). *Мерзотная либерота* — как невольное признание того, что попадаются еще отщепенцы, способные смотреть на мир не через уродливые линзы пропаганды. *Высокоточное оружие* — которое на самом деле неизбирательно, катком ныне едет по бытию, подгребает его под себя.

Нет слов. Может быть, сегодня правильнее промолчать, чем повторять лживые обороты государственного новояза? Чем врать себе и другим? Просто молчать в бессилии — и то честнее. Но, к сожалению, у нас нет знаков на письме, которые обозначали бы скорбное молчание.

В этом году в списке слов и выражений года «значительно ослабела тема противостояния власти и общества (оппозиции)», отмечает филолог, руководитель Экспертного совета Михаил Эпштейн. Отсутствуют указания на международные, глобальные процессы, не осталось даже и пандемии. Разве что выражение *«иностранный агент»* — то, что было знаком, пометкой искусственной выброшенности из жизни — еще мирной. Не страшно быть иностранным агентом. Страшно быть агентом зла. Соучастником преступлений.

Сами себя выбросили из мира. Отбросили — в какой век? Будут ли еще какие-то другие слова, будет ли еще жизнь? Нет уверенности в этом сейчас — и черные цифры 2022 могут оказаться последними на общем календаре истории.

Андрей АРХАНГЕЛЬСКИЙ

СЛОВАРЬ «НОВОЙ»

ГЛАВНЫЕ ЯВЛЕНИЯ, СОБЫТИЯ И СЛОВА ГОДА ОБЪЯСНЯЮТ НАШИ ЖУРНАЛИСТЫ

КУВАЛДА

Кувалда — ручной ударный инструмент (двуручный тяжеловесный молот), предназначенный для боя камня. Согласно видеосюжету неизвестного происхождения, распространенному в середине ноября, кувалда якобы была использована для внесудебной казни сдавшегося в плен бывшего бойца ЧВК «Вагнер» Евгения Нужина. После этого кувалда стала символом перехода в России права на насилие от государства к частным лицам и организациям. Видео казни Нужина призвано породить в обществе страх перед внесудебными расправами, которые как бы становятся в России нормой. Ближайший аналог кувалды за рубежом — мачете (орудие расправы латиноамериканских наркокартелей).

Валерий ШИРЯЕВ

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

МОБИЛИЗАЦИЯ

Мобилизация (частичная) — призыв военнообязанных запаса разных возрастов на действительную военную службу в связи с объявлением войны.

А еще мобилизация — это приклеенная скотчем на входную дверь повестка в военкомат; марш «Прощание славянки», захлебывающийся на стылом ветру призывного пункта; мама, собирающая ночью белье и занявшая денег у двоюродной сестры, чтобы срочно купить бронежилет на «Озоне»; мама, собирающая белье и взявшая похоронные деньги бабушки, чтобы купить билет на самолет в Ереван (207 тысяч); девочка в аэропорту, схватившаяся за рукав куртки брата, трясущаяся в тихом рыдании; утренняя неумелая молитва в церкви: «Господи, спаси и сохрани (!) Мишу, раба твоего!»; похоронка, напечатанная на бланке времен СССР; протез ноги не по размеру (да и хрен с ним — спасибо, что живой); Илья Ковалев из города Полевской, до гибели пробывший на фронте один день; спаниель Леон, привязанный к батарее подъезда с запиской: «Заберите! Я не вернусь»; [redacted] вязаные носки в посылке на фронт от пятиклассника из Саратова; тетка на призывном: «Мужики, слушайте сюда. Аптечки с собой возьмете из своих машин. Еще купите тампоны женские, они ровно в пулевое отверстие входят...»

...Грязь. Холод. Водка кончилась. [redacted] Комбат из Сватово: «Вы, главное, окопы поглубже копайте, держитесь...» Свист ракеты, вспышка... Как больно, мама...

...Тиха украинская ночь.

Наталья ЧЕРНОВА

ДИВЕРСИЯ АНГЛОСАКСОВ

В конце сентября были выведены из строя две трубы «Северного потока» и одна труба «Северного потока — 2» — российских газопроводов, предназначенных для поставки газа в Европу по дну Балтийского моря. Оператор газопроводов Nord Stream AG обнаружил на дне, в зоне шведской акватории, две взрывные воронки глубиной три и пять метров на расстоянии около 250 метров друг от друга, шведская полиция также подтвердила, что были взрывы. Отдельные расследования ведут власти Швеции, Дании, Германии, а также Россия. Генсек НАТО Йенс Столтенберг назвал атаку на газопроводы «умышленным, безрассудным и безответственным актом саботажа» и пообещал, что атаки на «критически важные объекты инфраструктуры стран альянса» получат решительный ответ со стороны НАТО. Многие европейские ведомства заявили, что подозревают Россию в организации взрывов. Владимир Путин такие предположения назвал «бредятиной», а произошедшее — «диверсией англосаксов».

При этом поставки газа по «Северному потоку» прекратились еще до взрыва: «Газпром» сослался на технические проблемы.

Мария ЕПИФАНОВА

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

ГОРБИ

Он презирал войну.

Он презирал реал-политик.

Он верил в выбор народов.

Он отпустил политзаключенных.

Остановил войну в Афганистане и гонку ядерных вооружений. Он рассказывал мне, что отказался нажимать кнопку ядерной атаки даже на тренировках. Он видел кадры испытаний, где пламя жрало дома, и коров, и овец. Таких же овец, которыми он гордился у себя в Ставрополье. Он не мог жечь живое.

...Он любил женщину больше своей работы.

Я думаю, он просто не смог бы обнимать ее, если б его руки были в крови.

Он не считал убийство государственной доблестью.

Он бескровно попрощался с коммунизмом. Его постоянно упрекали сторонники империи, что он отдал Германию, Чехию, Польшу. Он однажды ответил с непередаваемым сарказмом: «А кому я отдал? Германию — немцам. Польшу — полякам, Чехию — чехам. А кому надо было?»

А спустя несколько лет в разговоре с «Новой газетой» о новых диктаторах вдруг сказал: «Запиши, чтоб все запомнить: у диктатора должно быть одно правило — всегда держать на секретном аэродроме полностью заправленный самолет...» Его черный юмор был очень хорош.

Однажды, два года назад, он написал очень серьезный доклад для ООН и решил прочитать его нам за дружеским столом, когда рюмки уже были подняты. Достал из портфеля толстую пачку бумаги, мы приготовились вежливо слушать... А там на первой странице была только одна фраза: «Запретить войну»! «Это всё?» — спросили мы. — «А что еще?» — ответил он и разрешил выпить.

...Но между миром и ядерным взрывом больше не стоит мужчина по имени Горби. Кто заменит его? Кто? Такие — раз в тысячу лет. И он у нас уже был...

Я слышал, что он сумел изменить мир, но не сумел изменить свою страну. Может, и так.

Но он сделал и стране, и миру невероятный подарок — он подарил нам тридцать лет мира. Без угрозы глобальной и ядерной войны. Кто еще способен на такое?

Но.

Подарок закончился. Подарка больше нет. И больше подарков не будет.

Мы еще не поняли этого ясно. На прощании с ним, которое шло много часов, почти не было слов. Это были самые молчаливые похороны государственного деятеля в нашей истории. Страшно было говорить про «общечеловеческие ценности», «общечеловеческий дом», «права человека» и про мир, мир, мир на планете. Крамольно звучали бы эти простые и великие слова.

Дмитрий МУРАТОВ

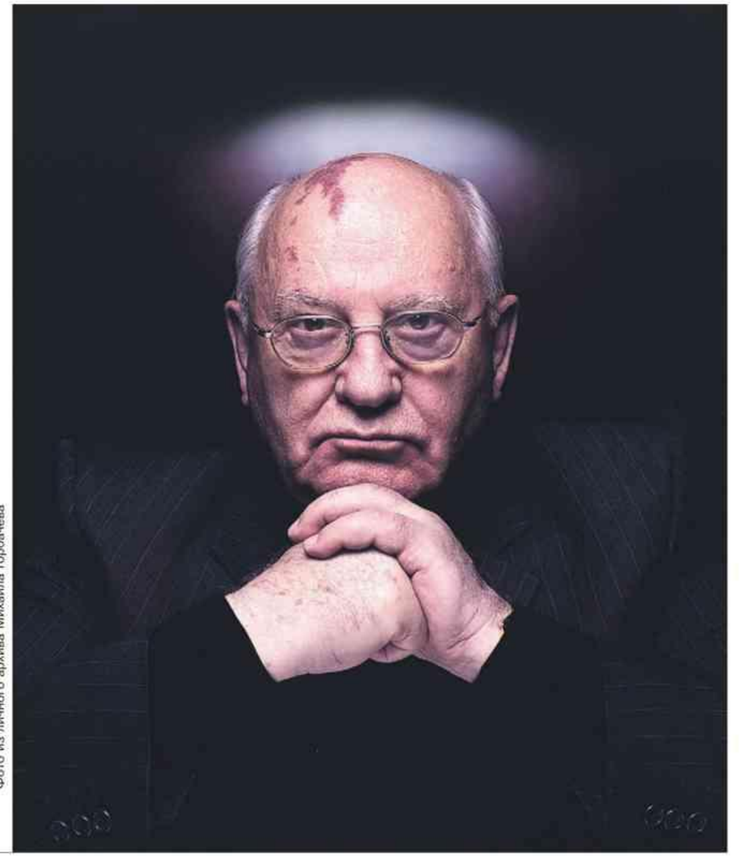
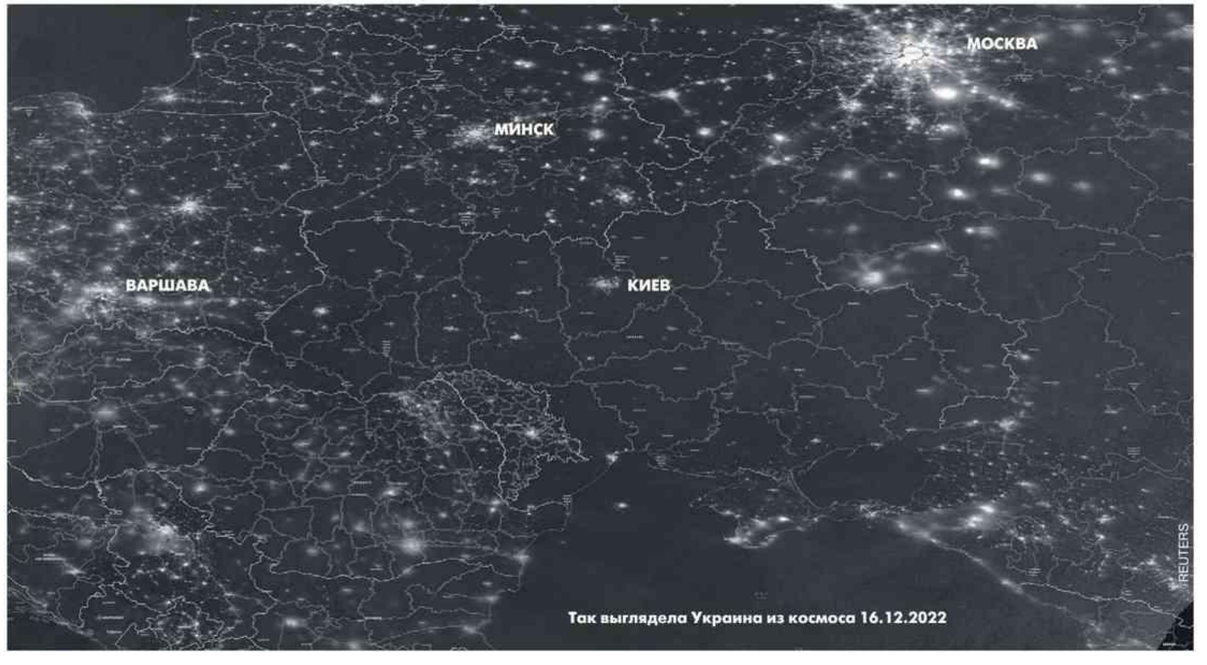

Фото из личного архива Михаила Горбачева

БЛЭКАУТ

Так выглядела Украина из космоса 16.12.2022

СЛОВАРЬ «НОВОГО»

Донос. Сельский крестный ход на Пасхе. Василий Перов, 1861 год

Википедия

ДОНОС

ЭТАЛОННЫЙ ОБРАЗЕЦ

ЗАЯВЛЕНИЕ
В ВЫШЕСТОЯЩИЕ ОРГАНЫ
ОТ ВЗВОЛНОВАННЫХ
ГРАЖДАН РОССИИ

Уважаемые господа!

Мы, группа ответственных граждан России, хорошо знаем вас как больших патриотов России. Сейчас, в эти непростые времена, когда свершается, не побоимся этого слова, судьба нашего Отечества, наши враги находят все новые и новые способы атаки на наши духовно-нравственные ценности, от обороны которых зависят и наши успехи на геополитической арене.

Наше внимание привлекла картина «Сельский крестный ход» так называемого художника Василия Перова, находящаяся сейчас в Третьяковской галерее (зал № 17). Еще в 1860-х годах данный «художник» организовывал атаки на Русскую православную церковь серией антихристианских картин («Проповедь в селе», «Чаепитие в Мытищах»). Но данная картина, до сих пор выставленная на обозрение честных граждан России, поражает своим лицемерием и цинизмом.

Крестный ход на Пасху — событие уникальное в своей значимости для каждого русского человека, а уж тем более для крестьянина, сельского жителя.

Оболгав и извратив сущность святого деяния, ритуала, изобразив священников и крестьян пьяными, а деревню — серой и убогой, этот «художник» намеренно создал лживый образ царской России как места, непригодного для жизни.

Неслучайно данная картина была запрещена в свое время. Но сейчас, когда нашими культурными учреждениями руководит либеральная мафия, связанная круговой порукой, эти антицерковные и антирусские художества снова выставляются — и тем самым оскорбляют религиозные чувства всех честных граждан нашей страны.

Расширение НАТО — не главная наша угроза, потому что, как говорят наши руководители, с внешним врагом мы справимся; главное — не пропустить внутреннего врага! Предательство — вот единственное, что способно погубить Россию. Поэтому необходимо бороться с предательством не только наших современников, но и так называемых «художников», а попросту — врагов из прошлого, которые даже из могилы тянут свои руки через свои картины, чтобы очернить нашу великую страну.

Очень надеемся, что наше обращение будет рассмотрено и картина «Сельский крестный ход» В. Перова будет убрана с экспозиции, а еще лучше — уничтожена раз и навсегда.

P.S. *Следующее наше обращение будет посвящено картине «Раздача продовольствия» художника Ф. Айвазовского. Лучше бы он дальше рисовал свои океаны. И художнику В. Верещагину с его бесконечными черепами, дискредитирующими Вооруженные силы Российской империи, следует приготовиться.*

Кирилл ФОКИН

ПОЛИТЗЭКИ

Политзэки — жертвы целенаправленного государственного прессинга. Люди, не прибегавшие к насилию и не призывавшие к нему. Люди, преступление которых сводится к проявлению инакомыслия. Среди них есть те, кто стал фигурантом дел по «политическим» статьям, а есть ложно обвиненные в чисто уголовных, неполитических преступлениях. Это очень разные люди. Известные и совершенно не публичные. Среди них есть гражданские и политические активисты, преследуемые за свою деятельность, а есть те, кто попал за решетку за репост в социальной сети, за мнение, противоположное позиции действующей власти. За какой-нибудь перформанс. Или просто за то, что назвали вещи своими именами.

Политзэками становятся и те, кто просто отказался оговорить других или как-то повлиять на родных и близких. А есть среди них и совершенно случайные жертвы государственного репрессивного механизма — для улучшения статистики и отчетности, а также для показательной порки посредством госпропаганды.

Андрей КАРЕВ

ТЕЛЕГА МЕДВЕДЕВА

Сергей БОБЫЛЕВ / ТАСС

Телеграм-канал «Дмитрий Медведев» — мощнейшее психологическое оружие Кремля, кибераналог тактической ядерной бомбы. Западные политики трясущимися руками открывают его каждое утро, чтобы узнать, кто из них в этот раз подвергнется публичному унижению и тотальному истреблению. Тексты, в которых каждое слово и каждый символ бьют врагов России прямо в их гнилые сердца, пишутся при помощи специального алгоритма, сплавляющего наиболее бронебойные пассажи из Проханова А.А., Дугина А.Г., Кургиняна С.Е., Пелевина В.О. и Сорокина В.Г. с примитивной лексикой интернет-троллей.

Некоторые аналитики выражают мнение, что радикализм телеграм-канала связан вовсе не с тайными разработками в области ментальной войны, а всего лишь с желанием экс-президента порвать с имиджем «либерала» и удержаться во власти, где теперь востребован радикализм. Однако факты многочисленных сокрушительных ударов, нанесенных по умам европейских и американских политиков, свидетельствуют об обратном.

К. Ф.

ХОРОШИЕ РУССКИЕ

Хорошие русские (Good Russians) — граждане России и/или русскоговорящие, подписанные в YouTube на каналы «Ходорковский Live», «Настоящее время» и «Утро Февраля». Чаще всего встречаются в Facebook (*компания Meta Platforms Inc., являющаяся владельцем данной соцсети, признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории РФ*) и Twitter, где на разные лады повторяют тезисы «после нас останется выжженное поле путинистов», «рабский менталитет», «люстрации».

Они не могут «дышать воздухом» внутри России, но, только покинув ее пределы, они идут в рестораны, бары и кафе, презрительно насмехаясь над россиянами, делающими то же самое.

Плохие русские (Bad Russians) — граждане России и/или русскоговорящие, которые слушали «Эхо Москвы», смотрели «Дождь» (*признан Минюстом РФ иноагентом*) и читали «Новую газету», но так и не организовали революцию/восстание. Теперь им предстоит скидываться на репарации, а если у кого-то не окажется денег, то их ждут принудительные изъятия имущества. Также все те, кто покинул пределы России позже 10 марта 2022 года, и теперь пытаются выдать себя за «хороших».

К. Ф.

САМАЯ ИСПЫТАННАЯ ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ — ВИСЕЛИЦА
А.К.М.

ЖЕНЩИНЫ ИРАНА

Полицейские задержали девушку, она умерла. Власти сказали: сердечный приступ. Свидетели сказали: девушку били по голове. Фото — изо рта торчит кислородная трубка, лицо, по-детски пухлое, лишено выражения — кома, она больше не очнется. Ее звали Махса Амини, ей было 22 года. Она курдиянка. Полиция нравов задержала ее за «неправильное ношение хиджаба» 14 сентября, в шесть вечера, у станции метро в Тегеране, столице Ирана. Протесты начались у больницы с мертвым телом Махсы. В ее родном городе Секкезе. В Сенендедже — центре иранского Курдистана. Женщины снимали хиджабы, мужчины кричали «клянусь кровью Махсы». На улицы вышли студенты Тегеранского университета. Президент Ирана позвонил родителям Махсы, пообещал «лично расследовать» смерть их дочери. В столице отключили интернет. Это ничего не остановило. Протесты охватили всю страну. Протесты идут каждый день. Власти их называют бунтом, люди — восстанием. Акции, шествия, перекрытие дорог, забастовки, захват университетов студентами, захват полицейских участков и даже целого города (город Ошневие, оружейные склады перешли в руки протестующих, государственная власть город покинула). Женщины снимают и сжигают хиджабы. Полицейские используют против протестующих газ, дубинки и пули. Убитых более 500, 60 из них — дети, в протестах участвуют школьники, школьницы. 18 тысяч задержанных, 21 протестующего осудили на смертную казнь. Казнь происходит через повешение. Повешенному Мохсену Шекари было 23 года. Суд назвал его виновным в перекрытии дороги, в ранении ополченца и в «войне против Бога». Это ничего не остановило. Станет ли восстание революцией? Режим Исламской Республики длится 43 года. Санкции медленно уничтожают экономику, инфляция в этом году достигла 50%. 18% иранцев живут в нищете, 60% — балансируют на грани бедности, безработица среди молодежи достигает 70%. Пожилая иранка говорит: «Мое поколение подстраивалась под власть, поэтому сейчас погибают наши дети». Молодая иранка говорит: «Мы знаем, что можем умереть. Но будущее, которое нам предстоит, не стоит проживать». Люди говорят, кричат, поют, пишут главные слова. Их три: женщина, жизнь, свобода.

Елена КОСТЮЧЕНКО

РАССТРЕЛ

Расстрел военнопленных — один из видов военных преступлений, согласно международному законодательству. Наибольшую известность в истории получил расстрел польских военнопленных в Катынском лесу в СССР в 1940 году. Статьи 100 и 101 Женевской конвенции об обращении с военнопленными допускают вынесение судом смертного приговора после пленения. В случае вынесения такого приговора он приводится в исполнение через 6 месяцев со дня получения страной военнопленного специального сообщения, содержащего точный текст приговора, краткий отчет о предварительном следствии и суде, в котором выделены аргументы обвинения и защиты, а также указание места казни. Выражение «расстрел военнопленных» получило большую частоту упоминаний после распространения в украинских соцсетях 12 ноября видео с предполагаемым убийством военнослужащими ВСУ 12 российских пленных в селе Макеевка Луганской области. Неполная картина события, представленная на видео- и фотодокументах, требует квалифицированного расследования. Личности предполагаемых участников установлены.

Реакция украинских официальных лиц свидетельствует скорее о нежелании углубляться в обстоятельства случившегося. Позиция властей Украины в связи с обвинениями военных ВСУ во внесудебной расправе над пленными резко отличается от их активных действий (привлечение следователей из Нидерландов, международной Объединенной следственной группы и активное содействие следствию) в расследовании катастрофы Боинга-777, сбитого летом 2014 года мятежниками над Донбассом.

Валерий ШИРЯЕВ

НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

Рисунок читателя

VPN

Михаил МЕТЦЕЛЬ / ТАСС

VPN, Ви-Пи-эН — три буквы, куда обычно посылают, когда прямого пути пройти по адресу нет. Не запрещенный в России способ сетевого подключения к сервисам и сайтам от чужого имени и как будто бы из другой страны, которым активно пользуются даже крупные российские чиновники и телепропагандисты. Выбирая VPN, пользователь, по сути, выбирает конкретный сервер в другой точке мира, а подключая VPN, направляет весь трафик со своего устройства сначала на этот внешний сервер (его IP-адрес), а уже с него — на нужный адрес или сервис. Такая технология позволяет получать доступ к сайтам и приложениям, которые напрямую не открылись бы в стране пользователя.

В России по-настоящему широко VPN стал распространяться в массах после блокировки соцсети Instagram (принадлежит компании Meta, деятельность которой в РФ признана экстремистской), где к этому моменту успела сформироваться индустрия, стали продаваться товары и услуги малого и среднего бизнеса. В мае 2022-го телепропагандист Екатерина Андреева открыто признавалась: «Я продолжаю вести инстаграм через VPN. Это не запрещено, и я не занимаюсь экстремистской деятельностью».

Впрочем, гораздо чаще сегодня VPN используют для доступа к информации от СМИ, которые были заблокированы в России в последнее время — а таких СМИ многие десятки, в том числе сайты «Свободного пространства», «Новой газеты» и «Новой газеты Европа». Именно ради доступа к сайтам заблокированных СМИ VPN использует, например, пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков: «Да, конечно <пользуюсь VPN>. Ну а почему нет? Это не запрещено», — рассказывал он в интервью «Беларусь-24» в апреле 2022 года.

Работает VPN и в обратную сторону — уже для эмигрировавших россиян. Находясь за границей — в Казахстане, Грузии, Латвии или Израиле, — они используют виртуальные сервера в России, чтобы обслужить свои налоги, платежки и имущество в «Госуслугах», в банковских приложениях, которые полноценно и корректно работают только для пользователей с российским IP-адресом.

VPN бывает платный и бесплатный. Платный лучше защищает личные данные и позволяет выбирать адреса виртуальных серверов из большого списка.

Можно сказать, что технология VPN — такая щель в железном занавесе.

Константин ПОЛЕСКОВ

БАСМАННЫЙ СУД СТАНОВИТСЯ КОНСТИТУЦИОННЫМ
А.К.М.

ЭТО ГОСУДАРСТВО НАДО ОБЖАЛОВАТЬ

Судебные битвы «Новой газеты» за право читателей на информацию

А полиция на нас, похоже, обиделась. Потому что мы не вняли их просьбе: совершить акт доброй воли и самоубиться.

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Дело было так. После того как в полиции получили письмо из РКН — с требованием возбудить административное производство по статье о «дискредитации», которую анонимные эксперты цензоров обнаружили на к тому времени уже заблокированном сайте novaya.no, — нам радостно выписали штраф (обжалуем — решение не вступило в законную силу). Но в силу того, что в процессе расследования этого правонарушения приняло участие целых четыре генерала, на этом решили не останавливаться — несолидно.

В результате мы получили письмо от начальника Управления охраны общественного порядка ГУ МВД России по Москве генерала Диокина А.В.: «Предлагаю приостановить распространение журнала «Новая рассказ-газета». <...>»

Мы хотели в ответ предложить МВД тоже совершить акт доброй воли — и по собственной инициативе, например, прекратить все дела по «фейкам» и «дискредитации». Но не стали. Потому что тут другая воля нужна, не их. И вежливо разъяснили, что не стоит присваивать чужие компетенции.

Генералы думали долго, может, привлекли дополнительные силы — в итоге решили выписать еще один штраф за «дискредитацию»: по итогам всей нашей деятельности за последние месяцы и по совокупности заслуг.

Будем обжаловать.

«Обжаловать» — именно этот глагол стал словом года в редакции «Новой», а вовсе даже не существительное «вобла».

Перед вами — батальное полотно. Таблица наших судебных боев за право на то, чтобы наши читатели могли получать информацию. За право на нашу профессию. За свободу слова и выражение мнений. За, если хотите, право жить по совести.

Таблица, конечно, далеко не полная: мы не стали включать в нее все штрафы и блокировки конкретных текстов (их с февраля блокировали списками, пока не решили просто сделать недоступными для читателей наши сайты целиком). Из таблицы видно, какие усилия прикладывает государство, чтобы от нас избавиться.

Блокировки текстов.
Блокировки сайтов.
Предупреждения.
Штрафы.
Отзыв регистраций СМИ.
Включение наших журналистов в реестр иноагентов.

Атаке подверглись:

- **«Новая газета»,** которая приостановила свой выпуск из-за невозможности исполнять свой профессиональный и гражданский долг в условиях военной цензуры;
- сайт **novayagazeta.ru;**
- сайт **novaya.no;**
- сайт **novaya.media;**
- журнал **«Новая рассказ-газета».**
- И, как выяснилось в начале декабря, даже еще не рожденное издание — **«Новая еженедельная газета»,** право на выпуск которой у нас пока еще есть.

И все эти нападки — абсолютно все! — не основывались на хоть сколько-нибудь законных требованиях.

Многие спрашивают: а зачем судиться, если все и так понятно?

По многим причинам.

Мы не терпилы и со своей веревкой не ходим.

Мы работаем исключительно в правовом поле и не будем уподобляться, например, РКН, который вычеркнул «Новую рассказ-газету» из реестра СМИ еще до решения суда (обжалуем).

Не можешь что-то изменить — фиксируй. Желательно документально. Со всеми запротоколированными абсурдом и фактами нарушений прав и свобод. С фамилиями тех, кто это сделал.

Вчера, 22 декабря, Верховный суд должен был рассмотреть в апелляционной инстанции решение о ликвидации в качестве СМИ сайта novayagazeta.ru. Итог вы уже знаете. Но сомнений в том, что суд оставит решение первой инстанции в силе, не было. Не мог суд не согласиться со следующим обоснованием:

«<...> суд принимает во внимание текущие вызовы безопасности и суверенитету Российской Федерации <...>, влияние средства массовой информации. Которое может угрожать информационной безопасности государства <...>, посредством информации, искажающей объективные факты, а также заведомо направленной на формирование у граждан ошибочного восприятия текущей ситуации в обществе и государстве. Такой подход согласуется с целями, изложенными в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации <...>.

Исходя из допущенных нарушений, в целях защиты основ конституционного строя <...> Верховный суд Российской Федерации приходит к выводу о наличии правовых оснований для прекращения деятельности данного средства массовой информации».

Не мог не согласиться, потому что это — правда. Мы рассказываем читателям эту правду. Ту самую правду, которая действительно несет опасность информационной безопасности основанного на произволе неправового государства, Верховный суд которого принимает решение, не исходя из Конституции и Кодексов, а руководствуясь некоей непонятно кем написанной доктриной.

Фиксируем. И продолжаем работу.

Сергей СОКОЛОВ

Привлекаемое лицо	Публикация	Норма закона	Процессуальное состояние	Судебные заседания/ решение суда	Текущее состояние	
АНО «РИД «Новая газета» Дело № 05-4015/2022	«Боль, гнев, стыд. Эта война — авантюра»	ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ	Выяснить, почему не зарегистрирована апелляция	Постановление Симоновского районного суда от 14.09.2022 г.	Жалоба направлена по почте 30.09.2022 г.; получена судом 04.10.2022 г., но не зарегистрирована до сих пор!	Штраф 300 000 р.
АНО «РИД «Новая газета» Дело № 2308/2022	«Новая газета» — против войны	ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ	Ожидаем назначение апелляции	Постановление Симоновского районного суда от 06.07.2022 г.	Жалоба подана 10.08.2022 г.	Штраф 300 000 р.

АНО «РИД «Новая газета» Дело № 05-3092/2022	«Херсон»	ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ	Выяснить, почему не зарегистрирована апелляция	Постановление Симоновского районного суда от 10.08.2022 г.	Жалоба направлена по почте 16.09.2022 г.; получена судом 20.09.2022 г., но не зарегистрирована до сих пор!	Штраф 350 000р.
АНО «РИД «Новая газета» Дело № 05-2854/2022	Дискредитация	ч.1 ст. 20.3.3 КоАП РФ	Ожидаем постановления суда	Постановление Таганского районного суда от 13.09.2022 г.	Получение постановления — после 01.12.2022 г.	Штраф 400 000р.
АНО «РИД «Новая газета», АО «ИД «Новая газета» Дело № 02а-0754/2022	«Путин ведет войну с Украиной. День третий. Онлайн»; «Харьков и села возле Чернигова попали под обстрел градами и фугасными бомбами. Десятки погибли и ранены»; «Пятый окаянный день. Война в Украине продолжается. Главное»; «Путин наступает на Украину. День шестой. Онлайн»	Требование Генеральной прокуратуры РФ № 27-31-2020/Ид2145-22 от 24.02.2022 г.	Ожидаем назначения апелляции	Решение Тверского районного суда от 15.06.2022 г.	Апелляционная жалоба подана 22.07.2022 г.	
АНО «РИД «Новая газета», АО «ИД «Новая газета» Дело № 02а-0687/2022	«Боль, гнев, стыд. Эта война — авантюра»; «Новая газета» — против войны»	Требование Генеральной прокуратуры РФ № 27-31-2022/ Треб207-22 от 24.02.2022 г.	Ожидаем назначения апелляции	Решение Тверского районного суда от 05.08.2022 г.	Апелляционная жалоба направлена по почте 22.09.2022 г.	
АНО «РИД «Новая газета», АО «ИД «Новая газета» Дело № 02а-0794/2022	«Херсон»	Требование Генеральной прокуратуры РФ № 27-31-2022/Ид4075-22 от 29.03.2022 г.	Ожидаем назначения апелляции	Решение Тверского районного суда от 26.09.2022 г.	Апелляционная жалоба подана в канцелярию суда 24.10.2022 г.	
АНО «РИД «Новая газета», АО «ИД «Новая газета» Дело № 02а-0886/2022	«Николаев» + 2 статьи	Требование Генеральной прокуратуры РФ № 27-31-2020/Ид3922-22 от 26.03.2022 г.	Решение получено 28.10.2022 г.	Решение Тверского районного суда от 24.10.2022 г.	Апелляция подана 23.11.2022 г. (через канцелярию суда)	
АНО «РИД «Новая газета», АО «ИД «Новая газета»	Блокировка сайта www.novaya.no.ru	Требование Генеральной прокуратуры РФ № 27-31-2022/ Ид10387-22 от 22.07.2022 г.	Иск зарегистрирован в суде 26.10.2022 г.		Заседание назначено на 07.12.2022 г.	Блокировка сайта в связи с неоднократным размещением дискредитации — ст. 15.3.2 ФЗ «Об информации»
АНО «РИД «Новая газета», АО «ИД «Новая газета»	Блокировка сайта www.novayagazeta.ru	???	Готовится подача иска			Блокировка сайта как зеркала novaya.no — ст. 15.3.2 ФЗ «Об информации»
АНО «РИД «Новая газета», АО «ИД «Новая газета»	Блокировка сайта novaya.media	???	Готовится подача иска			Блокировка сайта как зеркала novaya.no — ст. 15.3.2 ФЗ «Об информации»
АО «Издательский дом «Новая газета»	Сайт «Новая газета»	Прекращение деятельности СМИ (2 предупреждения)	Апелляция 22.12.2022 г.	Решение Верховного суда РФ от 15.09.2022 г.	Решение получено 30.09.2022 г.; апелляция подана 14.10.2022 г.	
АО «Издательский дом «Новая газета»	Газета «Новая газета»	Признание регистрации недействительной	Ожидаем назначения апелляции	Решение Басманного районного суда от 05.09.2022 г.	Решение получено 28.09.2022 г.; подана краткая апелляция (через ГАС Правосудие) 28.09.2022 г. (зарегистрирована судом 04.10.2022 г.); апелляция подана 11.10.2022 г.	
АО «Издательский дом «Новая газета»	Журнал «Новая рассказ-газета»	Признание регистрации недействительной	Ожидаем назначения апелляции	Решение Басманного районного суда от 06.09.2022 г.	Решение получено 28.09.2022 г.; подана краткая апелляция (через ГАС «Правосудие») 28.09.2022 г. (зарегистрирована судом 04.10.2022 г.); апелляция подана 11.10.2022 г.	
АО «Издательский дом «Новая газета» Дело № Ма-279/2022	«Чеченское дело: продолжение следует»	Предупреждение РКН	МГС 09.09.2022 г. удовлетворил частную жалобу	Таганский районный суд	Ожидаем принятия искового заявления к рассмотрению (после рассмотрения частной жалобы в МГС)	
АО «Издательский дом «Новая газета» Дело № Ма-280/2022	«Болезненные санкции»	Предупреждение РКН	МГС 23.09.2022 г. удовлетворил частную жалобу	Таганский районный суд	Ожидаем принятия искового заявления к рассмотрению (после рассмотрения частной жалобы в МГС)	

***18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ БОРУХОВИЧ (ТУМАКОВОЙ) ИРИНОЙ ГРИГОРЬЕВНОЙ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА БОРУХОВИЧ (ТУМАКОВОЙ) ИРИНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ.**

СТРАНА УБЫТИЯ

С начала частичной мобилизации Россию, по неофициальным данным, покинуло 1,7 миллиона человек, из них 700 тысяч — в течение двух недель после 21 сентября. Даже после того, как большинство уехавших, уже по официальным данным, вернулось, поток миграции из России XXI века может оказаться самым сильным за столетие.

Проект «Если быть точным» выяснил: череда отъездов из России началась в 2011–2012 годах. За прошедшие 10 лет уехало три миллиона человек — в среднем по 300 тысяч за год. И еще 23 февраля нынешнего года можно было говорить, что это самый масштабный отток со времен «белой эмиграции» 1918–1922 годов. За десятилетие «стабильности» с 2012 года из России уехало больше, чем в «лихие девяностые», окончившиеся словами президента Ельцина «Я ухожу». В основном уезжали люди 30–40 лет с высшим образованием и с несовершеннолетними детьми. Реальные и потенциальные налогоплательщики для тех стран, которые стали им новым домом. Среди причин, побуждавших к отъезду, они чаще всего называли безопасность, политическую ситуацию и будущее детей.

По данным Росстата, за первое полугодие 2022-го, то есть еще до начала частичной мобилизации, из России уехало 454 тысячи человек. За полгода — в полтора раза больше, чем уезжало за год все предыдущие 10 лет. Росстат при этом фиксирует только тех, кто снялся с регистрации по месту жительства. А так поступало отнюдь не большинство тех, кто бежал, спешно хватая самое необходимое, в феврале, тем более — в сентябре.

«Мою страну выбили из-под ног»

Массовый выезд из России, начавшийся 24 февраля, социологи делят на две или три — кто как считает — волны. Николай Митрохин, научный сотрудник Центра по изучению Восточной Европы при Бременском университете, считает, что их все-таки было три.

— Значительное число людей уехало сразу после 24 февраля, — говорит он. — Тогда с места снялись политические активисты, деятели культуры и бизнеса. Они поняли, что завтра все может закрыться, и тогда они если и уедут куда-то, то не за границу, а в какие-нибудь лагеря. И в конце августа чередой арестов государство ненавязчиво подчеркнуло, что уехавшие были правы. Есть такая путинская тактика: людей предупреждают, потом дают им время уехать. Путин предпочитает выдавливать из страны людей, а не иметь здесь большое количество политзаключенных. Кто уехал — тот уехал. Кто решил остаться и сопротивляться — тех показательно размазали. С 1 декабря в России ввели в действие новый закон об иноагентах, и это еще одна форма давления.

Социолог Вероника Костенко, соавтор исследований волн миграции, характеризует первую из них так же:

— Это люди, которые значительно чаще, чем другие соотечественники, следили за политикой, больше были вовлечены в гетерогенный новостной поток. Хотя было исключение, когда начался довольно массовый вывоз персонала зарубежными компаниями, уходившими из России. Среди сотрудников могли быть люди, которые к происходящему в стране относились по-разному, но не хотели терять работу, поэтому ехали.

В июне, по мнению Николая Митрохина, поднялась вторая волна. Фактически это было продолжение первой, просто с мест снялись те, кто не мог позволить себе уехать в одночасье.

— Летом ехали люди, которые более обстоятельно готовились, — продолжает социолог. — Они закрыли дела на родине. Кончился учебный год, преподаватели сдали свои группы, учителя — свои классы. У кого-то были годовые контракты, а летом они заканчивались. Кто-то попробовал уйти в отпуск и уехать, а там как получится. Многие в марте бросились оформлять документы для отъезда, искать квартиры, а на это требовалось время. Они сформировали пакеты документов, договорились со всеми как раз к лету.

Именно летом, подчеркивает Николай Митрохин, зарубежные компании начали массово переносить офисы из России. Театральные сезоны тоже заканчивались летом, поэтому страну начала покидать и творческая интеллигенция.

Среди тех, кого унесло «летней» волной, был актер Анатолий Белый, который так и написал в соцсети* (принадлежащей компании, которая в России признана экстремистской): «Да, я уехал. Да, ушел из театра и вообще отовсюду. Руководствуясь понятием профессиональной чести, дослужил, доиграл, скрипя зубами и стиснув зубы, свой 20-й сезон в родном МХТ, чтобы не подставлять театр, и вырвал его из себя с кровью... Мою страну выбили из-под ног...»

Вероника Костенко считает, что отдельной волны летом не было, просто не иссякал февральский поток. Поэтому вторую волну она датирует 21 сентября — днем начала частичной мобилизации.

— Тогда по понятным причинам поехало больше молодых мужчин, до этого такого перекоса не было, — говорит она. — Среди бежавших в сентябре было много тех, кто старался в политику не вникать, говорил, чтобы ему только дали жить спокойно. А тут вот и их «клюнуло», пришлось вникнуть. Если первая волна — это был все-таки политический жест, «голосование ногами», то вторая — в большей степени бегство.

«...А потом не осталось консульств»

По данным «Левада-центра» (признан в РФ иностранным агентом), в среднем у граждан России к 2022 году был небогатый опыт поездок за границу. Никогда не выезжали из страны две трети россиян, 19% бывали за границей один-два раза в жизни. В странах Евросоюза никогда не были 87%, в США — 98% граждан России.

ЧЕЛОВЕК ЕЩЕ НЕ РОДИЛСЯ, А УЖЕ ДОЛЖЕН РОДИНЕ
А.К.М.

К началу сентября 2022 года только 25% россиян имели загранпаспорта. Но именно в этом году, в течение первого полугодия, согласно показателям МВД, их оформили 2,5 миллиона человек — в полтора раза больше, чем за тот же период 2021-го. Исторический максимум пришелся на март. Но, так или иначе, к 21 сентября в среднем у 75% наших сограждан загранпаспортов не было. В Москве доля «беспаспортных» оказалась меньше — 60%. В больших городах 70% не имели загранпаспортов, в маленьких — 79%, на селе — 90%. По наблюдениям социологов, люди и ехали в большинстве из крупных городов, поначалу вообще преимущественно из Москвы и Петербурга.

— В «мобилизационной» волне это менее выражено, бежали уже и из меньших населенных пунктов, — отмечает Вероника Костенко. — И поехали из пограничных районов. Например, из населенных пунктов там, где проходит большая граница с Казахстаном и с Монголией. Люди, которым тяжелее добраться до границы, предпочитали какие-то другие стратегии.

Вероника Костенко

Из тех, у кого загранпаспорт есть, до 2019 года имели визы для въезда хоть в какую-то страну 40%. Потом началась пандемия, мир закрылся. К февралю 2022-го некоторые консульства вернулись в прежний режим, но тут грянуло 24 февраля.

— Очень сильно в этом смысле подкосил ситуацию ковид, — замечает Николай Митрохин. — В ковид у многих визы закончились, а новые получить не удавалось. После 24 февраля люди бросились продлевать визы — и оказалось, что это уже невозможно.

В августе 2022 года только 19% опрошенных сказали социологам «Левада-центра» (включен в реестр иностранных агентов), что у них есть виза. Собственно, это было первым обстоятельством, которое определяло направление потоков релокаций.

В мире есть три страны (не считая Беларуси), куда россияне могут въехать без загранпаспорта: Армения, Казахстан, Кыргызстан. Еще около сотни стран принимают граждан РФ без виз или ставят визы на границе. Казалось бы, мир открыт. И действительно, за 9 месяцев 2022 года погранслужба ФСБ зафиксировала 17,5 миллиона выездов из России только в эти страны, еще 2,1 миллиона — во «враждебные» (по версии МИД РФ) страны Запада. Речь идет именно о выездах, то есть кто-то пересек границу несколько раз — и ровно столько раз остался в статистике ФСБ. Судить по этим данным о числе уехавших невозможно.

Большая часть путешественников — туристы, вернувшиеся домой. Можно сравнить данные о выездах в 2022 году с теми, что публиковала ФСБ до пандемии, в последнем «туристическом» 2019-м. Например, в безвизовую Бразилию за три квартала 2022-го улетело 523 человека — почти вдвое больше, чем в январе–сентябре 2019-го. А во Вьетнам — почти в сто раз меньше, чем прежде летало на отдых. В Египет — в 30 раз больше (609 тысяч выездов), но и отдыхать после 24 февраля стало особенно негде. Потому что в конце февраля добавился еще один фактор — транспортная недоступность заграницы.

Сейшелы, Мальдивы

Практически сразу после 24 февраля большинство стран закрыло авиасообщение с Россией. Оставались маршруты с пересадками в Турции. Билеты взлетели в цене так, что за перелет в европейский город через Стамбул нужно было платить тысячу евро и больше — как повезет.

Российские банковские карты перестали работать, и оставались один-два агрегатора авиабилетов, принимавших платежи с российских счетов. Они диктовали цены, а билеты на их сайтах заканчивались на глазах. Билет на прямой рейс из Москвы в Ереван стоил 161 тысячу рублей. Для большинства россиян перечень стран, куда можно уехать, стал определяться возможностью добраться на автомобиле, на автобусе, пешком. За 10 тысяч рублей в сентябре можно было доехать из Москвы до Астаны на автобусе. Правда, билет нужно было ловить за неделю до выезда. А за эту неделю во время частичной мобилизации многое могло случиться.

— Из Сибири ехали в основном в Казахстан, потому что в сибирских городах у многих есть там родственники, — отмечает Николай Митрохин. — Ростов-на-Дону, Краснодар — оттуда быстрее и проще было уехать в Грузию. По еврейской линии ехало много людей из Екатеринбурга, из Поволжья. Из Восточной Сибири, из Бурятии многие поехали в Монголию. А из Москвы и Петербурга на машинах отправились в Европу те, у кого были визы.

В сентябре закрылся автомобильный путь в Европу: сначала страны Балтии, а потом и Финляндия объявили, что не будут пускать к себе туристов из России. По статистике выездов можно делать выводы о тактике, избранной россиянами, которые хотели ехать во что бы то ни стало.

Например, необычайно популярной вдруг стала безвизовая Венесуэла. В первом квартале 2018 года туда был зафиксирован 171 выезд, из них 65 — это экипажи самолетов, туристов — ни одного. В феврале и марте 2022-го в Боливарианскую республику ломанулся, можно сказать, турпоток — 7222 вылета. В Доминиканскую Республику поток вырос вдвое, на Мальдивы — вчетверо. На Сейшелы — в 160 раз.

— Это офшорные зоны, — объясняет Николай Митрохин. — Кроме того, там можно было оформить банковские карты. Среди тех выездов, которые фиксировала погранслужба, был и «карточный туризм».

— Людям нужно было хоть куда-то улететь, — называет еще одну причину Вероника Костенко. — Был период, когда билеты куда угодно стоили по 200–300 тысяч рублей. И стало просто понятно, что сейчас за все деньги мира надо вывезти сыновей или мужей.

В итоге больше всего россиян приняли Казахстан, Кыргызстан, Грузия, Армения. В общей сложности в эти четыре страны въехало больше четырех миллионов россиян. Из них минимум 277 тысяч в Россию не вернулись. Больше всего, 113 тысяч человек, остались в Грузии, 92 тысячи — в Казахстане, 42 тысячи — в Армении, 30 тысяч — в Кыргызстане.

В Израиль погранслужба ФСБ зафиксировала 66 тысяч вылетов из России. Видимо, можно считать, что столько туда и прибыло российских граждан. Кто-то

> «БЫЛ ПЕРИОД, КОГДА БИЛЕТЫ КУДА УГОДНО СТОИЛИ ПО 200–300 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ

летел через третьи страны, но израильские аналитики, по данным Вероники Костенко, и говорят как раз о 70 тысячах приехавших из России.

В страны ЕС за 9 месяцев только «через сухопутные границы» въехало 1,379 миллиона российских граждан. Европейское агентство по пограничной и береговой охране (Frontex) начало публиковать еженедельную статистику в сентябре, когда поток превысил все мыслимые нормы. За первую неделю мобилизации, по данным Frontex, Евросоюз принял 66 тысяч граждан РФ, за вторую — 53 тысячи, в основном через эстонские и финские погранпереходы. Но сначала эстонцы, а потом и финны закрыли границы со своей стороны, и недельный поток уменьшился вдвое. Известно, что 1,341 миллиона россиян вернулось из ЕС на родину. Таким образом, в Европе осталось, если верить Frontex, 38 тысяч российских релокантов.

«Если границы останутся открытыми»

В Армении подсчитали, что ВВП страны в 2023 году вырастет в восемь раз по сравнению с тем, что ожидалось раньше. И это благодаря приехавшим из России «трудовым резервам». Бурного роста экономики ждут в Казахстане и Грузии.

— Уехали в итоге не миллионы, — говорит Вероника Костенко. — По моим подсчетам, примерно 300 тысяч уехало в феврале, еще примерно 700 тысяч будет к концу года с начала частичной мобилизации. Это грубая оценка, но на ней сходится большинство аналитиков: примерно миллион к концу года. Если, конечно, людей не напугают новой мобилизацией и если границы останутся открытыми.

В итоге, можно сказать, не так уж много и уехало — меньше одного процента населения. Вроде бы невелика потеря.

— Но это люди, имевшие наиболее transferable skills, люди, которые везде нужны, поэтому они могут перестроиться на новом месте, — замечает Вероника Костенко. — От трети до половины всех уехавших — в зависимости от того, как оценивать, — айтишники. Но есть целые сферы деятельности, где люди уехали почти все. Вот это может по развитию страны довольно сильно ударить. Ну и конечно, уехало много представителей бизнеса. Вывозились целые компании. Потому что для многих из тех, кто умеет делать бизнес, в России перспективы закончились.

Русскоязычные социологи, работающие теперь в разных европейских университетах, провели исследование, опросили две тысячи человек через месяц после 24 февраля и после начала частичной мобилизации. В итоге у них получился собирательный портрет российского релоканта.

— Это люди более молодые, более урбанизированные и обеспеченные, чем среднее российское население, — говорит Вероника Костенко, одна из авторов этого исследования. — В основном они были в оппозиции российской власти, это очень активные люди. Средний возраст уехавших — 35 лет, тогда как в целом в России средний возраст — 46 лет.

Отвечая на вопросы исследователей, российские «релоканты» объясняли, от чего они бегут. Говорили о своих страхах, связанных с Россией.

— Очень многие отвечали, что боятся репрессий, — объясняет Вероника Костенко. — Боятся за близких, многие поэтому и вывозили семьи. Многие говорили, что боятся разрушения экономики, ухудшения профессиональной среды в целом. Иначе говоря, боятся депрофессионализации.

Демография

По данным проекта «Если быть точным», Россия уже опустилась с четвертого места в мире на девятое по численности населения. При тех темпах убыли, которые заданы в 2022 году, к 2100-му в России будет проживать уже 112 миллионов человек, страна окажется на 20-м месте. Причем это будет старое население, потому что молодежь фертильного возраста из страны, как мы видим, бежит, сверкая пятками. Налицо успехи в демографической политике, если, конечно, идет она под девизом «меньше народу — больше кислороду».

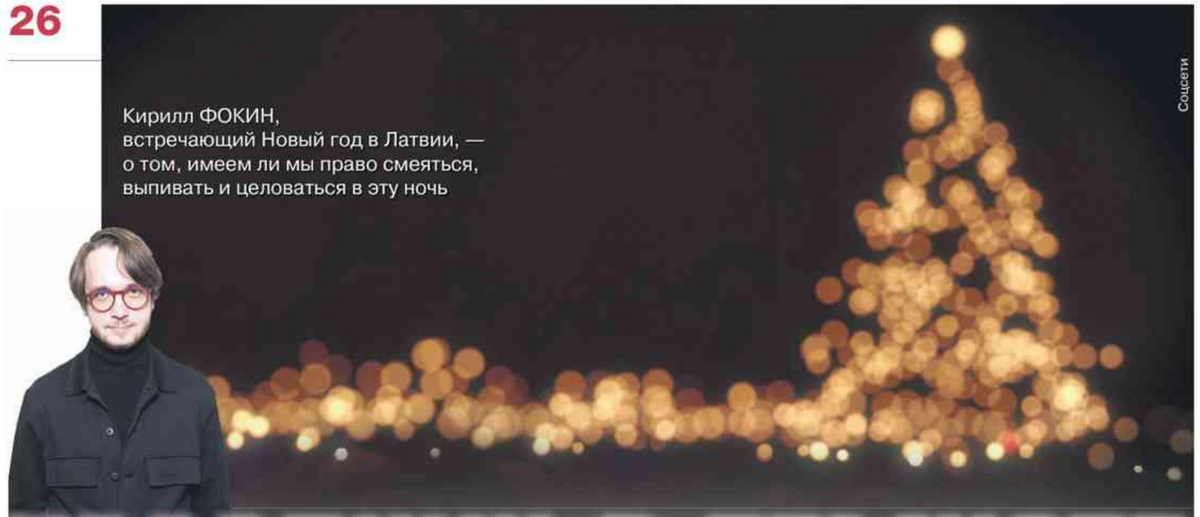
Однако в краткосрочной перспективе, по мнению Николая Митрохина, ничего ужасного со страной не случится. На место каждого уехавшего релоканта придет трудовой мигрант.

— Россия остается миграционно привлекательной страной, — считает социолог. — Сейчас трудовых мигрантов в России стало меньше, но как только ситуация стабилизируется, внутренний рабочий рынок потребует притока мигрантов. И бедная часть населения стран Центральной Азии может снова приехать в Россию.

То, что переехавшие теперь на Запад и на Восток россияне незаменимы, по мнению Николая Митрохин, миф. Это касается и айтишников.

— Россия спокойно привлечет специалистов из Узбекистана, где прекрасные математическая и физическая школы, — объясняет он. — Из Молдовы, из Беларуси — то же самое. Будут сложности — дополнительно обучат людей из Кыргызстана, где уровень математических знаний пониже, но для рядовых технических задач в этой сфере людей научат.

Ирина ТУМАКОВА

Соцсети

Кирилл ФОКИН,
встречающий Новый год в Латвии, —
о том, имеем ли мы право смеяться,
выпивать и целоваться в эту ночь

ПРАЗДНИК В ТЕМНОТЕ

Новогодней ночью 2017/18 на НТВ вдруг появились военные, только вернувшиеся из Сирии. С ними в студии воссоединились их родные: и все рассказывали, как гордятся ими, как те самоотверженно выполняют свой «долг перед Родиной».

А я как раз читал «Цинковых мальчиков» Светланы Алексиевич. Про таких же военных, которых так же вербовали под «долг перед Родиной» и которые десять лет в Афганистане убивали людей и погибали сами — вне всякого смысла, кроме безумия правителей-стариков.

Увидев этот сюжет, я вдруг подумал: возможно, это наш последний предвоенный год. Семьи по всей стране собираются, слушают президента, чокаются, ругаются, мирятся, строят планы — а при этом на всех нас надвигается нечто чудовищное. Будто это Новый год 1940/41 — и хотя Вторая мировая уже началась, и пали Польша, Франция, бомбили Лондон, а Черчилль обещал «сражаться на пляжах», — врядли граждане СССР знали, что ждет их через год. Они все равно надеялись на лучшее — и думали не о Германии, наверное, а о своих романах, семьях, детях, перспективах.

Черная туча надвигалась — и я не мог, честно говоря, представить, откуда именно. И хотя с 2014-го прошло не так много времени, казалось, что тот конфликт исчерпан и заморожен. Да, он никому не был нужен (как и Афганистан), и да, он будет тянуться еще годы и годы — но все равно, война?.. Это казалось бредом.

Но вот прошло пять лет.

И 2023-й мои друзья — те, с кем еще совсем недавно мы собирались в Москве и в Петербурге, — встречают по всему миру. Кто в Париже, кто в Лондоне, в Берлине, в Риге, в Вильнюсе; в Швейцарии, в Казахстане, в Грузии, в Армении, в Турции, в Израиле. В Латвии, где окажусь я сам, не будут устраивать праздничных салютов — и в городах выключат декоративную подсветку фасадов, ночью улицы будут сумеречные и темные; настроение вовсе не праздничное.

Та же атмосфера — в других европейских столицах; та же атмосфера — и в Москве, где через «Активный гражданин» уже предложили проголосовать, стоит ли украшать город и проводить праздничные мероприятия (ну или деньги лучше потратить на поддержку СВО). Так ясно и одновременно так странно, что и в Москве «все всё понимают», но сделать, естественно, «никто ничего не может».

Несмотря на весь кошмар 24.02.22, должен признаться, с личной точки зрения я нахожусь в некотором удовлетворении. Никто из (узкого) круга близких и друзей и даже из (широкого) круга знакомых не оказался ни дураком, ни злодеем. Больше: степень взаимопомощи, которую я увидел среди своих друзей и их друзей, — эмпатии, направленной и на совсем «чужих», — меня поразила. Я надеялся, конечно, что я правильно «выбирал своих» — но и не подозревал, насколько. И если надежда на будущее остается — то она, конечно, не среди «государств» и «лидеров», а среди людей, которые сохраняют человечность, хладнокровие — и одновременно готовы рьяно помогать и беженцам из Украины, и эмигрантам из России.

И да, конечно, [redacted] шла все эти годы. И мы не переживали так глубоко и так тяжело Сирию, Ливию, Афганистан, Иран, Ирак и далее. Но это тоже нормально, наверное, — чем ближе рвутся бомбы, тем они реальнее и страшнее.

Своим друзьям, кто уехал, я признателен еще и за то, что никто не покинул Россию по причине «невозможности дышать этим воздухом». Как один известный деятель, доработав в госмузее, написал в инстаграме на английском: «I left because I don't intend to have anything in common with today's Russia». Я его не обвиняю — стресс вещь тяжелая, особенно для работников искусства. Но «воздух» в Москве/Петербурге — а я был и там, и там достаточно после 24.02.22 — свидетельствую, особо не «отравился».

> «НУЖНО НЕ ПЕРЕСТАТЬ ЧУВСТВОВАТЬ. НУЖНО НЕ ПЕРЕСТАТЬ ЖИТЬ И ВЕРИТЬ, ЧТО ОДНАЖДЫ — МОЖЕТ, ЧЕРЕЗ ГОД, А МОЖЕТ, ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ, ВРЕМЕНА ПОМЕНЯЮТСЯ. ЭТО НЕИЗБЕЖНО — НО ВОТ ЧТО ЭТО БУДЕТ ПЕРЕМЕНА К ЛУЧШЕМУ, НИКТО НЕ ОБЕЩАЛ

Утром-днем 24 февраля я гулял по городу. И я никогда не видел города более печального, хмурого, тревожного. Я гулял весь день, обошел весь центр (два раза) — и не увидел ни одной улыбки, не услышал ни одного разговора не об Украине и — ни слова в поддержку СВО.

Границы, я считаю, должны исчезнуть — и люди должны иметь право свободно перемещаться по миру и жить где угодно, без всяких виз, разрешений и т.п. Решающих уехать я только поддерживаю — но это привилегия свободы, а вовсе не моральное достоинство. И вынужденный отъезд — не то же самое, что решение «пожить где-то еще».

Как беженцы из Украины возвращаются этой холодной зимой в свою страну, чтобы без электричества и отопления встретить родных и друзей, я верю: одной далекой весной многие эмигранты из России вернутся — и их возвращении будет гораздо меньше смелости и достоинства, но оно тоже, думаю, будет коего стоить.

Этот текст выходит в России, так что ничего больше написать про Украину я не могу. Но всем, кто это прочтет, полагаю, и так все известно. Нужно не перестать чувствовать. Нужно не перестать жить и верить, что однажды — может, через год, а может, через десять, времена поменяются. Это неизбежно — но вот что это будет перемена к лучшему, никто не обещал.

Для этого нужно думать и работать — но оказаться умнее тех, кто хотел бы вечного царства льда. Ведь если нельзя их победить в открытом бою, то что остается? — нужно их перехитрить. Для кого-то — переждать. Для кого-то — пережить. А для кого-то — сохранить, что у нас есть, включая и личные связи, и здоровье, и психику, — это все еще пригодится.

Я не знаю, как правильно «отмечать» 2023 год. Сидеть в вечном трауре — бессмысленно, и так ясно, что для тех, кто что-то в этой жизни понимает, этот траур все равно останется в душе до конца дней. Не уверен, что самобичевание и депрессия напоказ способствуют победе добра. И до тех пор, пока мы помним, что мы празднуем — а где-то совсем недалеко, и не только в Украине, — погибают люди, — да, наверное, в качестве терапии можно и смеяться, и выпивать, и целоваться.

Недавно я был в гостях у военной корреспондентки на пенсии — она освещала Югославские войны. Мы довольно много выпили, и уже глубоко за полночь она сказала — «знаете, ребята, а ведь мои годы на войне были самыми счастливыми годами моей жизни». И хотя слышать это вживую было странно, должен признаться, что я очень хорошо ее понял. Это не про адреналин и не про впечатления. Это про смысл жизни — и про то, как близко идут трагедия с триумфом (как выражался тот же Черчилль).

Мне всегда нравилось, что в России (да и, наверное, везде?) одна из самых популярных новогодних песен — это Happy New Year «Аббы». Все слышали ее тысячу раз, но удивительно, как мало людей вслушивались в ее текст. Песня звучит волшебно, слегка печально, но сентиментально — а строки ее между тем буквально гимн безнадежности — и отчаянного оптимизма, даже когда шансов на него уже никаких не осталось.

Я не буду цитировать здесь — без музыки и в переводе это будет плохо. Но когда вы в следующий раз столкнетесь с этой якобы беззаботной мелодией, вслушайтесь в слова. Финал, например, таков: лирическая героиня признает, что «все наши мечты — это просто мертвое конфетти на полу; и никто не знает, что ждет нас дальше, через десять лет, в 1989-м».

Фактически это спин-офф Imagine Леннона — но есть маленький, крошечный нюанс. Мы-то в 2023-м — и точно знаем, что их ждало в 1989-м. Да, Тбилиси 9 апреля, и Тяньаньмэнь, и продолжение войн — скажем, в Эритрее, в Чаде, в Колумбии, канун геноцида в Руанде. Но между тем это еще и конец холодной войны. И падение Берлинской стены. И «осень народов» Восточной Европы.

Грустно, что 2023-й, в отличие от 1989-го, судя по всему, идет от нормального будущего в обратную сторону... Но и это тоже — ощущение; и вполне возможно, случится чудо — и он нас удивит. Посмотрим, каким мы его вспомним — 10 лет спустя.

Ксения Райкова

Рецепты, документы, оливье,
пельмени, собаки, посылки,
или Новый год на новом месте.
Открытка для «Новой газеты»
от старых корреспондентов

ИЗ СТРАНЫ МАНДАРИНОВ

Справа на фото — Анастасия Егорова, слева — Таисия Шеремет. А также — бордер-колли Чейз, Гроза и шпиц Молния

Каждая неделя пока еще старого года наполнена суетой, но уже начинает пахнуть мандаринами. Мандарины в Испании повсюду — в магазинах, в саду владельца нашего кемпинга, даже на деревьях на бульварах в центре Валенсии. По всему городу очень много мандариновых деревьев. Фрукты зреют зимой, как раз к Новому году, но почему-то никто городскими мандаринами не интересуется, часто они, созрев, просто валяются на бульварах.

Рядом с аптекой в нашем пригороде Валенсии Эль Салере тоже растет мандариновое дерево. Владелица аптеки, Мерседес, часто смеется надо мной. Не потому, что у меня путаный испанский или я разглядываю мандарины, а из-за московских привычек. Уже три раза я приходила в аптеку в середине буднего дня — и не могла понять, почему она закрыта. Ведь нет никакого праздника, три часа дня. Другой аптеки в пешей доступности тоже нет. С четвертой попытки я застала аптеку открытой, а хозяйку за прилавком. Она спросила меня, зачем я все время прихожу в аптеку во время сиесты... Пришлось ответить, что по московской привычке.

Сиеста — самый трудно воспринимаемый феномен испанской жизни для эмигранта. Каждый день, с часу до пяти, большинство ресторанов, кафе, магазинов и даже аптек закрывается на перерыв. Сначала я думала, что это только из-за жары, ведь летом в это время дня действительно трудно находиться на улице, и посетителей заглядывает мало. Но оказалось, что и зимой, когда на улице всего плюс двадцать, сиесту никто не отменял. Это скорее культурный, чем чисто климатический феномен. К неработающим по воскресеньям большим продуктовым магазинам я уже привыкла, сиесту тоже пойму. В конце концов, самое важное, что Мерседес отпускает нам рецептурные лекарства, а те, которых нет в наличие, специально для нас заказывает с центрального склада. Это означает маленькую победу в новой жизни — мы победили бюрократию и страховку, смогли найти новых врачей и получить действительные рецепты.

Кроме мандаринов к Новому году нам предстоит воспринять целый стол. У меня нет склонности к гастрономической ностальгии, но наш эквадорский бармен требует оливье, пельмени и борщ. Мы снимаем дом в кемпинге в трехстах метрах от побережья Средиземного моря. В теплое время года кемпинг наводнен туристами из самых разных уголков планеты. Во второе утро на новом месте я мыла посуду перед открытым окном, которое выходит на бар в центре кемпинга. Из колонки в баре раздалось: «Вороны москвички меня разбудили...» Я протерла пенными руками глаза и уши. Мне не почудилось. На весь кемпинг из динамика играла Земфира. В 9 утра, в тысячах километрах от места рождения московских ворон. За Земфирой из колонки последовали «Я знаю пароль, я вижу ориентир» Веры Брежневой и «А я все летала, но я так и знала...». На «Блестящих» я не выдержала и вышла. Громко и на плохом испанском спросила, чей это плейлист. На хорошем русском бармен ответил мне: «Мой».

Анжело родился в Эквадоре, а шесть лет проучился в Москве, в РУДН. С группой профессиональных танцоров объездил всю Сибирь. Очень скучает по Новосибирску, там ел самые вкусные пельмени в своей жизни. Очень хорошо говорит по-русски, любит Земфиру, Диму Билана, группу «Блестящие» и «Тату». Он учит нас испанскому, а мы подтягиваем его русский.

На Новый год к Анжело приедут две сестры, старшая из Лондона, младшая из Эквадора. Младшая сестра сейчас, как и мы, делает документы для испанского вида на жительство. Вместе с нами ходит по местным муниципалитетам, делится контактами нотариальных переводчиков.

Оливье и пельменями мы будем кормить не только семью Анжело, но и владельца кемпинга Мигеля и его брата Пабло. Пабло и Мигель готовят лучшую в Эль-Салере паэлью. В огромных медных сковородках, похожих на казан, только плоских, на открытых горелках, прямо на улице. Пабло научил меня правильно смазывать сковородки оливковым маслом после мытья. Их хранят намасленными, чтобы медь не окислялась от контакта с воздухом.

Соцсети

Мигель помогает нам разобраться с местной почтой и службами доставки, чтобы отправить домой посылки с подарками на Новый год. Моя мама попросила новую оправу для очков и кроссовки одной из ушедших из России фирм. Тася отправляет домой праздничные пижамы-комбинезоны для котов. Еще несколько мелочей мы передадим с друзьями из Москвы, с которыми встретимся в Стамбуле в новогодние праздники. Эта поездка — своеобразный телемост. Такая вот странная новая реальность, в которой те, с кем ты раньше обедал на Чистых прудах, не могут попасть к тебе, а ты к ним, поэтому обедать мы полетим в третью страну.

Полезным оказался и ковидный опыт празднования всего на свете в зуме. Мы опробовали эту технологию на мой первый день рождения в эмиграции. И уже назначили время новогодней зум-конференции. До тех времен, когда мы снова будем отмечать Новый год в эфире «Эха Москвы» с самыми дорогими людьми.

Анастасия ЕГОРОВА —
специально для «Новой газеты»,
Испания, Валенсия

Моей прежней жизни после 2022-го больше нет. Да и новая пока не началась. Спецкор Лиза КИРПАНОВА встречает Новый год в Америке

СОРОКОВИНЫ В ДЖОРДЖИИ

2022 год я встречала в маленькой уютной подмосковной квартире вместе со своим молодым человеком и его родителями. Марина Михайловна бережно расставляла изящные хрустальные бокалы — семейную реликвию, приданое из Баку, которое спускалось с полок только по особым случаям. Я суетливо носила из кухни заготовленные закуски и блюда: красную икру, лаваш, лобио, традиционный оливье и собственное изобретение — салат с гранатом, который, кроме меня, кажется, больше никому по вкусу не пришелся. Жора, мой парень, нес ответственность за то, чтобы в духовке не пригорело мясо (какой же армянский стол без мяса!). А главе семьи Аркадию Георгиевичу, еще не до конца оправившемуся после болезни, оставалось лишь пристально следить за процессом и время от времени выкуривать сигарету.

Мы сели ужинать, и вскоре президент приступил к своему ежегодному обращению.

«Самое главное, что все трудности уходящего года мы преодолевали вместе, — вещал с экрана Владимир Путин. — Защитили тех, кто оказался в сложной ситуации, в первую очередь поддержали людей старших поколений и семьи, где растут дети — будущее России. Мы твердо и последовательно отстаивали наши национальные интересы, безопасность страны и граждан».

Должна признать, что в одном президент был прав: трудности были, и много. Я вспоминала январский митинг в поддержку Алексея Навального, на котором меня и моих коллег, освещавших акцию, избили росгвардейцы, а сотни протестующих были задержаны, арестованы или получили вопиющие штрафы. Потом были две тяжелые командировки на Крайний Север — и бесчисленное количество разговоров с героями о запредельных ценах на продукты, безработице, скотском отношении властей к простым людям и, как следствие, нищете и алкоголизме. Всю весну и лето продолжалась битва за лекарства для взрослых пациентов со спинальной мышечной атрофией, которую мы частично выиграли в регионах, но сокрушительно проиграли в Москве. Осенью я освещала трагедию на Кузбассе: взрыв на шахте, унесший жизни 51 человека. Об этой крупнейшей за последние десять лет катастрофе в угольной промышленности и ее жертвах страна забыла уже через несколько дней.

Трудностей добавлял и Минюст России, который активно принялся признавать моих друзей, независимых журналистов и правозащитников, иностранными агентами. Многие уже тогда вынуждены были уехать из России.

Казалось, что хуже быть уже не может. Но я ошибалась

Газета

Через несколько дней после Нового года Жора решил обсудить наши планы на совместное будущее. Он рассказал мне про свою давнюю мечту: побывать в Соединенных Штатах и совершить на машине путешествие от восточного до западного побережья — как Ильф и Петров. Вспомнил, как я когда-то обмолвилась, что хотела бы поучиться в американском вузе. Все складывалось как нельзя лучше: в случае поступления он мог бы поехать вместе со мной. По плану Жоры, на подготовку к подаче документов мне бы сполна хватило следующих полутора лет, и аккурат к его 30-летию мы бы смогли осуществить задуманное.

Была в этом плане всего одна заноздка.

Моя карьера, спустя четыре года работы в настоящей журналистике, наконец-то потихоньку пошла в гору. Редакция «Новой» доверяла мне работу над чрезвычайно важными и серьезными темами, и иногда у меня даже получалось добиваться справедливости для своих подопечных героев, заставляя власти исправлять допущенные ошибки. Мне казалось, что именно сейчас, во время очередной атаки на свободную прессу, я бы как никогда пригодилась простым россиянам из маленьких городов и деревень (где и скрываются самые интересные истории).

А еще была уверенность, что у «Новой» есть своего рода «иммунитет»: нас нельзя заблокировать, признать иноагентами и закрыть. Это кем же нужно быть, размышляла я, чтобы пойти против нобеленосной газеты?

В общем, я была решительно против того, чтобы уезжать из России так поспешно. В тот день мы с Жорой поругались и решили перенести обсуждение планов на потом.

Но в США мы оказалась не через полтора года, а спустя четыре месяца после этого разговора.

24 февраля я дописывала репортаж из города Касимов Рязанской области, когда Путин объявил о начале специальной военной операции в Украине. «Кому сейчас нужна история про Тарантино и спасение горожанами заброшенного дома Пастернака?» — подумала я и отложила незаконченный текст в долгий ящик. Следом я продала свой билет на предстоящие танцевальные мастер-классы, о которых мечтала больше года: стало уже не до танцев. Вечером я пошла на Пушкинскую площадь, где проходил [redacted] митинг. И впервые за долгое время не как журналист, а как просто гражданин.

На следующий день мне исполнялось 25. В деревянной кафешке при загородной конюшне Жора подарил мне кольцо. Я сказала «да» и заплакала. Ну какая женитьба в такое время?

Невеста

Вечером меня настигло срочное задание: нужно было поговорить с россиянами, застрявшими в Украине [redacted]. Материал пришлось начинать в пути и доделывать на коленке. Пока мои друзья желали Жоре семейного счастья и мирной жизни, я в соседней комнате разговаривала с напуганными до смерти людьми. Их банковские карты в одночасье перестали работать, авиа- и железнодорожное сообщение закрылось, бензин и машину, чтобы выехать, найти было практически невозможно (да и рискованно), а дисписсия на звонки и просьбы о помощи не отвечала.

Тот текст, после принятия новых законов, пришлось через несколько дней удалить с сайта «Новой». Принятый в начале марта закон о «дискредитации армии» и вовсе сделал работу независимых редакций фактически уголовным преступлением.

В следующие несколько недель почти все мои друзья и коллеги экстренно покинули Россию.

Об отъезде все чаще стала задумываться и я. Последней каплей стали слухи о мобилизации, распространившиеся по телеграм-каналам. Какая, к черту, карьера? Моего будущего мужа российская власть могла отправить убивать людей — или умирать. Я предложила Жоре и его родителям уезжать.

«Мы в свое время уже набегались», — Аркадий Георгиевич и Марина Михайловна, в 90-е бежавшие от резни в Баку, категорически отказались от этой идеи. Тогда, в марте, они не верили, что мобилизацию действительно объявят, — но произойдет это на полгода позже. Нашему решению они не противились, хоть и восприняли его тяжело.

До отъезда нам нужно было официально зарегистрировать брак. Обычно церемонии нужно ждать месяц, но директор ЗАГСа пошла нам навстречу. Она расписала нас в своем крошечном кабинете, никаких свидетелей не было. Мы быстро сделали две постановочные фотографии в главном зале, после чего уступили его другим молодоженам.

На выходе нас ждали родители Жоры, купившие в соседнем магазине шампанское и пластиковые стаканчики. Мы распили его, сидя на лавочке для влюбленных на фоне серо-зеленых подмосковных панелек. Да, совершенно не так я представляла себе самый счастливый момент моей жизни.

После ЗАГСа мы побежали собирать вещи. После безуспешной попытки запихнуть всю свою жизнь в два небольших чемодана мы решили отдать часть вещей знакомым, а все остальное — пожертвовать в театр, где работал Жора и которому всегда нужен материал для костюмов и реквизит.

21 марта, попрощавшись с родителями, мы улетели в Дубай, через неделю — в Ереван. Такой крюк обошелся нам дешевле, чем если бы мы полетели напрямую в Армению. Из-за закрытия авиасообщения и массового отъезда людей из России цены на авиабилеты в безвизовые страны в те дни взлетели в несколько раз.

В Армении у нас все же состоялась скромная свадьба. Нас обручили в скромной церкви села Мргашат. Это случилось в апреле, когда повсюду белым цвели яблони. В тот день было ясно и солнечно, вдали виднелся Арарат. На церемонию собрались почти все родственники со стороны жениха. Из Москвы прилетела Марина Михайловна, Аркадий Георгиевич не смог — снова подвела болезнь. За церемонией он наблюдал по видеосвязи со слезами на глазах. С моей стороны был всего один человек: хороший друг, который по чистой случайности оказался в эти же даты в Ереване. Это была светлая и одновременно грустная церемония: мы благодарили всех за помощь и прощались.

Уже через несколько дней мы отправились в Мехико-Сити, столицу Мексики, а оттуда — в Тихуану, самый опасный город в мире. Он находится на границе с США, где мы планировали запросить политическое убежище. Конечно, сразу после пересечения границы со Штатами мы попали в иммиграционную тюрьму: такова процедура для «одиночек», то есть семей без детей. Но уже через несколько недель нас выпустили из заключения, и мы, наконец, задышали свободно.

Америка

В Джорджии, где мы осели, ничего не напоминало о *****. Так странно было ходить по ухоженным улицам, где все друг другу улыбаются и приветливо машут рукой, даже если не знакомы. Если удавалось разговориться, узнав о том, что я из России, американцы искренне восторгались: «Вау, круто!» А я чувствовала стыд: все так же сильно, как и в первые дни после 24 февраля. О том, что происходит в Украине, здесь знали, кажется, единицы. Сине-желтый украинский флаг я замечала возле домов от силы два-три раза.

То, что мы оказались в безопасности, не сделало нашу жизнь легче. Иммигрантам в «стране иммигрантов» приходится несладко. На границе у просителей убежища отбирают паспорта, без которых невозможно ни водительские права получить, ни открыть банковские карты — и, следовательно, взять кредит, купить машину, снять жилье, да даже оформить пропуск в клубный продуктовый магазин. Но самое главное — людям, запрашивающим убежище, нельзя покидать территорию США. Это станет возможно только после того, как суд вынесет финальное решение, давать просителям политическое убежище или нет. Но даже в случае положительного результата путь в Россию для нас на долгие годы будет закрыт. По крайней мере, до тех пор, пока там не сменится действующая власть.

Уехав из России, я первое время продолжала писать о том, что мои коллеги считали важным осветить. Но спустя несколько месяцев я была вынуждена временно уйти из журналистики. К списку кошмарных событий этого года добавилось еще одно: Марине Михайловне, маме мужа, диагностировали рак яичников, третью стадию.

Первое время мы держали ее болезнь в секрете, даже от самых близких людей. Она начала экстренное лечение в частной московской клинике: в бюджетном учреждении не хватало всех необходимых препаратов. Первый курс химиотерапии помогли оплатить друзья семьи, затем хирурги должны были провести операцию по удалению метастаз. Мы надеялись, что после нее наступит ремиссия: Марина Михайловна положительно реагировала на терапию, количество онкомаркеров стремительно снижалось. Но все снова пошло не по плану.

После операции у мамы началось воспаление. Врачи заговорили о втором курсе химии с более агрессивным препаратом, на который к тому моменту у нас уже не было денег. В конце сентября я, никогда не просившая денег для себя, была вынуждена молить о помощи через газету. На мой призыв откликнулись десятки, если не сотни неравнодушных людей, наших читателей, и уже через два дня у мамы на счете была сумма, необходимая для продолжения лечения.

Мама не смогла начать второй курс химии сразу же. Перед этим ей нужно было провести еще несколько процедур, мы ждали отмашку врачей около месяца. Это был самый страшный месяц за весь год. Несколько раз Жоре посреди ночи звонил отец и, не скрывая слез, говорил, что мама вот-вот может умереть. Но уже наутро, не веря самому себе, он сообщал нам об улучшениях. Врачи называли состояние мамы «чудом». Мы изо всех сил верили в это чудо. И до ужаса боялись очередного ночного звонка.

Нашлись люди, которые в это тяжелое для семьи время писали мне гадости, и не просто в личные сообщения, а публично. Женщина, представляющаяся «писателем и публицистом», которая раньше выступала с довольно противоречивыми колонками в «Новой», обвинила меня во лжи и мошенничестве на многотысячную аудиторию. Мол, не верится, что в Москве и Подмосковье нельзя остаться без бесплатной медпомощи, да и вообще срочные сборы на лечение поздних стадий рака собирают либо «сумасшедшие», либо «верящие в чудеса», либо «лгунишки». Не забыла она отметить и то, что мы с мужем «спокойно улетели в США за огромные деньги, оставив в России маму на милость «проклятым русским». А также, что я «обслуживала самую отчаянную мафию», когда пыталась помочь собрать деньги на дорогостоящие лекарства для детей со СМА.

Что тогда, что сейчас я не вижу смысла оправдываться. «У женщины «ошибка выжившего» — с ней такого не было, значит, и с другими быть не могло», — написала мне знакомая и была права.

Признаюсь, тот гнусный пост меня сильно подкосил. Он надавил на больное: я действительно чувствую свою ответственность за то, что Жоры, единственного сына, не было с мамой рядом, пусть он и делал все возможное, чтобы помочь ей на расстоянии. За то, что я увезла его так далеко, зная, что мы не сможем вернуться. За то, что Жора не смог приехать на похороны...

Марина Михайловна умерла 29 октября. Она начала второй курс химии, но организм не выдержал. В тот день я лежала в кровати с опухшими глазами, прибитая виной и горем. Я пыталась найти для себя хоть какое-то оправдание того, что случилось, — и не находила. Мне никогда не искупить вину за то, что Аркадий Георгиевич сейчас совсем один.

* * *

В начале декабря было 40 дней с тех пор, как мама умерла. Но мне до сих пор не верится, что ее с нами нет.

Не верится, что мы больше не соберемся вчетвером за одним столом. Не приготовим вместе шашлык, армянскую долму и домашние пельмени по ее особому рецепту. Не послушаем на проигрывателе Игоря Саруханова и не посмотрим фильм «Невеста с Севера». Не отпразднуем, как раньше — тихо и по-семейному, — Новый год в той самой маленькой подмосковной квартире, которая с уходом Марины Михайловны потеряла свет, уют и тепло.

Будем ли мы праздновать приход 2023-го? Я не уверена. Но мы точно соберем за одним столом всех тех, кто помогал и помогает нам освоиться в новой, пока еще чужой стране. Я думаю, мама бы хотела, чтобы у нас здесь сложилось счастливое будущее.

Джорджия, США

> «БУДЕМ ЛИ МЫ ПРАЗДНОВАТЬ ПРИХОД 2023-ГО? Я НЕ УВЕРЕНА. НО МЫ ТОЧНО СОБЕРЕМ ЗА ОДНИМ СТОЛОМ ВСЕХ ТЕХ, КТО ПОМОГАЛ И ПОМОГАЕТ НАМ ОСВОИТЬСЯ В НОВОЙ, ПОКА ЕЩЕ ЧУЖОЙ СТРАНЕ

Мама на нашей свадьбе

Из семейного архива

Первый Новый год в эмиграции.
Баланс плюсов и минусов

«БЫЛА МОСКВА, А ТЕПЕРЬ ЕРЕВАН. И ЧТО?..»

Летом прошлого года я бросил пить. А еще через полгода эмигрировал из России. Тут, конечно, просится шутка насчет того, что если не пить, то зачем вообще жить в России и как все это можно вынести на трезвую голову, но я слегка о другом.
Нечасто, но время от времени мне дико хочется выпить. Иногда надо расслабиться, снять усталость и стресс. Я прямо представляю, как водка течет по горлу и попадает в пищевод, как приятно кружится голова. Но точно известно, что потом будет не лучше, а хуже. Вот и с Россией, с домом, с родиной, с моей несчастной и любимой страной то же самое. Поэтому я не пью.

Соцсети

Артем МИКРЮКОВ

Зима в Ереване мягкая и короткая, она начинается строго по календарю, в декабре, и в целом на 10–15 градусов теплее, чем обычно в Москве. В горах лежит снег, Арарат не видно в тумане, даже если взобраться на знаменитый ереванский Каскад, а в городе сухо и солнечно. На площади Республики уже установили елку, это главная елка страны. Да, страны, только не России, а Армении. Была Москва, а теперь Ереван, и что?

Я сижу в рюмочной «Борщ» на улице Моисеса Хоренаци, армянского Геродота, и рисую на бумажке плюсы и минусы. Минусы — то, что я потерял, уехав. Плюсы — что приобрел. Плюсов больше, но минусы очень жирные.

Я уехал 11 марта, и это дало мне фору в полгода перед второй, мобилизационной волной, которая накатила на Армению в сентябре. Было время осмотреться, устроиться, преодолеть первый стресс. «Мы с тобой вовремя испугались», как сказал мне Макс Покровский из «Ногу Свело!», который, правда, уехал на много лет раньше и в Штаты.

Как странно: я боялся оставаться, и мой страх помог мне преодолеть страх отъезда. Все-таки тяжело уезжать в никуда, в полную неизвестность. Всего неделя на сборы и разговоры. Чемодан весом в 23 килограмма, рюкзак, ноут через плечо — это все, что у меня теперь есть.

В Ереване у меня не было никого. Был приятель, который уехал на неделю раньше, чем я. И телефон дяди одной знакомой с припиской: «Если будет совсем плохо, зайди к нему, он всегда нальет тебе супчика». Тысяча долларов, заначенная еще с нулевых в загранпаспорте. И 100 тысяч рублей, снятые с кредитной карты в последний момент. Вперед!

Каждый день я думал, на что буду жить дальше. В те дни у всех был короткий горизонт планирования, не только у меня, такое уж время. «Так, — думал я. — Пока все нормально, неделю я еще продержусь. Так, а вот уже лучше, уже дотягиваю до конца месяца». При самом удачном раскладе моих денег хватало до лета. А дальше какой-то черный провал. В пятницу было непонятно, в какой стране я окажусь к понедельнику. Характерная переписка из тех времен:

«Я стою с чемоданами в каком-то незнакомом городе и не знаю, куда идти».

«А я сижу на окраине Парижа в комнате, переполненной эмигрантами, и думаю, на что купить бутерброд».

Примерно в это время мне стали писать армяне, совершенно незнакомые люди. Сообщения были как под копирку: «Мы понимаем, как вам трудно. Любая помощь! Не стесняйтесь, мы вас не бросим!» Я этого совершенно не ожидал.

Мне невероятно, сказочно повезло со страной. Я сознательно не поехал в Европу, предвидя проблемы и ментальное одиночество. И угадал: Кавказ принял меня как родного. Без внешнего лоска, без госпомощи, без льгот, но зато так дружелюбно и приветливо, как у нас не принято относиться к чужим. На самом деле это норма, но в голове все время мысль: а ведь они не обязаны. Это чисто русская мысль.

В 2014 году, после Крыма, поэт Емелин сказал мне: «С Украиной у них могло получиться по-разному, могло хорошо, могло плохо, были варианты, а с Россией только вот так. РФ — она и в Африке РФ». Не будь как Крым, выбери неизвестность.

И вот тут минус, о котором я думаю каждый день: почему только сейчас? Столько времени упущено, целая жизнь. Ведь давно уже было плохо и не было никакой надежды. С каждым годом я все реже улыбался, а пил все больше и больше. Перед сном пытался вспомнить что-то хорошее, но не мог.

Потому что был шанс пригодиться там, где родился. Быть если не счастливым, то хотя бы полезным. После 24 февраля этого шанса не стало. Я поторкался туда, потыркался сюда, поговорил с разными людьми и понял, что все каналы мне перекрыты. Русский журналист не очень нужен в России. Даже не журналист, а просто такой, как я. Будь я врачом или пожарным, я бы остался, тут даже вопроса нет. Но сложилось так, как сложилось. Я не могу сидеть со связанными руками, с заклеенным ртом и улыбаться и шутить, раздражаться на незнакомых людей тут не принято. В кафе, где меня узнают и совершенно искренне мне радуются. Даже в такси — каждый второй таксист говорит мне: «Брат-джан, все будет нормально, живи, правильно, что приехал!»

В забегаловке на улице Абовяна в меню не было лаваша. Но я, конечно, спросил, есть ли у них лаваш. «Ты хочешь лаваш? — сказала девушка. — Я тебе принесу». Ушла куда-то на 10 минут и действительно принесла. Стоит такая, довольная собой, гордая...

Почему нельзя было так в России? С самого начала? Разве это так сложно? Почему обязательно все должны мучиться и мучить друг друга? Ответа нет.

Это тяжелая мысль, она ставит крест на 50 годах моей жизни. Только сейчас я увидел, что прожил ее в нелюбви.

> «ХОЧУ ЛИ Я ВЕРНУТЬСЯ В РОССИЮ? ЕСЛИ ЛЮДИ ТАМ БУДУТ ОТНОСИТЬСЯ ДРУГ К ДРУГУ ТАК ЖЕ, КАК ЗДЕСЬ, В АРМЕНИИ, — ТОЧНО ДА. ВЕРЮ ЛИ Я В ТАКОЙ РАСКЛАД? НЕТ

Но была и другая причина: очень тяжело без любви. Я думал об этом, когда после трудной поездки поздно ночью вернулся в Ереван, а хозяйка с мужем ждали меня с чаем и свежими фруктами. Думал в магазине, когда девушка на кассе замечать посторонние. Продавец в ночном минимаркете, добродушный толстяк, спросил: «Днем спим, ночью кушаем. Как похудеть, скажи?» Поезжай в Россию, брат, а потом приезжай обратно.

А потом это вдруг прошло. Я вышел на улицу, светило весеннее солнце, было тепло, я шел по проспекту Гарегина Нжде, мимо меня шли люди. И появилось какое-то удивительное ощущение нормы. На мгновение показалось, что я дома. Дома было даже не так спокойно — я все время чего-то ждал. Жизнь в России — постоянное ожидание удара. Но вот ударили, и теперь самое страшное позади. Будет тяжело, но нет больше этого мерзкого страха.

С родиной я столкнулся лицом к лицу в августе, когда ездил в Карабах писать о том, как выселяют деревню в Лачинском коридоре. Там жили в основном беженцы, люди, бежавшие от войны из Сирии и Ливана. И вот опять у них отнимают дом, опять в дорогу. И может быть, не последний раз. Мы поговорили, они были абсолютно спокойны, у старосты деревни ни один мускул не дрогнул.

Я хожу по Еревану и сравниваю с Москвой: было так, а сейчас вот так. Это ненормально, но когда-нибудь я избавлюсь от этой раздвоенности, этой шизофрении.

Первые месяцы я буквально уговаривал себя не бояться. Я говорил себе: «Смотри, вот сидит у подъезда кошка. Она не убегает, когда к ней подходишь, потому что точно знает, что никто не обидит. Даже кошка не боится, а ты боишься».

Страх выходил из меня физически. В апреле я встал на уличные весы и увидел, что похудел на 11 килограммов. Это были 11 килограммов страха. Московская одежда болталась на мне так, что это стали меня теперь нет. Когда из темноты стали появляться знакомые улицы и очертания домов, я откинулся на сиденье и сказал по-армянски: «Лав!» Звучит как английское love. Переводится — «хорошо». Это одно и то же.

Впервые за много лет я почувствовал себя уверенно и спокойно, хотя это плохо вяжется с ситуацией. Это первый мой Новый год в эмиграции. Хочу ли я, чтоб он стал последним? Нет, не враг же я сам себе.

Хочу ли я вернуться в Россию? Если люди там будут относиться друг к другу так же, как здесь, в Армении, — точно да.

Верю ли я в такой расклад? Нет.

Недавно был на встрече с Михаилом Шацем, объявленным в России иностранным агентом. Он сказал: «Когда-нибудь там все изменится. Или хотя бы что-то. И теоретически мы сможем вернуться. Мы не знаем, когда это произойдет. Может быть, скоро. Может быть, пройдут годы. Но я не смогу жить, если буду все время ждать. Чтобы жить и работать, мне надо думать, что обратного пути нет».

Немного самурайская этика, но она разом снимает вопрос о ностальгии. «Давно разоблаченная морока» — писала о ностальгии Цветаева. Когда накатывает, когда я вспоминаю Миусский сквер и рюмочную «Второе дыхание» на Новокузнецкой и прикидываю, что двести граммов можно было бы и выпить, ничего страшного, я всегда держу в уме, что повесилась Цветаева не в эмиграции, а на родине. И рюмочной «Второе дыхание» давно уже нет. Как можно тосковать о том, чего нет?

Фотограф Георгий Малец, который тоже тут, в Ереване, написал недавно длинный пост об этом. Длинный, но, по-моему, очень важный:

«За последние месяцы я смонтировал много интервью, где люди рассуждают о том, хотели бы они вернуться в Россию, прочитал много постов и твитов об этом, и многие говорят, что хотели бы хоть сейчас либо в принципе в будущем. Но все чаще звучит мысль, что к тому времени, когда можно будет вернуться, останется ли смысл? И я тоже все яснее понимаю, что не хочу.

Прошлое кажется каким-то сном, воспоминаниями из другой реальности. Нет уже больше ощущения, что все внезапно изменилось, даже первые пара месяцев в Армении воспринимаются каким-то переходным периодом, что ли. Есть только настоящее и надежды на какое-то хорошее будущее. Это даже приятное ощущение. Просто живешь, работаешь, тусуешься здесь и сейчас.

Мне иногда снится, что я оказался в Москве и мне там надо что-то сделать. Сначала во сне вроде бы все норм, я иду по каким-то делам, но потом вспоминаю, что вообще-то должен быть в Ереване, что вокруг совсем уже не та Москва, в которой мы жили до 24 февраля. Прямо внутри сна мне становится от этого страшно, я просыпаюсь, смотрю вокруг, понимаю, что нахожусь в Армении и все хорошо.

В Москве мне реально теперь уже нечего делать. Все изменилось настолько, что у меня дел и вообще жизни теперь больше в Армении. Мы еще весной познакомились с офигенными ребятами, которые тоже уехали из России, теперь живем дружной веселой компанией в огромном доме, есть работа, Ереван уже привычный, мне здесь хорошо. Поэтому мысли «Как же хочется вернуться!» у меня нет. Мне действительно не хочется возвращаться. Прошлое осталось в прошлом, я это прекрасно ощущаю».

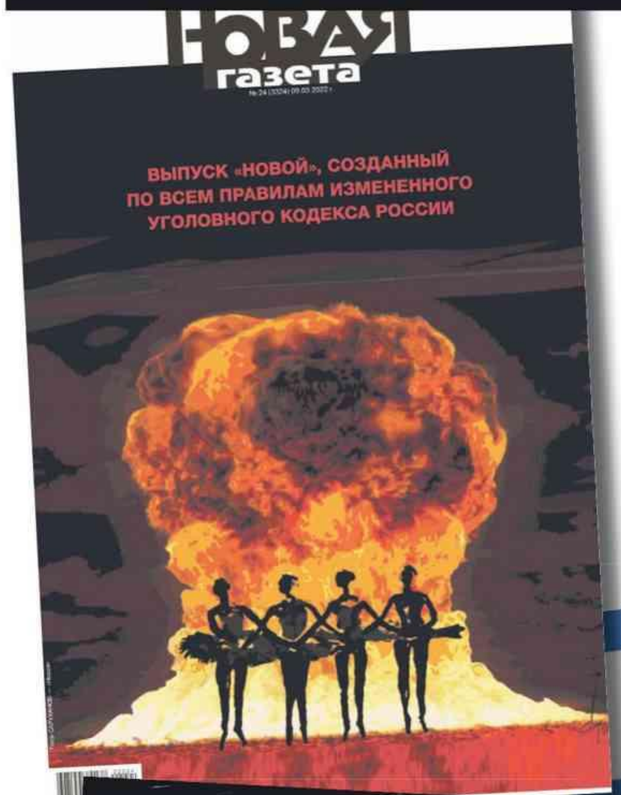
Кто-то скажет: «Как-то стыдно чувствовать себя хорошо, когда мир вокруг рушится, столько разрушенных жизней, это ошибка выжившего», — и я с этим абсолютно согласен. Но вы же хотели жить в прекрасной России будущего? А мы уже живем, и это плюс. Только это не Россия, и это минус.

Ян ШЕНКМАН

2022 год

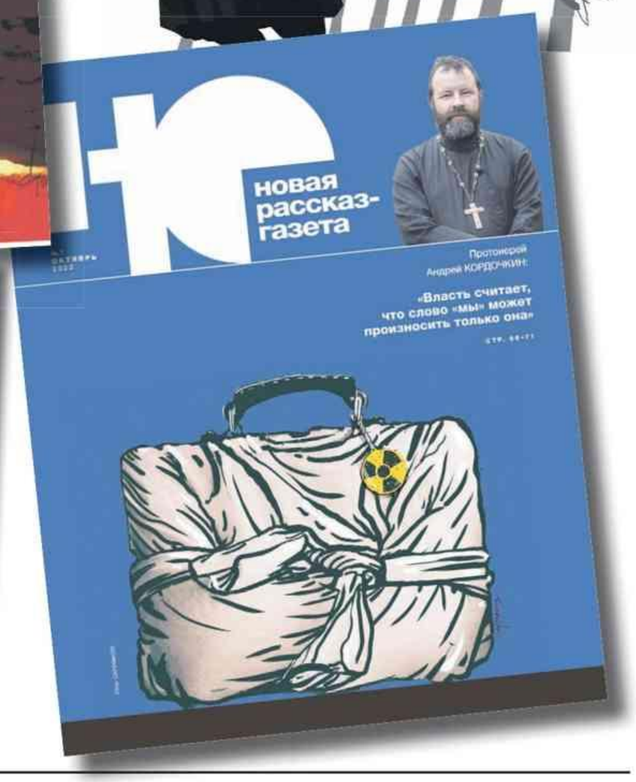
В ОБЛОЖКАХ «НОВОЙ» И РИСУНКАХ ПЕТРА САРУХАНОВА

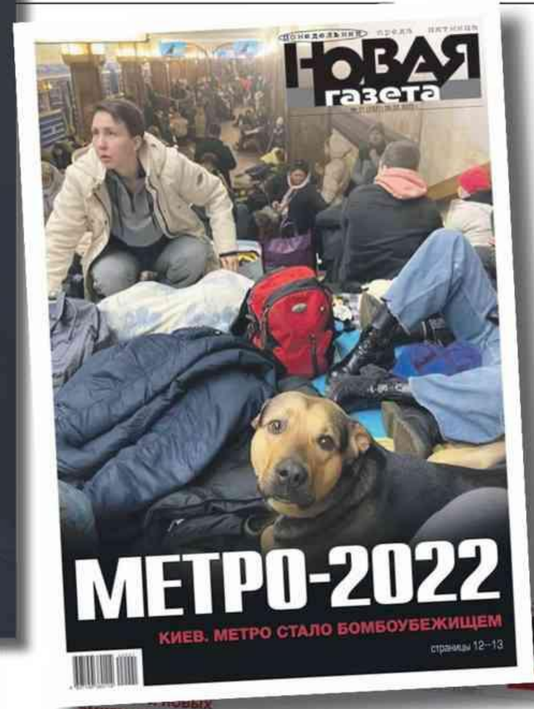

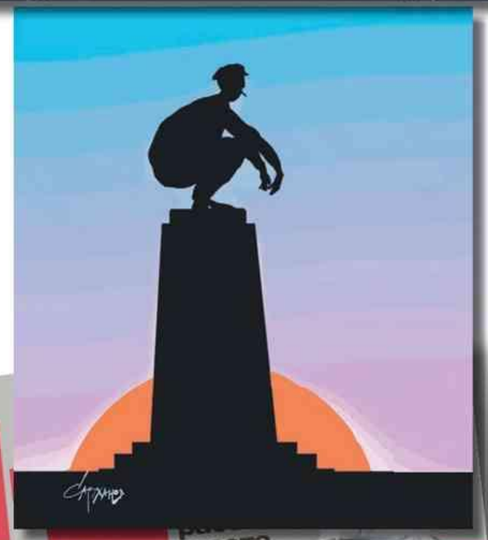

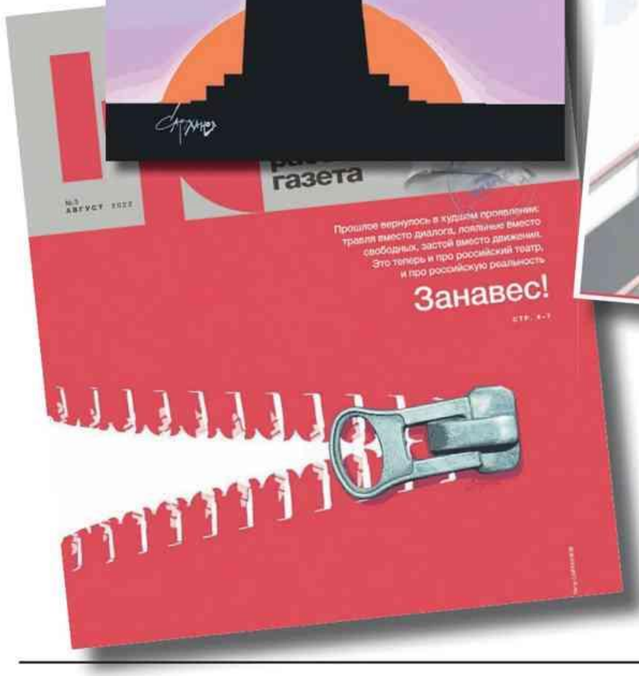

Другие — это недобрый, неумный, агрессивный и чванливый от самодостаточной убогости мир, который окружает графического философа Петра Борисовича Саруханова.

Господь не поскупился, наделив художника способностью провести точную линию по нашему существованию, чтобы без слов показать сомнительные достоинства времени, которое нам отвели.

Его работы в «Новой газете» выстраиваются в безмолвную, но говорящую необыкновенно точно и остроумно сагу о бездарных наших преобразованиях.

Газетный лист талантом Саруханова превращается в художественную декларацию разума против безумия и дурного вкуса.

Это тем более ценно, что Мастер обладает не только даром искусного в образах мыслителя, но и живописца.

Он любит цвет жизни и не приемлет монотонную серость нашего выживания.

Петр Саруханов — честный художник, который украшает мир, не приукрашивая его.

Юрий РОСТ

ТОЧКА ЭРЕНБУРГА

КАК «ДОЖДЬ»* СМЫЛ ПОЛУТОНА В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ЕВРОПЫ

Что бы ни было триггером скандального отзыва лицензии на вещание у телеканала «Дождь» и чем бы в среднесрочной перспективе эта история ни завершилась, она вскрыла существование проблемы, которая выходит далеко за рамки этого скандала. Это проблема отношения сегодняшней Европы к «русскости» как таковой, то есть ко всему, что связано с русской культурой, языком и государственностью вне зависимости от того, в какую оберточную бумагу эта «русскость» завернута.

Наивное предположение, что Европе могут быть нужны «полезные русские» (в актуальной терминологии — «хорошие русские»), то есть в контексте нынешней ситуации — те русские, которые выступают против спецоперации (для их идентификации даже предлагают подписывать соответствующую удостоверенную «международно признанным органом» декларацию), не подтверждается на практике. Европе (по крайней мере, той ее части, которая непосредственно граничит с Россией) не нужны уже никакие русские — ни плохие, ни хорошие.

Разумеется, такого мнения придерживаются далеко не все в Европе, но оно стремительно распространяется по континенту и в большинстве соседствующих с Россией государств уже является доминирующим. Русофобия в прямом и натуральном смысле этого слова, то есть боязнь всего русского, стремительно захватывает по крайней мере часть Восточной Европы. Увы, для этого есть веские причины.

Действия против Украины показали, что Россия в XXI веке готова вести завоевательные походы XIX века жестокими методами XX века. Для тех же народов, в культурный код которых «русскость» вписана приблизительно тем же образом, которым в культурный код самих русских вписан татарский «дед Бабай», спецоперация в Украине стала условным сигналом к всплеску инстинктивного страха стать в очередной раз жертвой русского империализма. Это привело к вспышке тотальной неприязни к стране, пытающейся вновь стать империей, и всему, что может с ней ассоциироваться.

Русофобия, о которой так много говорили и продолжают говорить в Кремле, не была причиной и поводом для спецоперации, но стала ее объективным и неизбежным следствием. Ее в той или иной степени сегодня ощущают на себе все русские вне зависимости от их личного отношения к событиям. Это объективная реальность современной Европы, данная русским эмигрантам иногда в весьма неприятных ощущениях, с которыми они не всегда могут совладать.

Страх русский

Несколько лет назад, после первой вспышки конфликта («присоединения» Крыма и взятия под контроль Донбасса), которую — принимая желаемое за действительное — многие из нас посчитали изолированным эпизодом, я поспорил заочно с журналистом и политологом Виталием Портниковым, который уже в те времена, кажущиеся сегодня ветеринарскими, предложил «отменить русскость» в целях национальной безопасности. Я посчитал тогда эту меру избыточной; сегодня я понимаю, что это был всего лишь фальстарт, и Виталий предложил раньше других то, что теперь стало доминирующей парадигмой общественных настроений в Украине и целом ряде других европейских стран.

Возражая Портникову, я сослался тогда на «случай Эренбурга». Эренбург был одним из самых часто поминаемых в нацистских медиа советских деятелей, степень ненависти к которому очевидно контрастировала с его весьма скромным статусом в советской иерархии. Этому были свои причины. Эренбург сыграл как пропагандист выдающуюся роль в формировании из немцев образа врага. Он перевел дискуссию из плоскости политической и идеологической в плоскость этническую и сформулировал простой и понятный сражающейся армии лозунг «Убей немца!».

Пять лет назад эренбурговская формула применительно к новейшей истории казалась мне бредовой фантазией. Сегодня она выглядит лейтмотивом политики в странах, подвергшихся спецоперации либо ожидающих своей очереди в списке тех, кто вскоре может стать жертвой таковой. Условно говоря, события достигли так называемой точки Эренбурга, когда все русское стало ненавистным для десятков миллионов украинцев, а также для десятков миллионов сочувствующих им жителей Европы, в первую очередь — в странах Балтии и Польши, где страхи сегодняшнего дня наложились на исторические обиды дня вчерашнего.

Можно как угодно относиться к этому неприятию «русскости» в любой ее форме, но уже невозможно не учитывать ее как данность. Соответственно, каждый русский в отдельности и любые российские организации (и тем более медиа), оказавшиеся по своему выбору или волею судьбы на территории стран, где такое отношение к «русскости» является доминирующим, обязаны учесть данное обстоятельство в своей практической деятельности или как минимум выработать в себе четкое и внятное к нему отношение.

Ошибка «резидентов»

Многие эмигранты из России, становясь резидентами тех стран, где неприятие всего русского является государственной политикой, поддерживаемой значительной, если не большей частью населения, предпочитают не замечать прохождения этими странами «точки Эренбурга» и вести себя так, будто они «обычные европейцы», но просто им «немного не повезло с Путиным». К сожалению, это не так, и в глазах остальных они не такие.

Граничащие с Россией страны, согласившись принять львиную часть новой русской эмиграции, в том числе и под некоторым давлением Евросоюза, не испытывают по этому поводу никакой радости. Сам факт увеличения «русского элемента» на своей территории рассматривается ими в лучшем случае как фактор серьезного дискомфорта, в худшем — именно как угроза национальной безопасности. Качества и свойства души приехавших в расчет не принимаются, да в душу каждого приехавшего и не залезешь. А если это все накладывается еще и на глубокий конфликт между русскоязычной общиной и коренным населением, как это имеет место в Латвии, например, — ситуация становится крайне взрывоопасной.

В такой ситуации сама попытка сохранять свою «русскость» и тем более подчеркивать ее, претендовать на то, чтобы выражать самостоятельную, «русскую», точку зрения, выпячивать сохраняющуюся связь с покинутой Россией воспринимаются местным населением в штыки, а иногда и как оскорбление. Это именно то, что, на мой взгляд, стало реальной причиной скандала вокруг «Дождя». От телекомпании ожидали, что она будет русскоговорящим, но при этом латвийским по духу СМИ, то есть будет транслировать точку зрения латышской общины на Россию, но на русском языке. Вместо этого «Дождь» стал позиционировать себя де-факто как русское СМИ с «латвийской лицензией». Такая опция в меню возможностей нынешней русской эмиграции отсутствует.

Для Латвии, и тем более для Украины, Россия — это враг безо всяких нюансов. В этих условиях рассуждать о том, что хорошо и что плохо для России, а не для принявших эмигрантов и их организации стран, воспринимается местными элитами с плохо скрываемым раздражением. Возмущает их и постоянное педалирование темы «будущего России». Какое будущее украинцы, например, могут желать России? Странно было бы ожидать от украинцев и их союзников по коалиции, чтобы они отнеслись к этому вопросу философски, а не предельно категорично...

Быть иль не быть?

Очень многие (хотя далеко не все, конечно) европейцы и очень многие (также далеко не все) эмигранты из России дают сегодня разные ответы на сущностный вопрос: что делать с Россией?

Когда речь заходит о русской культуре как таковой, сторонников тотальной cancel Russia находится не так уж и много, хотя они и существуют. Тем не менее «Спящую красавицу» Чайковского как ставили в Лондоне, так и продолжают ставить, а новый сезон в La Scala, насколько я понимаю, открылся оперой Мусоргского, несмотря на бурные протесты части эмигрантов. Но когда речь заходит о судьбе русской государственности, ситуация резко меняется. С каждым выстрелом в Европе увеличивается число людей, придерживающихся, пусть и негласно, мнения, которое я, естественно, разделить уж никак не могу, что «всем бы было комфортно», если бы

> НЕТ НИЧЕГО УДИВИТЕЛЬНОГО В ТОМ, ЧТО В УКРАИНЕ И СТРАНАХ БАЛТИИ БОЛЬШИНСТВО НАСЕЛЕНИЯ ОТНОСИТСЯ К «СОЧУВСТВУЮЩИМ» БЕЗ СОЧУВСТВИЯ И СОВЕРШЕННО НЕ ЦЕНИТ ИХ ЗАСЛУГ В БОРЬБЕ С РЕЖИМОМ

России как государства вообще не было. Никакой — ни путинской тоталитарной, ни антипутинской демократической.

Возрождение русского милитаризма и экспансионизма привело многих в Европе к убеждению, что «демократическая Россия» — это утопия и что Россия всегда будет такой — то есть вечно нависающим над континентом гигантским ледяным козырьком, который в любой момент может обрушиться на европейские головы, как сосули — на Невский проспект. Соответственно, для сторонников такой точки зрения — в первую очередь, конечно, для украинцев — одной из целей и важнейшим компонентом «победы» является уничтожение российской государственности в ее нынешнем виде в принципе.

То есть ни демократизация России, ни ее модернизация, ни даже революция сами по себе значительную часть европейцев, по большому счету, уже не интересует. Почему? Потому что военные действия и потому что Россия — враг. Ждать от европейцев и, тем более, от украинцев в данный момент сочувствия в эмигрантских вдениях о «судьбах Родины» — значит демонстрировать моральный и политический инфантилизм. Эти настроения, конечно, не афишируются обычно на официальном и дипломатическом уровне, хотя и здесь есть те, кто демонстрирует свою позицию открыто. Тем не менее распространение подобных настроений в обществе очень широко, особенно в странах, граничащих с Россией.

Эмоциональный диссонанс

Для значительной части русской интеллигенции, выступающей против спецоперации, стало полной неожиданностью то, что их не готовы принимать в Киеве и сопредельных столицах с распростертыми объятиями. То, что внутри России считается смелым и рискованным выражением протеста, для людей либо уже много месяцев живущих при сигналах воздушной тревоги, либо ожидающих, что она вот-вот зазвучит, кажется жалким соглашательством.

Любая попытка продемонстрировать «беспристрастную» позицию «над схваткой», тем более неуклюжая, любое стремление «поиграть в BBC» — то есть в журналистику «над схваткой» — воспринимается этой частью европейцев исключительно как оппортунистическая позиция «и нашим, и вашим». Олена Степова пишет в украинском «Обозревателе» на хвосте лицензионного скандала, о «Дожде» как о «путинском шапито», которое потерпело фиаско на гастролях в Латвии. Ее логика проста и прямолинейна: Путин может арестовать любого человека в России, а, поскольку журналисты «Дождя» не арестованы, то они существуют с разрешения ФСБ и априори являются ее агентами.

Пацифистская позиция вообще и «Дождя» в частности также не является «смягчающим вину обстоятельством». Достаточно точную и оформленную лаконично мысль высказала в комментариях к моему эфиру с Алексеем Венедиктовым* Anna G. Она написала: «Антивоенная позиция сейчас является «проукраинской». А «Дождь» не стал «проукраинским», хотя я лично от него именно этого ожидала. Сейчас есть только два окопа, посередине не получится, надо определиться, кто друг, а кто враг. Страны Балтии стали «проукраинскими», а «Дождь» не определился». Лучше не скажешь.

Но как Anna G. поняла, что «Дождь» не определился? Ведь все правильные слова на «Дожде» произносились, и в реальности журналисты «Дождя» проделывали гигантскую работу, чтобы рассказать правду. Но украинцам и жителям Балтии не нужна правда от «Дождя» — они и так ее знают. Им нужна присяга «Дождя» их целям, их пониманию победы. Им нужны «четыре «да» в бюллетене Арестовича». Они хотят, чтобы победа была полной и бескомпромиссной. А это в их понимании — устранение России как вечной угрозы, так сказать, «окончательное решение» русского вопроса.

Это и есть та причина, по которой русские эмигранты и «принимающая сторона» находятся в перманентном эмоциональном диссонансе друг с другом: русские эмигранты в большинстве своем оказались не готовы оправдать ожиданий большинства в тех странах, которые их приютили.

«Отказники», «сочувствующие» и «крестоносцы»

Спасительная формула про «политику Путина» осталась далеко в прошлом. Для всё большего числа европейцев, не говоря уже об украинцах, нынешние события — это не политика Путина, а политика России, а значит, и всех русских вне зависимости от их личной позиции. Те, кто так думает, желают не поражения Путина, а поражения России и не собираются отделять одно от другого.

Три обстоятельства нуждаются сегодня в осмыслении:

— Русофобия в Европе — не вымысел, а объективная реальность.

— Для этой русофобии есть веские причины, ее нельзя назвать предвзятой, она не причина, а следствие.

— Личная позиция и заслуги в «борьбе с режимом» больше не являются индульгенцией для русских в Европе и тем более в Украине.

К сожалению, русская эмиграция оказалась плохо готова к встрече с этой жесткой реальностью. Сегодня она расколота не только политически и идеологически, но и психологически, в зависимости от своей реакции на прогрессирующую русофобию. В эмигрантской среде стихийно образовались три платформы, которые я условно обозначил бы как «сочувствующие», «отказники» и «крестоносцы».

«Сочувствующие» предпочитают не замечать происходящего сдвига настроений и ведут себя так, как будто они прибыли не из России, а с Марса. Хотя они сами стали чужими в России, для них Россия не стала чужой. Они сочувствуют и сопереживают происходящему не столько там, где они локализованы, а там, где их уже нет, сохраняя, таким образом, двойную лояльность как вновь приобретенной, так и оставленной родине. Соответственно, они смотрят на любой вопрос одновременно с двух позиций: антагонистов режима и протагонистов России. То есть они, конечно, борются с режимом Путина, но не ради победы Украины, а ради победы русской демократической оппозиции с помощью Украины. В таком раскладе Украине отводится роль некоего рычага (инструмента), с помощью которого оппозиция могла бы перевернуть Россию, то есть сделать наконец то, что без Украины сделать не получилось. Если все закончится так, как они хотят, эти люди, по-видимому, скажут украинцам: «Спасибо, дальше мы сами...» Нет ничего удивительного в том, что в Украине и странах Балтии большинство населения относится к «сочувствующим» без сочувствия и совершенно не ценят их заслуг в борьбе с режимом.

«Отказники» — это та часть российской оппозиции, которая поддерживает идею тотального отказа от всего, что может быть проассоциировано с Россией: языка, литературы, музыки и так далее, полагая, что само упоминание о России и русских в каком-либо положительном контексте сегодня абсолютно неуместно. Эта же часть русской эмиграции, как правило, выступает за то, чтобы Россия была в перспективе разделена на части и лишена ядерного статуса. Эта часть русской общины поймала новый тренд и оседлала его. Они сегодня большие украинцы, чем сами украинцы, и большие латыши и литовцы, чем сами латыши и литовцы. Они митингуют перед театрами, протестуя против премьер русских опер, и аплодируют отзыву лицензии «Дождя» как слишком «прорусскому», с их точки зрения, медиа. Немного смущает при этом, когда в своих петициях они не забывают указать, что являются потомками знаменитых русских философов и композиторов, что в данном контексте кажется несколько неуместным: уж либо одно, либо другое. «Отказники» до такой степени не любят «сочувствующих», что ради борьбы с ними зачастую забывают о Путине и его режиме.

Между «сочувствующими» и «отказниками» затесалась тонкая прослойка «людей Ремарка», своего рода «крестоносцев» — в том смысле, что они готовы молча нести свой «русский крест», не пытаясь ни бросить его, ни переложить на плечи тех, кому еще тяжелее. На мой взгляд, в наиболее лаконичной форме отношение этой группы к ситуации и жизни выразил Дмитрий Зеленцов в комментарии к телеграм-каналу моего сына Бориса: «По-моему, россиянину сейчас лучше не выражать публично моральную измученность. Хорошо, если не заметят, а вероятнее — пнут в ответ словесно, попрекнут физическими страданиями реальных жертв, и возразить нечего. Как говорили в одном фильме, кажется, про форсирование Сиваша: «Если отступаешь, не кричите — погибайте молча». А уж нам сам бог велел молчать».

Лучше не скажешь: бог велел молчать, помня, почему возникла и распространяется по Европе эта волна русофобии, помня о тех, кто теряет каждый день близких, помня, в конце концов, на чьей территории все это происходит. Но молчать — не значит перестать чувствовать, в том числе ощущать себя русскими. Но молчать — не значит перестать мечтать, в том числе о том, чтобы Россия возродилась не как архивная империя, а как национальное, правовое, демократическое государство. Но молчать — не значит перестать думать о том, как обустроить Россию в будущем, чтобы не повторить всех прошлых ошибок.

Просто не надо никому навязывать свои чувства, мечты и раздумья. Чувствуйте, мечтайте и раздумывайте сегодня так же, как и страдаете — молча. Но если кому-то не нравится, что русские продолжают сегодня чувствовать, мечтать и думать о будущем своей страны, то пусть он тоже корректно и вежливо промолчит. Нас действительно сегодня не нужно жалеть — и именно потому, что мы и сами никого не жалели. Но главное для нас не начать жалеть самих себя, не «качать» права человека, не поливать обидами уязвленное самолюбие, потому что это путь в никуда.

Лично я верю, что Россия вспрянет ото сна — далее по тексту...

Владимир ПАСТУХОВ

** Внесены властями РФ в реестр иноагентов.*

История Кати, которая вывозит
с линии фронта лежачих больных

ЭВАКУАТОР

Из личного архива

НЕНАВИСТЬ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЛЮБВИ К РОДИНЕ
А.К.М.

Ismail FERDOUS / Agence VU/VU Images/East News

Государственная служба Украины по чрезвычайным ситуациям

«За несколько месяцев до того, как все началось, я поймала себя на том, что перестала читать серьезную литературу. Что у меня все хорошо, и я могу позволить себе читать фэнтези. Заниматься тем, что доставляет удовольствие, делать коллекции одежды. Я много лет работала с онкологией, а тут впервые в жизни стала делать то, что просто красиво. Не хотелось сложных историй, не хотелось стихов. Все будет хорошо, все наладилось — такое было чувство. А потом все обрушилось».

Катя варит кофе, вокруг бегает длинношерстая молодая собака. В начале февраля в доме было две крысы, две кошки и один аквариум. Теперь семь крыс, кошки, собака и пять аквариумов. Люди уезжают, животные остаются, животным тоже нужен дом.

У Кати Пирожинской двое детей. По четвергам в ее квартире, где много жизни и живописи, собираются волонтеры — просто поговорить. Поговорить очень нужно, когда много месяцев работаешь с чужим горем. Катя не активистка, в ее жизни были бизнес и творчество. Сейчас она помогает выехать украинским беженцам, оказавшимся по российскую сторону линии фронта. Выехать и, кому необходимо, выбраться в Европу. У тех, с кем преимущественно работает Катя, там намного больше шансов выжить — это паллиативные пациенты, люди с тяжелыми, хроническими и орфанными заболеваниями, в том числе СМА, зачастую маломобильные. С диагнозами, с которыми выжить или достойно умереть в нашей стране трудно даже человеку с российским паспортом и без трагедии беженства за плечами.

— Первые полтора-два месяца я просто рыдала. Был ужас и ощущение, что так не может быть. Я не активист, я консерватор. Много лет работала в сильном бизнесе, связанном с исследованием лекарственных препаратов, у нас была своя клиника. Был период, когда я зарабатывала своими картинами, делала одежки, давала мастер-классы, это не приносило больших денег, но мы спокойно жили... Да, до 24 февраля я просто жила. Я, конечно, видела в нашей клинике парней, которые воевали в Сирии. Абсолютно нормальные парни. Только без рук или ног. Но мы ведь ни на Сирию не реагировали, ни на условных тутси — может, нам за это и прилетело? В феврале я лежала плашмя и рыдала. Понимаешь, я очень люблю работать руками. Я адски хорошо это делаю. Я могу утром сесть, и к концу дня у меня будет великолепное платье или пара жилетов. И мне доставляло удовольствие даже не столько продавать это — сколько именно делать, и чтобы люди могли это носить и быть красивыми. А тут я больше не смогла. Снова стала писать стихи, много. Что я могла сделать? В апреле начали появляться волонтерские группы. Я собирала вещи, отвозила, привозила, встречала кого-то, селила... Подожди...

У Кати вибрирует телефон. Из Каховки (это под Херсоном) нужно вывозить лежачую пациентку. Она договаривается с волонтеркой где-то на юге России.

Вывезти можно только транзитом через контролируемую РФ территорию — ни один волонтер через линию фронта людей не повезет. Эвакуация идет на территорию России, а через нее — в Финляндию и другие страны. Но я все равно предчувствую возмущение части аудитории, которая заговорит о «трафике беспомощных людей на территорию России». Тема интернирования применительно к самым разным российским волонтерам всплывала не раз и не два. Но бьется она в данном конкретном случае одной картой — географической. Человек находится по эту сторону линии фронта. Ему нужна помощь. Зависит ли право на нее от гражданства? Возьмется кто-то перетащить лежачую из Каховки на контролируемую Украиной территорию и обеспечить ей срочную помощь? Предложит другой путь спасения? Нет, не в теории, а на практике, здесь и сейчас, ведь ждать переговоров, прекращения огня, окончания СВО умирающие не могут. И огонь остановить волонтеры не в силах. А вывезти из-под него — да.

— Если мне помогут спасти человека, я буду договариваться с кем угодно; с теми, кто поддерживает СВО, с теми, кто собирает на ватные штаны для мобилизованных, с местными чиновниками — со всеми. Мне все равно, уедут потом люди в Европу или останутся в России, они за спецоперацию или против. Все это не важно. Вот эта волонтер, она постит в соцсетях ссылки на сборы средств для мобилизованных, и она как бульдог вцепится и вывезет эту женщину, понимаешь? А я не смогу. Она десяток человек уже вывезла из Херсона. Один раз только сказала мне: «Ты, наверное, не любишь Россию?» Я ответила: «Моя любовь к России — это моя личная история, она никого не касается». И это все, мы продолжаем работать. Со всеми можно договориться, если надо спасать. Когда я вывозила восьмимесячного ребенка из реанимации в Мариуполе, я звонила всем: и депутатам, и единороссам — мне было похрен.

Сейчас меня снова упрекнут: договариваться с кем угодно можно было раньше, а теперь между людьми пропасть, цена перехода через которую — репутация. Но попадали ли борцы за чистоту репутаций сами в ситуацию, когда в твоих руках судьба умирающего? Можно ли в этом случае отвергнуть помощь, если ее предлагает человек с чем-то неприемлемым для нас на аватарке?

Ветхозаветное стремление к чистоте нравов было разоблачено за пару тысяч лет до нас — притчей о самаритянине, который спас избитого, в то время как люди из более изысканного общества проходили мимо. У людей, которые вытаскивают других из ада, часто нет роскошной привилегии определять свой предел рукопожатности. В аду белые одежды быстро замарываются.

Мы же все ищем черное и белое, простые решения. И чем больше ищем, тем больше ненавидим друг друга.

За окном предзимнее питерское утро. Катя разогревает плюшки, поправляет фото детей, магнитами пришпиленные к дверце холодильника. Она вывезла больше 300 украинских семей, это около тысячи человек. Еще есть люди, которых она вела, но которые передумали выезжать, есть те, кто попросил совета — и выехал сам. Бывает, за неделю с ее помощью выбирается до 50 человек. Бывает, выбраться не удается: из России не выпускают пограничники, которые после объявления о присоединении новых территорий начали требовать российские загранпаспорта у людей с паспортами «ДНР» или «ЛНР». Бывает, не впускают пограничники другой страны. И тогда люди снова пробуют выехать — в ином направлении, еще куда-то. Бывает, нужно просто добраться до российской больницы, чтобы безнадежный пациент ушел мирно и с обезболиванием.

— Ты берешься сопровождать людей, которые сами не могут выехать?

— На самом деле сам никто не может. Самая большая проблема — это отсутствие информации: на какие КПП можно ехать, на какие нельзя. Где можно проехать за несколько часов, а где застрять на два дня. Где-то пропустят гражданина Украины, но гражданина Молдовы или грузина с украинским ВНЖ — нет. Куда-то, как в Брачки (*КПП на границе с Латвией. —* **Ред.**), вроде проще добраться, но там толпа народу и дикая очередь. А в Нарве (*пункт пропуска на границе с Эстонией. —* **Ред.**) очередь меньше, но там идут отказы, раньше совсем не было, а сейчас все больше и больше. Отказы выписывают одни и те же эстонские пограничники. Мне говорят, что это сотрудники, которые рассматривают более сложные случаи и принимают более сложные решения. Отказывают людям с двумя паспортами — украинским и русским. Отказывают, если человек «слишком долго пробыл в России». Женщине, например, которая после ранения ходить не могла и в России лечилась.

Они очень слабо себе представляют, что такое украинский беженец в России. Они почему-то считают, что это человек, который должен быть абсолютно пассионарным защитником Украины. Но люди, о которых мы говорим, прошли подвалы, прошли страшные вещи. И реально большинство из них сейчас не являются патриотами Украины или сторонниками России. Это люди, которые просто хотят выдохнуть и выжить. Они здесь в себя пришли и двинулись дальше. Есть и другое: женщина жила здесь с украинским и российским паспортами. Ее бьет муж, и у нее уже есть статья за дискредитацию армии. Нарва — не пустит. Как-то целый табор развернули. А финны впустили. Волонтеры несколько таборов вывезли. На любой границе есть люди хорошие, есть плохие. И нужно правильные слова им говорить, чтобы проехать. Я это умею. Нужны гуманитарные визы для волонтеров. Это не так много людей, несколько сотен тех, кто сопровождает беженцев. Это надо решать институционально.

Я слушаю Катю и думаю, что всякое государство имеет право пускать или не пускать. Не приветствовать людей с паспортами не того цвета. Но еще думаю, что деление украинцев или россиян на «хороших» и «плохих» не вызывает у меня симпатии. Потому что беженцы отнюдь не идеальны. Волонтеры не идеальны. Люди не идеальны. Они все разные. Но они не должны мучиться и умирать.

Катя начала писать книгу о том, что прожито за эти 10 месяцев. Она постит истории в телеграм-канал и публикует там стихи. Это, в сущности, дневник, и я буду приводить оттуда фрагменты. Например, эти:

«Моих мариупольцев не пустила Эстония. Их продержали сутки. А под конец сказали: оставьте своего кота. Коту 4 месяца. Они взяли с собой кота. Привезли его из Мариуполя. И хотели обосноваться в Эстонии. Я горжусь, что они отказались. Они не бросили своего кота. Не бросать своих — на деле — тяжело. Особенно, когда ради этого кота тебе придется отказаться от возможности прямо сейчас получить убежище. Когда Европа не пускает — внутри меня что-то рвется. Лопается. Дребезжит. Рушится».

Продолжение материала ***Татьяны БРИЦКОЙ*** — СТРАНИЦА 38 ⇨

НАРОД МОЖЕТ СТАТЬ ТОЛПОЙ МГНОВЕННО. НА ОБРАТНЫЙ ПУТЬ УХОДЯТ ГОДЫ
А.К.М.

ЭВАКУАТОР

СТРАНИЦЫ 36-37

«...Насилие спущено с поводка. Прямое и нагое — там. Вывернутое, извращенное, бутылочное — здесь. И это насилие проникает в нас. И эстонские привратники у дверей тоже варятся в отваре этой почти безграничной власти над людьми. Пущать или не пущать. Дать защиту или не дать. И когда идет лавина людей и человеческого горя, кто-то не справляется, кто-то начинает закрывать дверь и смотреть в сторону. Просто потому, что у него есть это право: право на насилие.

А умение быть милосердными остается за людьми. Государства не умеют быть милосердными. Никакие. Но выбор между насилием и милосердием каждый делает сам. Только почему-то дорога насилия многим дается проще. Я — знаю. Я каждый день пытаюсь удержать себя от нее».

Пирожинская — это псевдоним. Я знаю Катину настоящую фамилию, но писать не буду — по ее просьбе. Те, кому надо, наверняка знают, но лишний раз провоцировать к себе интерес особого рода Катя не хочет. От нее и ее осторожности зависит, пропустят в следующий раз нанятую ей скорую в Мариуполь или нет.

— Давай рассуждать с точки зрения условного товарища майора. Идет неконтролируемый поток людей с территории государства, с которым у нас военный конфликт. Люди без документов. И я, майор, подозреваю, что среди них могут быть военные. И есть те, кто вывозит. А вдруг они помогают этим военным? Если бы я была товарищем майором, я бы, безусловно, сюда полезла, стала в этом разбираться. Уезжают менее контролируемые люди по сравнению с теми, кто остается в российских ПВР. Там их кормят, одевают, работает телевизор — они государству понятны. А вот те, которые едут сами, чего-то другого хотят. Так что я условного майора понимаю. Другое дело, что мой контингент — это в основном тяжелые больные. Люди легально въехали в Россию, и я им помогаю.

Кате звонит сын лежачей беженки. Он не рядом, но он поможет, свяжется с волонтером, передаст все контакты, отправит документы.

— Если туда пускают, я могу прислать реанимобиль из России. Или просто сантранспорт. «Буханку». Платную скорую. Это сложный маршрут, потому что водителя могут не пропустить на КПП с российской стороны. Так было с тем же ребенком восьмимесячным. Не пропустили водителя, врач-реаниматолог сел за руль и повел туда скорую. А обратно отец ребенка вел скорую до КПП, а реаниматолог сидел с ребенком на руках.

«Организовывала эвакуацию Максима. Ему 8 месяцев. Он в больнице в Мариуполе. Диагноз (под вопросом) — опухоль головного мозга.

Ему капают противосудорожные и противоотечные. Но даже МРТ сделать не могут. И нейрохирургов нет. Я нашла реанимобиль. И это было самое легкое. Куда сложнее договориться в выходные о госпитализации ребенка-беженца с невнятным анамнезом и без обследований. Реанимобиль Ростов–Мариуполь–Ростов стоит 30 тыс., обследования — около 10 тыс. Желающие — можно в личку, а можно сделать репост. А можно просто пройти мимо.

Когда ты эвакуируешь беженцев, даже если у ребенка 8 месяцев идет отек мозга, нельзя паниковать. Нужно только держать себя в руках, кормить своих детей, гулять со своими детьми. И звонить, писать и договариваться со всеми, кто может помочь».

> «А УМЕНИЕ БЫТЬ МИЛОСЕРДНЫМИ ОСТАЕТСЯ ЗА ЛЮДЬМИ. ГОСУДАРСТВА НЕ УМЕЮТ БЫТЬ МИЛОСЕРДНЫМИ. НИКАКИЕ

Попробуйте обеспечить лечение российскому орфаннику. Добейтесь лекарств от СМА. А теперь представьте, что пациент — беженец, без документов и крыши над головой. Попадая в Россию, которая действительно приняла гигантское число беженцев из Украины, человек может рассчитывать на место в ПВР, тарелку супа, неотложную медпомощь. Но только волонтеры, собирающие памперсы и смеси для грудничков или деньги на еженедельный осмотр у врача для беженки на 8-м месяце беременности с резус-конфликтом, знают, что индивидуальных жизненно важных нужд самых уязвимых и самых слабых государство не замечает почти никогда.

Но именно эти люди первыми бегут от боевых действий — по вполне очевидным причинам. Это если у вас, читатель, возник вопрос, зачем паллиативного больного тащить через всю страну в реанимобиле до финской границы. Или если на Катю ополчатся условные патриоты, которые скажут: пусть все беженцы остаются в России.

— Когда случилась частичная мобилизация, водители скорых куда-то исчезли. Я забронировала скорую до финской границы. Уже перед КПП выяснилось, что у водителя нет загранпаспорта. А в машине парень на одной ноге. Мы искали волонтеров, которые могут пересадить, довезти. Нашли. Нет, мы не всех довозим. Один человек умер практически на границе. До больницы довезли, но умер почти сразу. Он долго в Белгороде пролежал — проблема с документами: паспорт был еще советский. Женщина (вывезли из Херсона) умерла в больнице. Онкологическая, последняя стадия. У нее остались глухонемая мать и дочь 13 лет. Был мужчина возрастной, одинокий, онкология, первичная постановка диагноза — и сразу в тяжелой стадии. Был грузин, они в Украину попали беженцами из Сухуми, то есть они дважды беженцы. Прожил примерно две недели. Успел увидеть, точнее, почувствовать своего сына. Им отказали в выезде через Беларусь, пришлось возвращать, везти через Латвию. Но было понятно, что он уходит.

Катя ладонью зачесывает темные волосы назад, откидывается на стуле, смотрит за окно. Ее бабушка в сорок первом оказалась под Псковом в оккупации. А в сорок четвертом сама, одиннадцатилетняя, добралась до Ленинграда, где оставалась мать. Отец, Катин прадед, погиб в штрафбате после того, как бегал проститься с женой и был пойман. Второй прадед прошел два лагеря — немецкий и советский. Катя знает, что в ее крови блокада, эвакуация и оккупация.

— Я не могу каждому дать себя. Что люди могут сделать сами, они делают сами. Самое важное, что можно сделать для беженца, это вернуть ему управление собственной жизнью. Если беженцы справляются без меня, это супер. Готовьте, убирайте, стойте на голове. Важно быть занятым. А когда ты ничего не делаешь, ты беспомощен. Вот у тебя сидит твой координатор или твой волонтер, и ты просто ему наливаешь чай — это ты берешь жизнь в свои руки, субъектность возвращаешь себе. То, что я делаю, для меня тоже возвращение субъектности. Мы все потеряли возможность распоряжаться собственной жизнью. Мы живем с травмой свидетеля. Стали объектами, пешками.

«Приехала в дом полиция. Гуляю. Не подхожу к подъезду. Смотрю. Страшно. А вдруг: тук-тук... Беспомощность. Тотальная беспомощность на фоне постоянного шепота страха. Такого не было давно. А вот и госизмена зашуршала. Не дискредитация беззубая, не убийство с его смешными сроками. Приползла госизмена.

Государству невозможно изменить. Оно не муж, не любовник. Но его можно поменять. Проще всего — схватив в охапку семью, собак, кошек, сделаться то ли эмигрантом, то ли беженцем. Кто там писал: выдавить из себя по капле раба? Не помню. Только чувствую, как моя страна выдавливает меня по капле. И я изменяю ей самым диким образом: я опускаю руки. Я опускаю руки и признаю: я могу поменять государство, но не могу изменить государство».

— Я понимаю, что я не смогу вернуться к прошлой жизни. У меня придумана великолепная коллекция одежды. Я очень хочу снять фильм. Правда хочу. Но к тому, что было до 24 февраля, нельзя вернуться. Абсолютно невозможно делать вид, что ничего не было. Я стала забывать какие-то вещи. Дома что-то ломается, а я не чиню. У меня нет плана будущего. Я живу сегодняшним днем. Есть то, что я хочу сделать. Не знаю, смогу ли. Но мне кажется, будет здорово — даже если не я, а кто-то другой.

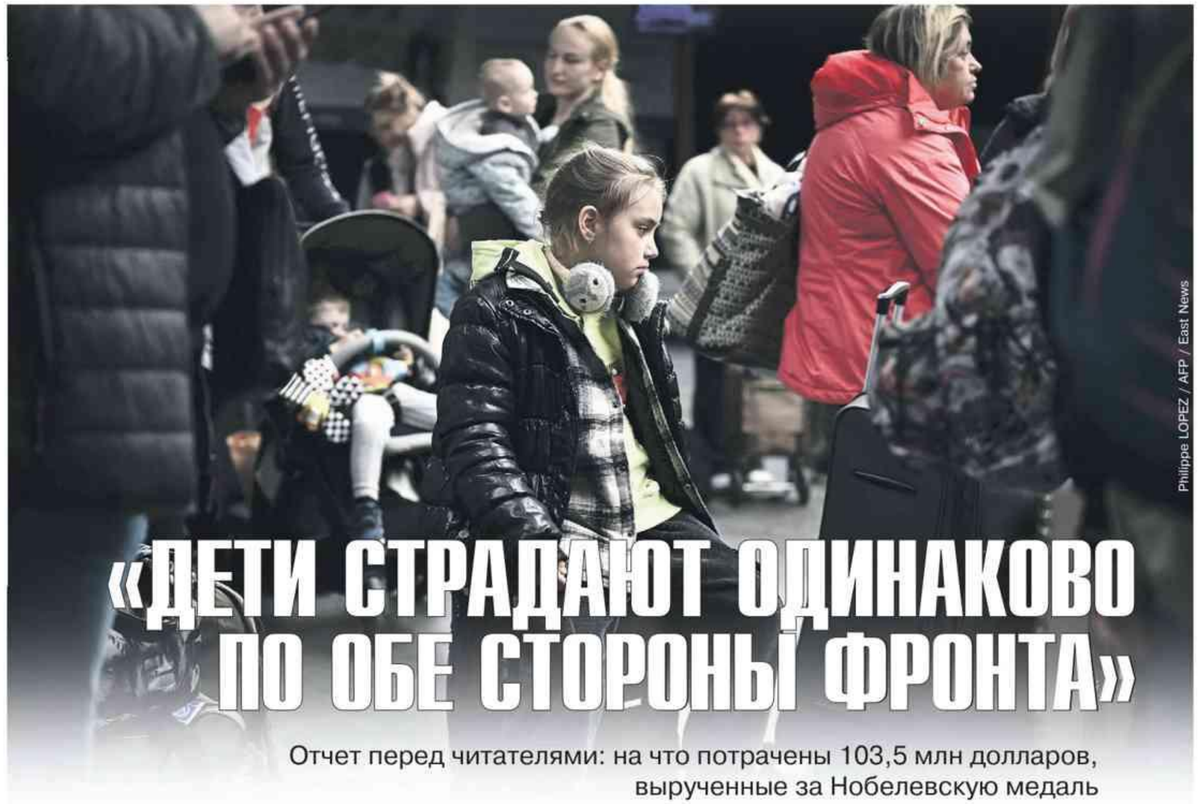
У Кати снова звонит телефон. Беженку вывезли из Каховки.

Татьяна БРИЦКАЯ

комментарий

На вопросы «Новой» об ограничениях для беженцев ответил **Илмар Каро, пресс-секретарь погранслужбы Эстонии:**

— С 24 февраля в Эстонию прибыло около 118 000 граждан Украины, многие из которых остались в Эстонии и получили временную защиту. За этот период пограничники на восточной границе не допустили въезд в Эстонию 1494 граждан Украины, что составляет около 1,3%. Эгерт Беличев, начальник Департамента пограничной охраны: «В основном отказывают лицам с украинскими внутренними паспортами, которые проживали в России более длительное время. Если они хотят пересечь границу без биометрического паспорта (с внутренним) как беженцы, им отказывают во въезде, потому что они не из зоны боевых действий (зона боевых действий определяется как вся территория Украины, включая Крым и Донбасс). Иногда эти лица хотят въехать в Эстонию как туристы, но без биометрического паспорта это невозможно. Одной из причин, по которой человеку не разрешают въезд в страну, может быть также угроза общественному порядку или национальной безопасности, мы консультируемся с нашими партнерскими агентствами, прежде чем принимать такие решения. В некоторых (довольно исключительных) случаях лицам, заявляющим, что они жили в Украине, когда началась ***, отказывают во въезде, например, потому, что они предоставили пограничникам ложные сведения, и в этом случае пограничники не могут быть уверены, что лица действительно жили в Украине в определенное время. Например, людям было отказано во въезде, потому что они заявили, что покинули Украину в определенный день, другая же информация, полученная пограничниками, свидетельствует о том, что они говорят неправду, а доказательства указывают на то, что они уже были в России ранее.**

«ДЕТИ СТРАДАЮТ ОДИНАКОВО ПО ОБЕ СТОРОНЫ ФРОНТА»

Отчет перед читателями: на что потрачены 103,5 млн долларов, вырученные за Нобелевскую медаль

Более **15 миллионов беженцев** выехали из Украины с 24 февраля. Скорость прироста их числа выше, чем во время Второй мировой войны. Кризис, связанный с потоком беженцев в 2022 году, является крупнейшим со времен сороковых годов прошлого века. 90% беженцев, по данным международных организаций, — женщины и дети.

Часть уехавших впоследствии смогла вернуться. Но **еще 8 миллионов** человек стали внутренне перемещенными лицами — это люди, вынужденные покинуть свои дома, но нашедшие временный кров в других регионах Украины. Почти у половины таких семей — дети. Многие стали беженцами повторно: за время конфликта в восточных областях страны они уже лишились дома.

Огромная человеческая трагедия отозвалась в самых разных частях света: **беженцев приняли более 40 стран,** люди стали искать и находить возможности построить будущее для тех, у кого не осталось ни прошлого, ни настоящего.

Мы решили, что для этого можно и нужно отдать самое дорогое — и выставили на аукцион нобелевскую медаль главного редактора «Новой газеты». Торги состоялись 20 июня, во Всемирный день беженцев, в аукционном доме Heritage. Консорциум покупателей (по условиям аукциона все они остались для нас неизвестными) приобрел медаль за рекордные **103,5 миллиона долларов.**

Себе ни мы, ни аукционный дом не взяли ни цента. Все вырученные средства поступили на счета ЮНИСЕФ, который распределил их на помощь детям-беженцам из Украины, а также в помощь детям беднейших стран мира.

Мы готовы отчитаться, как конкретно потрачены средства.

70% транша направлено на нужды украинских детей в странах, где работает Всемирный детский фонд. Деньги влились в большую программу помощи, в которой работают и собственные средства ЮНИСЕФ. Благодаря ей 4,5 млн детей и женщин получили доступ к первичной медико-санитарной помощи в странах, принимающих беженцев, и внутри Украины.

В десятках городов Европы появились «голубые точки» — мобильные пункты ЮНИСЕФ, универсальные безопасные места, обеспечивающие жизненно важную поддержку для семей, женщин и детей. Именно здесь первую социальную помощь получают дети, вынужденные искать убежища самостоятельно — без родителей.

Мануэль Фонтейн, директор ЮНИСЕФ по чрезвычайным программам, говорит, что зимой можно ожидать нового исхода беженцев — из-за разрушения инфраструктуры. Но также отмечает, что за 10 месяцев помощь украинцам в Европе стала более системной, а солидарность — более сильной:

— В большинстве случаев дети-беженцы инкорпорируются в существующую систему социальной защиты, будь то в Венгрии, Польше или Чехии, Румынии или Молдове. И большую тревогу вызывают не столько уехавшие, сколько судьба детей, остающихся в Украине. Риск остаться без крова, без воды, под обстрелом, недоступность медпомощи и образования...

Именно поэтому часть средств пошла на экстренную помощь детям внутри Украины. **Тем, у кого совсем ничего не осталось, ЮНИСЕФ помогает деньгами, это около 150 тысяч семей.** Помощь безусловна, кто-то тратит ее на теплые вещи, кто-то на аренду квартиры.

Почти на 2 млн долларов удалось купить и распределить по 17 регионам Украины акушерские наборы, подгузники, спасательные портативные грелки для младенцев, которые были переданы неонатальным центрам в Днепре, Сумах, Покровске и других городах. Без такой грелки новорожденный может погибнуть в случае экстренного отключения электричества — а именно эти отключения становятся одним из результатов разрушения инфраструктуры.

Мобильные бригады врачей, медсестер и психологов смогли добраться к 48 000 детей, проживающих в убежищах или на труднодоступных территориях.

Боевые действия — это хаос, в котором нарушаются обыденные планы, например, вакцинация. А это грозит вспышками инфекций (кстати, уже отмеченными в некоторых районах страны). **Чтобы этому противостоять, закуплено и доставлено 110 000 доз вакцины против полиомиелита, 150 000 доз вакцины против гепатита В и миллион экспресс-тестов на антиген для выявления COVID-19.**

В родильное отделение мариупольской больницы ЮНИСЕФ поставлял питьевую воду. **Всего же доступ к безопасной питьевой воде получили 4 млн человек внутри Украины и на путях миграции из нее.**

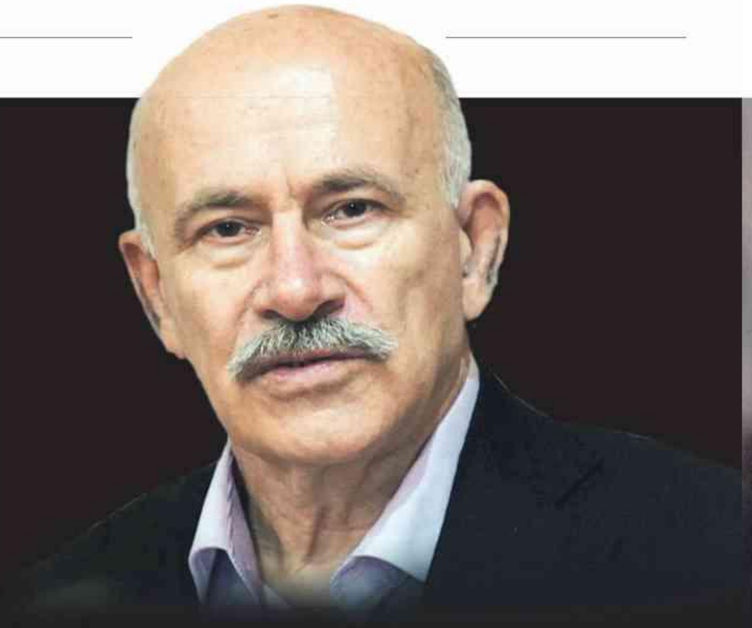
Почти миллион детей, женщин, пожилых людей и людей с ограниченными возможностями были обеспечены гигиеническими принадлежностями, в том числе таковые были доставлены в Волноваху, Мариуполь, Донецк и Макеевку.

— Два-три раза в неделю мы отправляем миссии в прифронтовые районы, — говорит Мануэль. — Это очень высокая степень риска, но это самые важные для нас маршруты, так как именно там нужно больше всего помощи. Вода, медикаменты, предметы гигиены. К сожалению, большинство наших попыток получить возможность систематически работать на территории, контролируемой российской стороной, пока безуспешны. Дети по обе стороны линии соприкосновения одинаково страдают, и мы должны помогать им в равной степени. Но, к сожалению, ни Донецкая, ни Луганская области для нас пока не становятся более доступны.

30% вырученной на июньском аукционе суммы ЮНИСЕФ направил на помощь детям в беднейших странах мира. В первую очередь, это Йемен, Южный Сахель, страны Африканского Рога. Что там? Холера, отсутствие питьевой воды и голод. Здесь тоже беженцы, 60% из которых — дети.

Мы привыкли измерять мир границами, которые в состоянии охватить наш взгляд. Прямо сейчас на планете происходит около 30 военных конфликтов, но мы ничего о большей их части не знаем и не очень-то хотим знать. Между тем общее у них одно: первыми и больше всего страдают невинные и беззащитные. И если мы найдем в себе силы быть милосердными и помогать даже тогда, когда сами нуждаемся в помощи, свет точно пробьется.

Татьяна БРИЦКАЯ

Павел ПАЛАЖЧЕНКО:

«У НАС БЫЛ И ЕСТЬ КОМПЛЕКС ОБИДЫ»

Спецоперация разрушила международные отношения — в том виде, в каком они строились десятилетиями. Почему это в принципе стало возможным и есть ли шанс на восстановление отношений между Россией и Западом — об этом разговор с переводчиком первых лиц СССР, дипломатом и политическим аналитиком, сотрудником Горбачев-фонда Павлом ПАЛАЖЧЕНКО

Третий при переговорах наедине. Рейган и Горбачев, два антипода, сумели устранить ядерную угрозу человечеству

AP / East News

— С начала о главном: нет ли у вас ощущения, что все ваши усилия, все достижения, как и усилия всех команд, в которых вы работали, в том числе и прежде всего команды Горбачева, в результате событий 24 февраля 2022 года пошли прахом?

— Да, безусловно, есть такое ощущение. Разрушено многое, а то, что не разрушено, продолжает разрушаться. И для меня это ощущение поражения. И ладно бы это было мое поражение, но речь идет о поражении целого большого исторического движения — продвижения к созданию нормальных международных отношений. Международных отношений, в которых нет безудержной гонки вооружений, в которых исключено решение проблем и конфликтных ситуаций путем принуждения, применения военной силы. Подобные отношения возможны, так живет подавляющее большинство государств мира.

И весь вопрос в том, можно ли создать такие отношения между великими державами. Конечно, у великих держав свои особенности, свои аппетиты. Но нам в годы Горбачева казалось, что можно. И в этом отношении приведенная в моей книге запись беседы в автомобиле между Михаилом Горбачевым и тогда вице-президентом США Джорджем Бушем очень показательна. Интересно, что она существует в полной записи только у нас. И я считаю, мне просто исторически повезло, что я это переводил. Они говорили о перспективах строительства тремя великими державами (а между прочим, тогдашний Китай и Горбачев, и Буш рассматривали как великую державу) по-настоящему прочных отношений — отнюдь не в киссинджеровском треугольнике, который постоянно меняет свою конфигурацию, где все исходят из сиюминутных интересов.

«10 декабря 1997 года.

Горбачев. *...Китай будет, конечно, отстаивать свои интересы, мы — свои. Но можно найти баланс... При этом мы не собираемся как-то наносить ущерб американо-китайским отношениям.*

Буш. *Я с вами согласен. Я не вижу в развитии советско-китайских отношений какой-либо угрозы для США...*

Горбачев. *...Выходя в АТР, Советский Союз никак не собирается ущемлять чьи-либо интересы, в том числе подрывать давние интересы США. Никаких скрытых намерений, ничего, кроме желания взаимодействовать и налаживать сотрудничество со странами региона, у нас не было и нет.*

Буш. *Это отвечает и моим представлениям».*

Сейчас, конечно, видно, что и перспектива таких отношений между великими державами, и перспектива нормальной Европы отдаляется за пределы той жизни, которая мне отведена.

— В центре переговоров со Штатами при всем разнообразии сюжетов, долгосрочных или конъюнктурных, неизменно были ядерные проблемы, вы за эти годы стали специалистом по этой тематике. Что происходит сейчас, какова угроза мира, даже не исходя из ядерного шантажа пропагандистов, а с точки зрения реального ядерного баланса, вопросов нераспространения, договоров и отказа от переговоров, включая последний — по поводу Договора о стратегических наступательных вооружениях?

Михаил Горбачев и президент США Джордж Буш во время саммита G7 в Лондоне в 1991 году

AP / East News

— Я сторонник идеи безъядерного мира не только потому, что это очень страшное оружие, но и потому что, на мой взгляд, представить себе ситуацию, когда можно было бы эффективно применить ядерное оружие, очень трудно. Это оружие назовем английским словом unusable. В реальных ситуациях, если взять весь комплекс военных, политических, да даже и этических аспектов, а их тоже надо учитывать, ядерное оружие, на мой взгляд, применить невозможно.

За последние 35 лет номенклатура ядерного оружия снизилась очень существенно. Если мы посмотрим, сколько у американцев в 1985 году было различных ядерных боеприпасов, боезарядов в Европе, то это чуть ли не 11 разных типов, включая ядерные мины, ядерную артиллерию, включая средства ПВО ядерные и т.д. Вот все это они демонтировали, вывели из Европы, признав, что то оружие, которое они имели, было совершенно избыточным. Даже несмотря на выход США сначала, а затем России из Договора по ракетам средней дальности, большой гонки вооружений в этой категории оружия не произошло.

О чем это говорит? Даже в нынешней ситуации, даже при том, что делаются неверные шаги, которые и привели к гибели Договора РСМД, очень важного договора, в который и я вложил очень много сил и времени, какие-то уроки военно-политические лидеры стран все-таки извлекают. Может быть, они их извлекают подсознательно, я не знаю, но вот не началось большой гонки вооружений.

И если говорить о той точке, где есть некоторые шансы на возвращение к переговорам, несмотря на нынешний тупик, то это именно сфера ядерных вооружений. Переговоры будут очень тяжелыми, но и переговоры 1980-х были тяжелые. Сейчас уровни опять высокие — 1550 стратегических только боезарядов и только развернутых, это очень много. Но тем не менее их значительно меньше, чем было. А главное, это показывает, что реальное сокращение ядерных вооружений возможно. Такую ситуацию вообще трудно было себе представить в те времена, когда переговоры только начинались и с обеих сторон количество боезарядов составляло в сумме 50–60 тысяч.

Насколько я знаю, сейчас тому, как безопасно содержать и сокращать ядерное вооружения (это же сложнейшая вещь), посвящены очень большие усилия ученых американских национальных лабораторий, наших аналогичных учреждений.

Кодекс переводчика

— Работа переводчика, при том что вы де-факто были участником событий и советником, — в ней что-то есть от обслуги. Кем вы себя чувствовали — обслуживающим персоналом или человеком, делающим историю? Вы были рядом с первыми лицами мира в ходе важнейших разговоров — как вам удавалось держать информацию при себе, был ли над вами контроль и надзор?

— Перевод — своего рода предоставление лингвистических услуг. Меня никогда не смущали высказывания некоторых людей — и высокопоставленных, и низкопоставленных — по поводу того, что переводчик — это обслуга. Переводчик играет важную роль, потому что обсуждаются такие вопросы, где ошибки крайне нежелательны. Хотя не так часто бывает переводчик в ситуации, когда, если у него будет сильный косяк, никто этого не поправит. Ну, во-первых, есть переводчик другой стороны. Во-вторых, если это переговоры в составе делегаций, то есть люди в обеих делегациях, помимо переводчиков, которые хорошо знают и языки, и фактическую сторону и тоже заметят ошибку. В целом — да, переводчик помогает. Он не должен в большинстве случаев слишком много на себя брать и слишком высоко о себе думать.

Представить себе ситуацию, когда переводчик какую-то информацию, которую он знает, бежит и передает, условно говоря, в «албанское посольство», я просто не могу. Утечек со стороны переводчиков и наших, и американских не было. Есть какое-то негласное понимание в Америке, где журналисты гоняются за утечками, что к переводчикам не надо обращаться.

Словом, в нашей профессии есть некий кодекс.

— Вы называли среди своих учителей или образцов для подражания, в частности, Виктора Суходрева. Чему вы у него научились и кто еще оказал на вас серьезное влияние?

— Серьезное влияние оказали мои институтские учителя. А Виктор Михайлович оказал очень серьезное влияние на целое поколение мидовских переводчиков. Потому что он, работая с разными руководителями — Хрущевым, Брежневым, Громыко, — был всегда образцом точности в переводе, основанной на очень серьезном освоении материала. И конечно, он был всегда образцом совершенно безупречного поведения и дипломатичности. Это человек, у которого не было неточностей не только в переводе, но и в поведении.

И конечно, когда я к нему первый раз обратился, а это было еще в начале 1980-х годов, я тогда работал на первых переговорах с американцами о ракетах средней дальности, ну немножко надо было набраться смелости. Он патриарх был уже тогда... Я ему позвонил по внутреннему телефону в МИДе и сказал, что вот на переговорах уже я на двух раундах был, набралась всякая терминология, я хотел бы зайти, показать свой глоссарий терминов этих переговоров, который я сделал, — англо-русский и русско-английский. Ну и вот он сидит в своем кабинете на 11-м этаже МИДа, у него был такой джемпер с красивым скандинавским узором... Стал смотреть всякие мои материалы, одобрил их.

Продолжение материала ***Андрея КОЛЕСНИКОВА*** — СТРАНИЦЫ 42–43 ⇨

Юрий ЛИЗУНОВ, Александр ЧУМИЧЕВ / ТАСС

«У НАС БЫЛ И ЕСТЬ КОМПЛЕКС ОБИДЫ»

⇦ СТРАНИЦЫ 40-41

какими-то переговорами, и он говорит: пусть русские думают, что они победили, учитывая их комплекс неполноценности. Не кажется ли вам, что Рейган смотрел в корень: комплекс неполноценности советского, а затем российского истеблишмента — именно то, что умел преодолевать в себе Горбачев, стало потом причиной усиления изоляции России в отношениях с внешним миром в течение последних 20 лет, которая очень быстро перешла к конфронтации — как минимум с мюнхенской речи 2007 года?

— Не совсем так. Рейган говорил: «Не надо говорить, что мы победили, потому что этим мы только усилим их комплекс неполноценности, нам это не нужно».

А еще посол в СССР Джек Мэтлок мне рассказывал, что когда к Рейгану перед переговорами или в процессе подготовки к переговорам приходили некоторые сотрудники администрации и говорили ему, что вот русские не принимают полностью нашу позицию и нам надо жать-жать-жать, Рейган им отвечал: «Знаете, когда я вел переговоры от имени профсоюза актеров кино, мы считали огромным достижением, если 70 процентов нашей позиции получало согласие и отражение в окончательной договоренности». Вот у него здравый смысл был.

Я бы сказал, что у нас был и есть не комплекс неполноценности, а комплекс обиды, не всегда обоснованный: вот мы ведем миролюбивую внешнюю политику, предлагаем, скажем, мораторий на ядерные испытания, а американцы не идут навстречу. Но мне кажется, что как раз комплекс неполноценности сильно преувеличивать не надо. И не надо преувеличивать тот поворот, который, как многие считают, начался с мюнхенской речи. Элементы обиды и недовольства американской позицией, они были и при Горбачеве, и при Ельцине, и приводили, на мой взгляд, к неоптимальным решениям.

А в 1990-е это взаимное непонимание концентрировалось вокруг проблемы расширения НАТО. Тогда сформировалась обида российской стороны на то, что американцы заняли вот такую позицию: НАТО — открытая организация, нельзя запретить странам входить в альянс. И каких-то творческих решений придумать не удалось тогда.

Предлагалось Джорджем Кеннаном и тем же Мэтлоком сделать такую зонтичную организацию, что-то вроде появившегося потом соглашения «Партнерство ради мира».

— Вот это «Партнерство» — оно и было такой идеей...

— Да, но это не была организация. Ну и, конечно, идея, с которой Михаил Сергеевич, даже употреблю такое слово, «носился», начиная еще со своих президентских лет и впоследствии, — это создание чего-то типа Совета безопасности для Европы с превентивными функциями, функциями установления фактов, посредничества. То есть это могла быть совершенно новая организация, которая возникла бы, например, в результате реформирования ОБСЕ.

— Эта идея появилась еще тогда, когда Горбачев был президентом?

— Это идея, которую во времена Горбачева высказывали министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер, в какой-то форме — советник президента США по национальной безопасности Брент Скоукрофт, ну и сам Михаил Сергеевич. Это идея, с которой он буквально прожил два десятилетия после своей отставки. Это, по сути, идея превентивной дипломатии, она нашла отражение в проекте договора, который российский МИД предложил в конце 2009 года в развитие инициативы Медведева, заявленной буквально в первой его президентской речи о пан-европейской системе безопасности. Но вот что интересно, и это меня поразило тогда, само предложение было сделано чуть ли не через полтора года после того, как Медведев высказал эту идею. То есть крайне вяло шел процесс. Западу стоило бы поддержать эту идею.

— В своих мемуарах вы обмолвились, что поколение лидеров, с которым вы работали, было менее циничным, чем новые поколения. Не в этом ли ключевая причина того кризиса, в котором оказалась прежде всего Россия и, в сущности, весь мир?

— Вы правильно сказали, что я обмолвился. Я вообще считаю, что не дело для переводчика давать оценки политикам. Я бы так сказал: трудно дать высокую оценку результатам деятельности поколения политиков, которые пришли за поколением Горбачева, Рейгана, Буша, Тэтчер, Миттерана, Коля.

Практически все политики поколения Горбачева были в той или иной степени опалены пожаром Второй мировой войны. Хотя нельзя считать, что это обстоятельство имело какое-то однозначное выражение в реальной политике. Вот я помню, например, и мне рассказывал потом советник Тэтчер Чарльз Пауэлл, что у нее личные отношения с Гельмутом Колем так и не сложились, несмотря на все усилия того же Пауэлла, потому что для нее бомбардировки Англии во время Второй мировой войны остались чем-то живым в ее душе, в ее сознании. И поэтому ее первоначальная реакция и на процесс объединения Германии, и вообще на события в Восточной Европе была чрезвычайно осторожной и скептической. Для Тэтчер огромное значение имела стабильность, и она (а на первом этапе и Буш) опасалась, что объединение может привести к очень большой турбулентности в Европе и непредсказуемым последствиям.

Сегодня кое-кто ругает Горбачева: надо было объединиться с Тэтчер, с Миттераном и сказать «нет» объединению Германии. Я думаю, что это очень-очень опасное дело, и я цитирую в книге записку Горбачеву Валентина Фалина, предлагавшего тормозить процесс объединения. Фалин — умнейший человек, среди германистов культовая фигура, но если бы пошли по этому пути, то я не знаю, что бы произошло, это было бы очень плохо для нашей страны.

Из докладной записки В.М. Фалина М.С. Горбачеву. 18 апреля 1990 года:

«...нужно задействовать все калибры, чтобы показать европейцам, в особенности немцам, что их надежды могут быть преданы в очередной раз. Вместо стабильной Европы с гарантированным мирным будущим и взаимовыгодным сотрудничеством в самых различных сферах апологеты холодной войны навязывают перегруппировку сил, чтобы продлить век политики конфронтации... западная сторона должна постоянно ощущать, где и каковы пределы, которых СССР будет держаться непременно, в том числе в случае попыток оказать на него массированное давление... Если бы СССР, к примеру, предупредил, что включение ГДР в состав ФРГ... будет квалифицироваться как агрессия страны — члена НАТО против страны члена — ОВД (Организации Варшавского договора) и нарушение основополагающих прав Советского Союза, то в Бонне, и не только там, задумались бы над тем, стоит ли перегибать палку... Может быть, с учетом паралича госорганов ГДР и забвением преемниками прежней власти того мандата, на основе которого 40 лет назад и создавалась Республика, восстановить (понятно — «временно») советскую военную администрацию в Восточном Берлине примерно на условиях, на которых существуют таковые в западных секторах».

У Франсуа Миттерана, конечно, тоже были чувства очень сложные по поводу объединения Германии. Он еще и опасался, что объединенная Германия перехватит у Франции роль ведущей страны в Европейском союзе. Но затем Франция вместе с Гельмутом Колем предложила более быстрый переход Европейского сообщества в Европейский союз, уже и политический союз со своими руководящими органами, своей дипломатией.

Ощущение угрозы, преувеличение угрозы — это довольно тонкая психологическая материя.

В Москве в горбачевское и раннее российское время был послом Великобритании Родрик Брейтвейт. В 2018 году он опубликовал замечательную книгу «Армагеддон и паранойя. Ядерная конфронтация». Она посвящена механизму преувеличения угрозы, сначала с американской стороны, потом с нашей, как главному двигателю гонки вооружений. Но я все равно убежден, что если брать все раунды гонки вооружений, то наша страна несет, конечно, ответственность за ракеты СС-20 в Европе, этого нельзя было делать, особенно в таком количестве. Но все остальные раунды гонки вооружений инициировались американцами. А позже, в 1980-е годы, были случаи, когда мы что-то делали, а американцы решали, что нет, нам это не нужно, отказывались от аналогичных программ. Например, мобильные ракеты железнодорожного базирования — США не стали их делать. Россия тоже от них отказалась, уже при Путине.

Еще раз подчеркну: какие-то уроки из гонки вооружений, которая была действительно безумной, все-таки извлекаются — и на этом основывается моя надежда на смягчение конфронтации.

— И тем не менее: что нужно, чтобы тот же Путин вернулся за стол переговоров? Чтобы прекратились вот эти порочные круги мегафонной дипломатии, чтобы вообще дипломатия появилась, потому что ее нет — как будто утрачено искусство компромиссов и установления мира. Или нынешняя конфронтация — абсолютно уникальный кейс, когда не работает предыдущий исторический опыт и невозможно ни предсказать, ни понять, что нужно для того, чтобы начали конструктивные переговоры? Понятно, что нет доброй воли, но что, собственно, еще?

— Я только могу высказать предположение и даже уверенность. Думаю, если говорить о проблемах ядерных вооружений, то возвращение за стол переговоров произойдет. А что касается других сюжетов, то без восстановления хотя бы минимального уровня доверия ничего добиться невозможно.

Беседовал
Андрей КОЛЕСНИКОВ

Павел ПАЛАЖЧЕНКО — советский и российский переводчик и дипломат, работал на различных переговорах на высшем уровне с английским, французским, испанским языками. Окончил Московский государственный институт иностранных языков, работал в ООН, МИД СССР, аппарате президента СССР, с 1992 года — в Горбачев-фонде. Автор нескольких книг, в том числе: «Профессия и время. Записки переводчика-дипломата». М.: Новая газета, 2020.

AP

4 октября 1985 года. Париж. Михаил Горбачев и президент Франции Франсуа Миттеран во время совместной пресс-конференции в Елисейском дворце

Комплексы психологические и комплексы ракетные

— У вас в книге есть момент, где вы упоминаете надиктовку Рейгана перед

Отношения сложились очень хорошие, они и потом продолжались, после того как он вернулся из Нью-Йорка, где работал помощником Генсека ООН. Я навещал его на даче на Николиной Горе.

Виктор Михайлович интересный был человек. Вот что характерно: у него всегда был включен телевизор, он не мог без политических новостей.

— Кто для вас как для переводчика был наиболее комфортным клиентом?

— По-разному. Надо учитывать, что в международных организациях мы работаем на родной язык — переводим с английского и других языков на русский. Я сдал впоследствии экзамены в ООН по переводу с русского и с французского на английский язык. Но это исключение. А в основном работаешь там на родной язык: с английского, французского, испанского на русский.

На дипломатических переговорах работаешь на иностранный язык, и какие-то несовершенства, которые вполне возможны, когда переводчик работает на иностранный язык, компенсируются тем, что ты, конечно, подготовлен лучше: знаешь позицию своей страны, читал справки. В нашем МИДе этому всегда уделялось очень большое внимание.

На высоких уровнях я работал несколько раз всего с Андреем Громыко, долго работал с Эдуардом Шеварднадзе, Михаилом Горбачевым. Если Шеварднадзе и Горбачева брать, они очень разные люди. Мне, может быть, было несколько легче работать с Шеварднадзе, потому что я с ним просто больше прошел, чем с Горбачевым. Одно время он летал три-четыре раза в год в Соединенные Штаты, в Женеву, я очень хорошо его узнал и почувствовал. Хотя надо сказать, что и первая попытка его отставки, и уже отставка окончательная были для меня шоком.

Горбачев очень активно вел переговоры, когда прилетали Шульц или Бейкер, он каждый раз их принимал. Плюс саммиты, плюс его встречи с некоторыми другими людьми, где переводил я, — с Радживом Ганди, с королем Хусейном, с Маргарет Тэтчер... Так что и его я тоже очень хорошо узнал и почувствовал.

Вот говорят, что с ним было работать нелегко, потому что он говорил длинно, сбивался, не заканчивал предложения. Я, честно говоря, не помню, чтобы это бывало так уж часто именно на переговорах. А когда он действительно уходил по касательной в какое-то придаточное предложение или в какие-то скобки, то всегда к главной мысли возвращался. Большую часть переговоров я переводил в режиме последовательного перевода. Синхрон тоже был и в составе делегаций, когда это не тет-а-тет, а в составе делегации...

— ...последовательный — это когда человек произносит какой-то кусочек, и вы переводите?

— Да, кусочками. А кусочки... В МИДе есть жесточайшее правило: ты не можешь прерывать говорящего, потому что это министр или глава государства. В реальности иногда кто-то из наших или даже из противоположной делегации прерывает или «дает понять», что надо остановиться и дать возможность перевести сказанное. Это помощь переводчику.

— Вы стенографировали?

— Не стенографировал, делал пометки. Основой является память, а пометки позволяют идти от тезиса к тезису, потому что невозможно стенографически записать. Синхронный перевод в этом отношении легче.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ДОЛГИ ВОЗВРАЩАЮТ ГРОБАМИ
А.К.М.

МАНИЯ ВЕЛИЧИЯ У ГОСУДАРСТВА ПРОЯВЛЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ОНО СЧИТАЕТ СЕБЯ РОДИНОЙ А.К.М.

ЭТОТ МАТЕРИАЛ ВЫШЕЛ В 2015 ГОДУ. КОЛЛЕКЦИЯ «НОВОЙ»

В марте 1941 года в Германии из так называемых «народных приемников» — единственно дозволенных немцам радиоустройств, которые сам народ прозвал «глоткой Геббельса», — зазвучал голос настоящей, а не мифической Германии. На средних и длинных волнах в эфире Би-би-си с немцами заговорил Томас Манн

Радиовыступление 74-летней давности, строго говоря, не было первым: начиная с октября 1940 года Манн ежемесячно телеграфировал по просьбе Би-би-си свои краткие комментарии хода войны, предназначенные для немецкой аудитории. Из Принстона, где он читал лекции в университете и дописывал тетралогию «Иосиф и его братья», — в Лондон, где текст зачитывали в эфир по-немецки.

В марте 1941 года Манн впервые лично обратился к соотечественникам: выступления с тех пор записывали в лос-анджелесской студии Национальной вещательной компании, Эн-би-си, самолетом переправляли запись в Нью-Йорк и по телефону — в Лондон, где ее проигрывали перед микрофоном. Все ради того, чтобы люди с риском для жизни услышали голос друга: «Немецкие слушатели! Дойче хёрер!»

Манна слушали в Германии, Австрии, Швейцарии, Швеции, Чехословакии. После рождественского обращения 1940 года, в котором Манн призвал немцев: «Спасите ваши души отказом верить и подчиняться вашим тиранам», в полемику с великим мастером иронии пустился «сам фюрер». Последний сказал, что такие «подстрекатели», как Томас Манн, просчитались: немцы не пойдут против него и его системы, а те, что пошли бы, заперты ключами и засовами.

«Звать людей к восстанию — еще не значит верить в глубине души в их способность восстать, — писал Манн в сентябре 1942 года. — Во что я верю непоколебимо — в то, что Гитлер не сможет выиграть эту войну, и эта вера основана больше на метафизических и моральных, нежели на военных причинах».

В ноябре 1941 года, в пору боев под Москвой, он сказал соотечественникам: «Распад начался». А когда Геббельс убеждал немцев, что «в случае поражения нас всех повесят на одной веревке», Томас Манн напомнил, что, в отличие от режима подлецов, «народ всегда способен начать сначала».

Вместе со многими другими Томас Манн спас немецкую честь и достоинство в пору их почти полного посрамления. 55 ежемесячных обращений было передано в эфир за годы войны; в последнем выступлении 10 мая 1945 года он сказал: «Как горько, когда ликование мира достается ценой поражения и глубочайшего унижения собственной страны!»

Слушайте все.

livelib.ru

ТОМАС МАННА:

«БУДЕТ ЛИ ВЫНОСИМА ДЛЯ ВАС ПОБЕДА?»

Радиообращение Томаса Манна, март 1941 года:

«Немецкие слушатели!

До сего дня другие голоса сообщали вам все, что я имел вам сказать из своего далека. Теперь вы слышите мой голос.

Это голос друга, немецкий голос: голос Германии, который показывает и еще покажет миру ее другое лицо — не ту ужасную маску Медузы, в которую гитлеризм втиснул ее. Это голос *предупреждения*, потому что предупредить вас — единственная услуга, которую немец, подобный мне, способен оказать вам сейчас; я отношусь к ней серьезно и искренне, как к долгу, хотя и знаю, что невозможно предупреждение, которое бы не было вам уже давно известно, не жило бы уже давно в вашем сознании и совести, не поддающихся — в основах своих — обману. Предупредить вас — значит лишь укрепить вас в ваших собственных мрачных предчувствиях, уверить вас в том, что эти зловещие предчувствия *истинны*, что они оправданны; но такое заверение должно быть дано вам, потому что только ваше пробуждение к осознанию того факта, что вы идете по чудовищно неправым путям, — основа надежды на то, что вы все-таки сможете сойти с них.

Скверные люди, которые руководят вами, — «скверные» в самом окончательном и глубоком смысле этого слова — хорошо знают, что, несмотря на все ваши победы, на душе у вас неспокойно, и вы страшитесь невозможной и невыполнимой участи надсмотрщиков над рабами, которую они вам отвели. Они знают, что вы жаждете свободы, пристойных отношений с другими народами на земле и конца ужасающе безграничной авантюры гитлеровской войны. И потому они пытаются всеми силами поднять ваш дух теми успехами, которые их преступления приносят им; сейчас, например, это порабощение Болгарии. «Могущество идеи и оружия — приходится бахвалиться вашей прессе — скоро сметет последнее сопротивление Новому Порядку». Прежде всего могущество оружия — потому что какова же идея? Идея — насилие и подлость, и последнее сопротивление им — и невыносимой деградации человечности, неизбежной в случае их всеобщей победы — далеко не сломлено. Сопротивление живо и право; оно могущественно, цепко и несгибаемо. Имя ему — Англия, а Англия — это целый мир. Америка — еще один мир, огромные ресурсы которого будут предоставляться в распоряжение Англии во все возрастающей мере в ходе борьбы за свободу — просто потому что и эта страна видит совершенно ясно, что борьба, которую возглавляет Англия — это и ее борьба. Слышали ли вы, что так называемый билль о ленд-лизе, закон, позволяющий оказывать всестороннюю помощь Англии, одобрен в сенате США подавляющим большинством голосов? Не сомневайтесь в этом, как не сомневаются ваши тираны, отлично знающие, что их дни сочтены, а их единственная надежда — подчинить Англию до того, как англосаксонский мир полностью разовьет свои оборонительные и наступательные мощности! Даже сейчас вы воюете не просто с Британской империей, но на самом деле и с Америкой, и не приходится говорить вам, что день ото дня ваша ситуация становится все более угнетающей и невыносимой; вы и сами это чувствуете. Что будет с вами? Если вы проиграете, мстительность всего мира обрушится на вас за все, что вы причинили людям и народам. Если вы победите, если Англия падет и даже если вы выиграете войну континентов и завоюете Запад и Восток — неужели хоть один из вас верит, что это будет прочная победа, такая, которая создаст порядок и будет выносимой для вас и других — победа, после которой можно жить? Может ли народ быть судебным приставом среди других народов, с полицейскими армиями по всему порабощенному земному шару, пока все народы заняты рабским трудом на расу господ? Нравственно возможно ли это для какого бы то ни было народа и особенно для вас, немцы? Об истории и человечестве можно думать сколь угодно низменно и скептически, но поверить в то, что весь мир признает окончательную победу зла и потерпит свое превращение в камеру гестапо, во всеобщий концентрационный лагерь, где вы, немцы, будете охранниками, — этого не сможет и величайший скептик.

Ваши лидеры осуждают сопротивление Англии и ту помощь, которую она получает от Америки, как «затягивание войны». Они требуют «мира». Те, с кого каплет кровь их собственного и других народов, смеют произносить это слово. Под «миром» они понимают порабощение, легализацию их преступлений и признание человечески непереносимого. Но это невозможно. С Гитлером не будет мира, потому что он глубинно неспособен к миру и само это слово в его устах — не более чем грязная патологическая ложь, как и всякое слово, когда-либо произнесенное им. До тех пор, пока Гитлер и его режим поджигателей остается у власти, вы, немцы, не будете иметь мира никогда, ни при каких обстоятельствах. Всегда, как и сейчас, вам надо будет идти вперед и вперед среди презренных дел насилия, совершаемых пусть лишь ради предотвращения мести, для того, чтобы колоссальная и все возрастающая ненависть народов не поглотила вас.

Предупредить вас, немцы, означает укрепить вас в ваших собственных мрачных предчувствиях. Сделать большего я не могу».

В 2015 году исполняется 140 лет со дня рождения Томаса Манна.

Подготовила
Елена БЕРДНИКОВА

10 декабря в Осло Ян Рачинский от имени «Мемориала» (ликвидирован Минюстом РФ после признания иностранным агентом) получил вместе с украинскими и белорусскими правозащитниками Нобелевскую медаль премии мира за 2022 год. По праву вместе с ним на сцене могли стоять основатели «Мемориала»: Сергей Ковалев, Арсений Рогинский и Андрей Сахаров. Никого из них нет сейчас с нами, но их голоса и мысли сохранил наши обозреватель Юрий Рост.

Татьяна КУДРЯВЦЕВА

Кроме хозяина, в разговоре участвовали правозащитники Сергей Ковалев и Арсений Рогинский. Они ели макароны по-флотски (ну что было) и разговаривали о судьбе страны, на которую в те годы особенно остро влияла чеченская война. В 1994 году Сергей Ковалев был Первым Уполномоченным по правам человека в России, его признавали во многих странах человеком года, он появлялся на страницах газет всего мира, выражая наши с вами (ну у кого они есть) интересы, его мечтали изгнать из Государственной думы, и власть пыталась с ним не считаться. Но для нас с вами это не имеет значения. Власть — временна, достоинство — вечно. Арсений Рогинский — многолетний сиделец за наши человеческие права и один из основателей «Мемориала», уже после его смерти признанного иноагентом и ликвидированного российскими властями. Что не помешало этой уникальной правозащитной организации получить Нобелевскую премию мира 2022 года вместе с белорусским адвокатом Алесем Беляцким и украинским «Центром гражданских свобод». В издательстве «Бослен» в 2023 году выйдет книга Юрия Роста «Третьим будешь» — разговоры в Конюшне», где будет напечатан этот и еще 22 разговора с пристойными людьми. Темы разговоров, к сожалению, не устарели.

КАК ДЕМОКРАТЫ ПОБЕДИЛИ ДЕМОКРАТИЮ

Разговор в Конюшне Юрия Роста, который состоялся более 25 лет назад и не устарел до сих пор

СТРАНИЦЫ 46–47 ⇨

Валерий ХРИСТОФОРОВ / Фотохроника ТАСС

КАК ДЕМОКРАТЫ ПОБЕДИЛИ ДЕМОКРАТИЮ

⇦ СТРАНИЦА 45

Юрий Рост: Любая война должна оставить после себя неимоверно возросшую массу ненависти. Согласны?

Сергей Ковалев: Я спросил однажды Приставкина[1]: «Что, с вашей точки зрения, главный итог афганской и чеченской войн?» А он ответил: «Я могу говорить как писатель, а могу говорить как председатель Комиссии по помилованию. Вам что более интересно?» Я подумал и сказал: «Как председатель Комиссии по помилованию». Он говорит: «Как председатель Комиссии по помилованию отвечаю вам следующее: сейчас у меня каждый четвертый, которого я рассматриваю, «афганец». А скоро у меня каждый третий будет — человек с этой войны». И дальше он сказал: «Отравлены так, что будут стрелять и убивать. А потом все будут приходить в эту комиссию: приговорен таким-то к такой-то мере, просим вас...»

Я был на чеченской войне и скажу, что чеченцев это мало изменит.

Ю.Р.: В каком смысле?

С.К.: Психологически. Ну да, они давно уже сжались. Они помнят депортацию 44-го года, это народ, обладающий, в отличие от нас, русских, исторической памятью.

Ю.Р.: Расскажите, за что вы сели.

Арсений Рогинский: Сережа Ковалев — за «Хронику текущих событий»[2], известный бюллетень самиздата. То есть в чистом виде за информацию о нарушениях прав человека.

Давай расскажу свою историю про 85-й год. Это чудная была история. Я ее помню как наяву. Значит, огромный барак, я закосил и не пошел на работу, ну устал, не могу, на бетоне несколько дней. Это было под Вяткой, в последнем из моих пяти лагерей.

Ю.Р.: Ну Вы оба от звонка до звонка отсидели?

А.Р.: Да, конечно. Только что у меня четыре, а у него плюс три[3]. Что существенная разница.

Ю.Р.: Ты, Сережа, в Вятке тоже был?

С.К.: Нет. Я сидел в Перми, потом тюремный срок досиживал недалеко от Казани. А потом уж был на Колыме в ссылке.

А.Р.: А меня возили все время, потому что считалось, что я оказываю дурное воздействие.

С.К.: Как это пишут в их документах — «оказывал отрицательное влияние на отрицательную часть осужденных».

А.Р.: Они говорят про осужденных, а я все время оказывал на себя самого отрицательное влияние, и меня все время возили по лагерям. Пять лагерей за четыре года — это довольно много, в разных концах страны. И кончал я свой последний срок в Кирово-Чепецке. Это такой городок в скольких-то километрах от Вятки, значит, от Кирова.

Там была такая история. Таскал, таскал я этот бетон паршивый, надоело мне таскать. Не помню, может, правда заболел, а может, закосил, не буду врать. Короче говоря, все на работе, а я один лежу в бараке на 140 человек. И вдруг входит пьяный опер, подкумок. Он не кум был, а заместитель начальника оперчасти — подкумок, человек по кличке Миша Фонарик.

Он был всегда пьяный, ходил в шароварах почему-то и в тренировочном костюме. Он спрашивает: «Рогинский, что лежишь?» — «Болен, — говорю, — гражданин начальник».— «Справка есть?» — «Всё есть». Он говорит: «Рогинский, помоги».— «А что помогать-то, гражданин начальник?»

Вижу, что пьяный, ясно, что никакой провокации быть не может. Он говорит: «Пойдем со мной в ленинскую комнату». В каждом бараке места не хватает для людей, там люди как свиньи живут последние. Но ленинская комната, где политзанятия проводятся, — это святое. Ладно, иду в ленинскую комнату за ним следом, он в своих штанах, говорит: «Слушай, понимаешь, мне сейчас на стул не влезть».

Я понимаю: пьяный, ну не влезть. Он мне: «Сними, пожалуйста». — «Что снять?» — «Вот это...» Я говорю: «Что это, не понимаю».— «Ну вот это сними, Рогинский, я тебя прошу. Ну человек же ты, сними». А это висел «Моральный кодекс строителя коммунизма». Я говорю: «Как снять?» — «Сними!» — «Зачем?» — «Я тебе говорю, сними».

Я растерялся: «Так все же гладко там, ну рамка, все чистенько, покрасили недавно».— «Сними». Я поднимаюсь на стул, снимаю и говорю: «Все ж таки, Миш, ты мне скажи, почему?» — «Устарело!»

Взял и пьяно ушел из барака. И тут я понял, что что-то произошло.

Ю.Р.: А ты ничего не знал?

А.Р.: Нет, ну какой-то Горбач пришел к власти, один хмырь сменил другого хмыря, ну какое мне дело, ты пойми. Какое нам дело во всех этих фамилиях разбираться. Ну начальники там какие-то сменяют друг друга, мало ли чего как.

И тут вдруг — «Устарело».

Ю.Р.: Вот истинное изменение состояния души.

А.Р.: Тут я понял — что-то произошло. Немедленно левое письмо закинул на волю — давайте, мол, объясняйте: что, почему и как. Потому что по газетам я, честно говоря, ничего не мог понять.

Все говорят, что надо уметь читать газеты эти коммунячьи, знаешь, да, между строк. А я так и не научился. Поэтому я по газетам так и не мог...

Ю.Р.: Ну да, там по некрологам надо было читать, по ряду подписей.

А.Р.: И кто там у кого председатель похоронной комиссии... Не мог я ничего понять. Но тут я понял: если мне Миша Бабин по кличке Фонарик, мой подкумок родной, говорит, что устарело, — значит, что-то происходит.

Ю.Р.: Мои воспоминания, конечно, не столь богаты. Но я помню... Андропов — он еще раньше был, да? На год раньше был[4]. Умер Андропов, и мне вдруг показывают «Правду», тогда она была полноценной газетой. Там портрет Черненко и внизу сообщение ТАСС: «Пленум ЦК партии постановил избрать Черненко Константина Устиновича Генеральным секретарем ЦК КПСС и... похоронить его на Красной площади». Кто-то склеил газетку так ловко.

И еще я видел потрясающую одну штуку, картину в то время, — репетицию похорон. Это был совершенно потусторонний акт. Возвращался как-то домой через Манежную площадь. Вижу: не пускает милиция, и никого нет на площади. От Колонного зала Дома союзов едет грузовик с опущенными бортами. Пустой, никого нету, и за ним этим гусиным шагом идут с оружием кремлевские курсанты, а за ними — скорбная группа товарищей.

Жуткое было зрелище. По пустой площади едет пустой грузовик на Красную площадь в сопровождении этих людей. Это была репетиция похорон генсека Черненко.

Сережа, ты был уже на свободе, да? Какое было ощущение от этой новой жизни? Подозревали ли вы, что через какое-то время выйдете из подполья и будете законно продавать «Хронику» в киосках Союзпечати? Было ли такое предположение? Стало ли для вас очевидным, что возможно сотрудничество с новой властью, на протяжении этих десяти лет? И это ощущение возникло у всех диссидентов, или...

С.К.: Нет, конечно, никоим образом. Далеко не у всех, и до сих пор далеко не у всех. До сих пор многие упрекают, скажем, таких, как я: «Как же ты можешь сидеть в этой Думе, вот с этими людьми, как же ты можешь с ними разговаривать?» И честно признаться, такой вопрос есть, конечно, есть.

---

[1] *Анатолий Игнатьевич Приставкин (1931–2008) — советский и российский писатель, журналист, общественный деятель. С 1992 года — председатель Комиссии по помилованию при Президенте РФ.*

[2] *«Хроника текущих событий» — первый неподцензурный информационный бюллетень в СССР, издавался с 1968 по 1983 год. С.А. Ковалев принимал участие в подготовке бюллетеня с 1971 года, был составителем и выпускающим редактором номеров 28–30, 32–34. В 1974 году был осужден по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде».*

[3] *Имеются в виду приговоры А.Б. Рогинскому (осужден в 1981 году по обвинению в подделке документов) — к четырем годам лишения свободы и С.А. Ковалеву — к семи годам лишения свободы и трем годам ссылки.*

[4] *Юрий Владимирович Андропов (1914–1984) занимал пост Генерального секретаря ЦК КПСС с 12 ноября 1982 по 9 февраля 1984 года; после его смерти пост перешел к Константину Устиновичу Черненко (1911–1985), чье правление (13 февраля 1984–10 марта 1985 года) также завершилось его кончиной. После К. У. Черненко Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Михаил Сергеевич Горбачев (1931–2022).*

ЛЕГКО СВЕРГАТЬ НЕ ВОЖДЕЙ, А БЮСТЫ
А.К.М.

Алексей БАБУШКИН / Фотохроника ТАСС

Ю.Р.: А как, Сережа, ты можешь, действительно? Ты же был даже в прошлом Верховном Совете.

С.К.: В президиуме Верховного Совета.

Ю.Р.: Даже в президиуме.

С.К.: Ну, наверное, хочу или не хочу, все равно сведу эту тему к вопросу о вине. Когда шел процесс над КПСС в Конституционном суде[5], после моего выступления в качестве свидетеля ко мне подходили жать руку, и коммунисты в том числе. Единственным, кто мог иметь мужество принять решение по очевидному делу, был Конституционный суд.

Конечно, партия должна была быть распущена, в этом нет сомнения. Но вопрос о вине не такой простой. Понимаешь ведь, ну кто, же в конце концов, терпел произвол партии? А кто же, в конце концов, из шкурных соображений поддерживал все решения партии? Но ведь не партийцы же только.

Ю.Р.: Сейчас, перенося ситуацию на нынешние изменения, мне кажется, что вся страна была построена по принципу круговой поруки. Очень много людей было втянуто в преступления. Возьмем Чехословакию, Венгрию: как можно было, допустим, простому человеку, даже не очень поддерживающему строй, осудить все это дело, если его сын был солдатом.

Огромное количество людей выполняло некий приказ, молча поддерживало все, что происходило, все преступления, которые здесь происходили.

С.К.: Вместо слова «поддерживало» надо ставить «не противодействовало».

Ю.Р.: Да, согласен. Вся страна не противодействовала, молчала, и, в общем, это в значительной степени укрепляло правящую власть в некой уверенности, что все можно с нами творить безнаказанно, и народ — это быдло, некая инертная масса, которая принимает все, что ей подают.

С.К.: Ну конечно, быдло. Я думаю, что так наши правители и рассуждали. В их терминологии.

Ю.Р.: Да, в их терминологии, конечно. И вот сейчас возникает ситуация другая, отличная от прежней, когда якобы другие действуют по приблизительно тем же самым старым схемам и в расчете на то же самое молчаливое согласие этого народа.

И оказывается, что, несмотря на то, что дети находятся в армии на фронте (*идет чеченская война.* — **Ред.**), народ не принимает и не хочет разделять будущую или уже действующую вину вот этих самых руководителей. Мне кажется, что это существенный поворот в сознании страны. Или, может, я заблуждаюсь?

С.К.: Ты хочешь сказать, что сейчас многое изменилось и народ как бы смеет свое суждение иметь? Вот к чему твоя точка зрения сводится-то?

Ю.Р.: Она сводится к тому, что народ больше не хочет разделять ответственность с властью.

С.К.: И потому не молчит?

Ю.Р.: Да.

С.К.: Я этого не ощущаю. Что хочет разделять народ и чего не хочет — по этому поводу ничего не известно. Русская интеллигенция всегда была идиотом, понимаешь. Сегодня она такая же точно, как сто лет назад, ей-богу. Не меньше и не больше. И когда начинают рассуждать о народе: народ то, народ её...

А.Р.: Я не знаю, как в этом разобраться, и, может, вообще нам нужно исключить сейчас эту категорию, как настроен народ. А вот та мысль, что Сергей сказал, она важна. Не знаю насчет народа, ты возьми первых попавшихся сто депутатов и спроси про чувство ответственности и чувство вины.

Их ответ нам точно известен. Никто не ощущает себя виноватым, никто и ни за что: «Это почему я виноват? Ты с ума сошел. Я вообще к этому отношения не имею».

С.К.: Связь между тем, что я двенадцатого числа такого-то месяца такого-то года проголосовал за Ельцина и тем, что Ельцин приказал... — предположим, Ельцин, или Грачёв[6], мне наплевать, все равно одно и то же — бомбить Грозный, эта связь отсутствует в сознании. Значит, мы пришли к простой вещи: политическая культура отсутствует, и отсутствует правосознание. А следовательно — какого черта мы здесь рассуждаем о народе и о чем-то?

Давай отвечать за самих себя в нашем мироощущении. Нам еще десятилетия жить до того, чтобы пытаться характеризовать кого-то вне себя.

Ты понимаешь, о чем я говорю?

Ю.Р.: Да. Ты помянул Ельцина, Сережа, ты поддерживал же Ельцина, да?

С.К.: Разумеется.

Ю.Р.: На чем была основана твоя поддержка?

С.К.: Очень простые вещи. Вот я тебе скажу, Юр, я помню наш разговор в 89-м году с Андреем Дмитриевичем Сахаровым[7]. Тогда ведь была какая ситуация: Андрей Дмитриевич, ночь промучившись, решил, что он идет только по списку Академии или ни по какому.

Ю.Р.: Уступая дорогу Ельцину.

С.К.: «Уступая дорогу Ельцину» — вот не было у него этого. Он считал, что он должен идти от академии. Я спросил его: «Андрей Дмитриевич, а вы не думаете, что вы, может быть, теряете шанс получить трибуну на съезде народных депутатов? И что вы обманываете ожидания избирателей, которые так единодушно выдвигали вас?»

Он сказал: «Тогда нам надо разойтись с Ельциным по разным округам. И тогда мне нужно вступить в соглашение с Ельциным, а я не хочу этого делать».

Мой первый комментарий, я тогда оказался в Америке, относительно блестящей победы Бориса Николаевича состоял в следующем: «Это не за Ельцина голосовали избиратели, они голосовали против системы».

И все наши выборы того времени, 89-го и 90-го годов, были не за, а против. Ну, это все понимают сейчас. Достаточно было быть против, чтобы оказаться быть избранным «за». Возникла такая концепция: черт с ним, что это человек из номенклатуры, но зато он специалист, он знает, где берут цемент и где лежат трубы. Давайте воспользуемся его специальными знаниями. Вот эта идея-прагматик, в общем, казалась чрезвычайно разумной. Казалось, что идеология, прошлая идеология, не срослась с должностями настолько сильно, насколько она срослась.

Увы, оказалось, что нет у нас специалистов.

Ю.Р.: Ты не согласен, Арсений?

А.Р.: Нет, я абсолютно согласен. Я просто думаю, что Сережа пошел по легкому пути. Дело в том, мне кажется, что есть кусок, который легко проанализировать: 89-й, 90-й и 91-й даже, и есть кусочек, на котором мы все равно с тобой споткнемся.

Ю.Р.: Это?

А.Р.: 93-й. Ну, понятно, сентябрь — октябрь[8]. У каждого своя дорога из этого кусочка. Мы с Сережей прожили эти дни вместе и абсолютно одинаково отнеслись. Ну вот абсолютно, не было вообще ни секунды разнобоя.

Мы были около Белого дома, когда прорвали заслоны, и эта коммунячья толпа окружила Белый дом. И когда бежали эти милиционеры побитые, мы всё видели своими глазами.

И потом мы стояли на Садовом кольце, на углу Калининского, когда мимо нас проходила торжественная толпа, счастливая такая, с розами, со словами: «Банду Ельцина под суд» и «Янки, убирайтесь», — поскольку это было рядом с американским посольством.

Но потом, после этого, был следующий день. И, понимаешь, вот у меня нет ни секунды сомнения в праведности, например, моей позиции, тут уж каждый за себя отвечает.

Ю.Р.: Ты можешь определить эту позицию?

А.Р.: Да, могу определить. Я сказал бы так: я в эту минуту был солидарен с всенародно избранным президентом Российской Федерации.

Третьего числа у меня не было никаких сомнений по поводу него. Более того, у меня не было никаких сомнений по поводу того, что это надо остановить. Было страшное ощущение, что по городу идет толпа погромщиков и что мы возвращаемся в неизвестно какое позапрошлое.

Потом наступил день 4-го, когда была реализация моего... как сказать, это не страх, что-то другое. Материализация ужаса. Ну, когда стоял этот танк и палил по Белому дому. То, что я увидел уже все-таки по телевизору, рядом я не был в эту минуту.

---

[5] *«Дело КПСС» — процесс 1991–1992 годов, на котором Конституционным судом РФ был рассмотрен вопрос о соответствии Конституции указов президента Б.Н. Ельцина о роспуске коммунистической партии.*

[6] *Павел Сергеевич Грачёв (р. 1948) — министр обороны Российской Федерации (1992–1996), первый генерал российской армии (май 1992).*

[7] *Андрей Дмитриевич Сахаров (1921–1989) — советский физик-теоретик, один из создателей первой советской водородной бомбы, известный диссидент и правозащитник. Лауреат Нобелевской премии мира (1975). В 1989 году избирался в качестве народного депутата СССР от Академии наук. В том же году Б. Н. Ельцин был избран народным депутатом СССР по национально-территориальному округу № 1 (город Москва).*

[8] *21 сентября — 4 октября 1993 года произошел разгон Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ, сопровождавшийся вооруженными столкновениями на улицах Москвы и приведший к гибели более сотни человек.*

Продолжение материала ***Юрия РОСТА*** —
СТРАНИЦЫ 48–49 ⇨

СТРАНИЦЫ 46-47

Игорь ЗОТИН, Валерий ХРИСТОФОРОВ / ТАСС

КАК ДЕМОКРАТЫ ПОБЕДИЛИ ДЕМОКРАТИЮ

Потом я подошел, но это уже не имеет значения. И вот в эту секунду я споткнулся. Я не могу найти в своем длинном, довольно стройном, выстроенном жизнью мировоззрении места этому дню. Все понимаю, а этот кусок дня не понимаю. Мне кажется, что это был какой-то момент, который не втыкается в линию.

Всю жизнь по линии ходишь, только чтобы в дерьмо не вляпаться, ни налево, ни направо, понимаешь? И 4 октября, черт побери, когда они долбали по Белому дому, у меня не было комплекса вины, не было. В эту секунду, я помню, я сидел у телевизора и не комплексовал. Комплексовать я начал позже. И на самом деле это во мне не кончилось и до сегодняшнего дня.

И сегодня я не могу понять, так ли я логичен даже внутри своей жизни, когда вот так запросто вычеркиваю этот эпизод и становлюсь на сторону этого танка. Понимаете, да? Потому что если я не осудил, значит, я был в танке. Логика здесь проста, такая только и может быть.

И надо разобраться.

С.К.: О, Арсений, это очень сложный разговор. А у меня впечатление, что я и до сих пор не ощущаю комплекса вины. Хотя я точно знаю, что сегодняшнего Ельцина сделал октябрь 93-го года.

А.Р.: А я даже не понимаю этого.

С.К.: И мы с тобой восприняли этот октябрь так: это было явное нарушение Конституции, явное нарушение закона. Но это было вынужденное нарушение закона ради того, чтобы все принципы права и конституционного порядка не были нарушены. Это был трагический и сознательный шаг лица, гарантирующего правопорядок в стране, и этим шагом была предотвращена гражданская война.

Ю.Р.: То есть гораздо большая катастрофа.

С.К.: Гораздо большая катастрофа.

Есть общий принцип права. Можно нарушить закон, если это нарушение закона предотвращает куда более тяжкое по последствиям нарушение другого закона. Таков был мой подход, и я до сих пор его держусь. Но, понимаешь, может быть, это был подход про другого человека... Это был подход, так сказать, про нас с тобой.

А.Р.: Прекрасно. Потому что и мир, то, что ты имеешь в виду под миром, он, видимо, точно так же воспринимал эти события. И большинство людей, которые приняли октябрь 93-го года, я думаю, они тоже так воспринимали.

Ты знаешь, он мог бы нас спасти, то есть нашу последовательность на всю жизнь, этот президент, если бы сам потребовал создания комиссии, если бы сам потребовал посекундного распорядка — кто, когда и какие отдавал приказы, от него и до командира взвода, который сказал: «Пли». Понимаешь, да? И если бы вытащил наружу все фамилии, места захоронений. Мы же за это или нет? И мы всегда были за это, извините, с 5 октября мы были за это, я бы сказал.

С.К.: Я голосовал в Думе за создание комиссии. Хотя, честно сказать, прекрасно понимал, что никакой объективной и добросовестной комиссии Дума не создаст. Ну да, многие были против.

А.Р.: Считали, что комиссия — антиельцинское деяние, как оно и было.

С.К.: Ну почему сразу антиельцинское? Вот ты же предложил бы прямо Ельцину эту инициативу, и я бы ее очень горячо поддержал. Вообще с Ельциным дело сложное.

А.Р.: Вот если бы он это сделал, господи!

Ю.Р.: Вы пережили октябрь, последствия октября, и тем не менее отношение к Ельцину, несмотря на то что он не создал эту комиссию, каким-то образом сохранилось, да? Сереж, у тебя сохранилось? В какой-то степени?

С.К.: Ну да. Потому что все-таки не произошла эта большая война.

Ю.Р.: Когда оно изменилось, это отношение, если оно изменилось? В какой момент? Ты спокойно же мог, допустим, встречаться с ним, потому что он понимал, что в какой-то степени он может опираться и на тебя, и на меня, да?

Ему нужна, возможно, была эта опора. Когда он эту опору потерял? Или когда она ему перестала быть необходима? Вот ты пришел к нему в кабинет докладывать. Это был тот же человек, которого ты знал раньше, или это был другой человек? И как он реагировал на тебя и на ту информацию, которую ты ему давал?

С.К.: Все-таки это был другой человек. Может быть, тот же, но не тот, которого я себе нарисовал. Все мои предыдущие встречи с Ельциным — это были встречи с человеком, думающим другими словами, чем я. Но, как мне казалось, думающим то же самое, что я. Я полагал, что я думаю точнее, но легко прощал, так сказать, языковые расхождения.

Ю.Р.: Терминологические.

С.К.: Ну да. А здесь это был человек обеспокоенный, встревоженный, с оттенком враждебности. Просто человек, принадлежащий к другому способу мышления.

Может быть, это был настоящий Ельцин, может быть, я до того ошибался в нем, потому что раньше мой образ Ельцина был такой — ну, конечно, человек своей судьбы и своей биографии, обкомовской биографии, разумеется. Но человек с некоторым очень здоровым стержнем. Человек, умеющий не приспосабливаться, а учиться, так сказать, политик с границей. Политик, который по необходимости политик, он имеет жесткий предел: тут я могу лавировать, вступать в соглашения с людьми, мне неприятными; это обязанность политика. Но вот дальше — все, дальше есть предел.

А здесь, как мне показалось, я встретился с политиком без границ. То есть с традиционным политиком, скажем так.

С.К.: Было два режима в новейшей истории, которые достигли совершенно замечательного результата: они помогли либеральной философии перекочевать в нормы права.

Человечество осознало, что если принципы либеральной философии не станут обязательными нормами международного права, то всё, каюк, мы больше не выживем на земном шаре. И это ведь и был главный результат Второй мировой войны. И два режима, гитлеровский и сталинский, способствовали этому. Не сразу поняли, что сталинский тоже способствовал, но потом поняли и это.

Вот для этого была нужна холодная война. Это стало нормой международного права и положило конец традиционной политике, это сделало ее анахронизмом.

Много вспоминают Андрея Дмитриевича Сахарова как человека, провозгласившего новое политическое мышление. В чем оно, собственно, состоит, это новое политическое мышление? В очень простой вещи — в добросовестности. Никто из нас и помыслить не может, чтобы к другому залезть в карман. И это норма личностных отношений, личностной морали.

Однако в межгосударственных отношениях традиционная политика в том и состоит, чтобы залезть в карман к партнеру, и ни в чем больше. Так вот, новое политическое мышление — это в очень упрощенном виде перенос этики личностных отношений в область межгосударственных. Это простая добросовестность.

Ю.Р.: То есть у нас был шанс выйти на уровень современной цивилизованной политики. Вы считаете, что сейчас этот шанс упущен и перспектива мрачна или какие-то все-таки есть возможности для того, чтобы вернуться к этому?

С.К.: Просто этот шанс надо отбивать заново. Мы откатились далеко назад с чеченской войной. И нам надо отбивать этот шанс снова.

НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ МНОГО. НАРОДА НЕ ХВАТАЕТ

А.К.М.

На самом деле невозможно жить в стране, где первые лица лгут. Недостойно. Унизительно. Жить, как мы жили в стране все эти 70 лет. Показывают по телевизору пожилого человека с густыми бровями, а все точно знают, что он врет. Он точно знает, что он врет. Более того, он точно знает, что все знают, что он врет. И это ничего не меняет, он врет и врет. Вот нельзя этого терпеть.

А сейчас мы, так сказать, двигаемся в этом же направлении. Ну что это такое — официальные сообщения о событиях в Чечне? Подписанные временным правительственным информационным центром. Значит, мы смотрим и слушаем сообщения этого центра — все вранье от первого до последнего слова.

Но это же невозможно: официальное правительственное сообщение! Ну что это за правительство, которое врет?

А.Р.: Мне кажется, что Сережа сказал главное: совершенно неизвестно, в какую сторону мы тянемся по линии политики.

Вот это точно ощущает сейчас каждый человек. Понимаешь, он открывает «Российскую газету», а рядом кладет «Московские новости», и видно, что правительственная газета врет. Так както медленно, но упорно и с большим охватом мы поперли в сторону лжи.

Сначала лгали ведомственно, знаешь: «Мы раскрыли столько-то преступлений». Но все знают, что ни хрена они не раскрыли. Ну ладно, это можно простить, вроде как все отчитываться у нас горазды. А сейчас стали как-то так массированно врать. Массированно по всем ведомствам, по всем линиям. И все под покровом первых лиц.

Поэтому-то у всех такое трагическое ощущение, понимаешь? Пошла словно стенка на стенку не по линии «ты за коммунистов или против», а просто: ложь против правды.

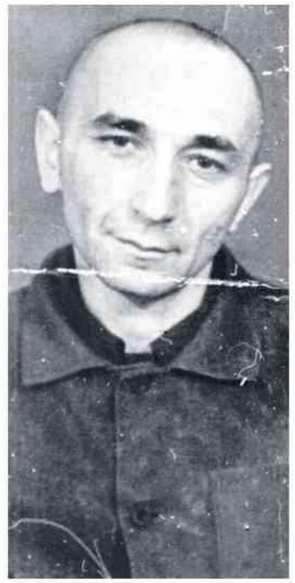
Причем вот это истерическое и массированное вранье, оно действительно как-то завязано на эту войну. Мы это раньше так не чувствовали?

С.К.: Ну, господи, ну как, безумно врали. Между прочим, я вспоминаю эпизод, как я на первом же заседании Президентского совета объяснялся ровно на эту тему. Я сказал: «Слушайте, что происходит в этой администрации?» И напомнил случай с тем, как терялся президентский указ. Борис Николаевич при этом присутствовал. И я просто не заметил, не ощутил, я не готов был понять, что он на самом-то деле смотрел на меня тогда так же, как смотрел, когда мы разговаривали о Чечне.

Я рассказывал чудовищную историю. 8 ноября 91-го года своим указом Ельцин назначает Гайдара[1] и многих, кто с ним, на их правительственные должности. 8 ноября он назначил рекомендованного Гайдаром руководителя аппарата правительства, им был назначен Алексей Головков[2].

А этот указ от 8 ноября, подписанный Ельциным, потерялся. Ищут, не могут найти. Что делать? Неделя проходит, 10 дней проходит, Гайдар собирает там каких-то министров, идет к Ельцину и говорит: «Борис Николаевич, указ потерялся. Вот вам текст, подпишите заново».

Ельцин стучит ногами и руками, говорит: «Что такое?! Как это указ президента потерялся? Ищите, как хлеб ищут. Это что такое?!»

Арсений Рогинский в лагере. 1983 г.

Сергей Ковалев. Фото из архивно-следственного дела. 1975 г.

Ну, ищут. Проходит время, не находят и уговаривают Ельцина подписать второй указ. Ельцин его подписывает. Что бы вы думали? И второй потерялся! И опять ищут.

ЮР: Это анекдот, который ты хотел рассказать?

СК: Нет, это не анекдот, это быль. Анекдот я хотел рассказать совсем другой, про чудо.

...И опять ищут. И наконец находят, но первый указ. Ну так, немножко в утрированной передаче, Илюшин[3] достает его из кармана и говорит: «Ах ты, батюшки, кто бы мог подумать, что он здесь был!»

И Головков вступает в должность, если я не ошибаюсь, 14 января. Это вместо 8 ноября. Вступает в должность, ну и, естественно, застает свой аппарат целиком сформированным. Потому что работают в аппарате правительства те же люди, которые сидели в кабинетах аппарата правительства. Ну кто это такие, вообще не надо объяснять.

И вот я рассказываю всю эту историю примерно так же, как ее сейчас рассказал, на первом заседании Президентского совета. И говорю: «Слушайте, ну невозможно же так работать. Если президент — хозяин в своей администрации, то он должен немедленно найти и вышвырнуть вон с волчьим билетом того чиновника его администрации, который посмел ослушаться президентского указа. Иначе он не хозяин. А если он этого не сделает, то хозяин уже не он, а тот, который потерял указ».

Жду реакции, что мне Борис Николаевич или кто-то другой скажут, что, Сергей Адамович, вы неправы, все это было совсем не так, этот указ, я не знаю, не терялся, или были основания переписать его, или там что-нибудь еще наплетут. Нет, все молчат. Следующий пункт программы, что мы там дальше будем обсуждать.

Ю.Р.: Все-таки чем это отличается от бомб Грозного, вот эти указы? Так были бомбы или нет? Отдавал указание президент или не отдавал?

С.К.: Ну одно и то же, понимаешь. Я думаю, что я просмотрел того Ельцина. Ему было неприятно это слушать. Это я усек. Он никак не отреагировал.

Ю.Р.: То есть это позволяет сделать предположение, что он не вполне владеет ситуацией сейчас.

С.К.: Ну я не знаю, вполне он владеет или он сознательно допускает игры этого рода. Знаешь, как бывает в хорошо организованных конторах? Я — начальник, я — добрый, а он — мой помощник, он злой, сволочь. Поощрять буду я, а увольнять будет он. Мы с ним так договорились.

Может быть, это и так, откуда мне знать? Может, эта потеря указа была договорная, а может, тот, кто его терял, точно знал, что он не будет наказан. На него все шишки повалятся. Он потерял, сволочь. Но его за это не накажут, а может, даже обласкают.

Ю.Р.: То есть он отдал приказ бомбить, я не давал.

С.К.: Да. Или он не отдавал, или мне об этом ничего не известно. Откуда мы знаем? Борис Николаевич Ельцин отдает указ прекратить бомбежки Грозного. А потом к этому указу он пишет маленькую бумагу, совсекретно: этот указ можете исполнять по особому решению с того момента, который будет особо обозначен.

У меня полное ощущение, что сейчас государство изменилось: стало бесконечно более лживое и циничное. Вот этот аспект очевиден.

А.Р.: Если завтра, даст бог, закончится эта война, а еще будет соответствующая пропагандистская упаковка, то через полгода все это забудется. И дальше мы будем жить.

Ю.Р.: Стоп. Где? В чем? Ну-ка, ответь.

С.К.: В советском государстве.

А.Р.: Да ни хрена, Сережа.

С.К.: А мы и продолжаем жить в советском государстве. И это вопрос на самом деле поколений. Тут невероятно трудная, почти безнадежная задача ускорить время. Но на самом деле за безнадежные задачи только и надо браться. Невероятно трудно, но нельзя сказать, что неисполнимо.

ЮР: Скажите: мы все считаем, что они шахматисты, а на самом деле они, возможно, доминошники? Мы в уме проигрываем шахматные ходы, выстраиваем какую-то жуткую концепцию, а оказывается, что там просто «рыба», и всё, и конец. А?

Ю.Р.: То есть мы вернулись на исходные позиции?

С.К.: В одном смысле мы все-таки продвинулись: это готовность журналистов хоть изредка говорить правду.

У нас нет гражданского общества. Пока мы его не создадим, положение наше просто бесперспективное.

Ю.Р.: А какие перспективы гражданского общества в сегодняшней ситуации?

С.К.: Смена поколения политиков, смена поколения судей. Очень важно иметь правосудие и уверенность в том, что это правосудие.

Надо создавать другое чудо. Чудо личной ответственности. Отсюда ощущение личных возможностей. Я — гражданин этой страны, я могу не терпеть власти, которой я не хочу, и отдать полномочия власти, которой я доверяю.

[1] *Егор Тимурович Гайдар (1956–2009) — один из идеологов и руководителей российских экономических реформ 1990-х годов. Занимал ряд высоких постов в правительстве.*

[2] *Алексей Леонардович Головков (1956–2009) занимал пост руководителя аппарата правительства с ноября 1991 по январь 1993 года.*

[3] *Виктор Васильевич Илюшин (р. 1947) являлся в то время (май 1992 — август 1996) первым помощником президента РФ.*

Юрий РОСТ

Во всяких «проектах» и «планах будущего», которые многие пустились сейчас сочинять, неизменно всплывает история про какой-то новый «СССР 2.0» — с закрытыми границами, «производством всего на свете» (а что не получается сделать самим — так на то есть «промышленный шпионаж»). Жили, мол, дедушки в СССР за «железным занавесом», под «санкциями» и «отрезанные от всего мира», и мы проживем. Однако прежде чем рассуждать о новом строительстве «изолированного СССР», хорошо бы разобраться, как на самом деле проходила социалистическая индустриализация, и понять — откуда пришла начальству в голову идея «изолированной экономики».

Репродукция ТАСС

«ХОЗДВОР»

ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ СТРАННАЯ ЛЕГЕНДА ОБ «ИЗОЛИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКЕ СССР»?

От «концессий» к «технической помощи»

Доведись товарищу Сталину или товарищу Дзержинскому сто лет назад услышать про «самодостаточный СССР», они наверняка приказали бы разобраться — что это за провокатор проводит вредительскую линию поперек победной поступи социализма (не иначе как его классовый враг подучил!). История экономики СССР — это в огромной степени история умелого привлечения в страну и использования самых передовых технологий западного мира.

Большевик-ленинец должен уметь соединять русский размах с американской деловитостью, поучал товарищ Сталин в своей знаменитой лекции «Об основах ленинизма». Но большевики соединяли «русский размах» не только с американской деловитостью, но также и с «немецким порядком», «острым галльским гением», а главное — с технологиями, машинами и оборудованием, а также с опытом и знаниями зарубежных специалистов. Иностранные фирмы участвовали в проектировании советских предприятий, посылали на них консультантов, помогали освоить новые производственные технологии.

В 1920-е годы, во время НЭПа, ставка делалась на совместный бизнес с «капиталистическими хищниками». Иностранным компаниям предлагалось брать в аренду те или иные производства с обязательством наладить их работу (концессии), вступать в подряды и организовывать совместные предприятия. Первыми агентами модернизации советской экономики оказались предприниматели из веймарской Германии. Уже к концу 1923 года на территории СССР действовало 16 германских концессий. Самой крупной была лесная концессия общества «Молога», получившая в аренду около 1 млн кв. десятин леса вдоль железнодорожной линии Петроград — Рыбинск. В деловые контакты с советскими экономическими организациями вступили крупнейшие германские фирмы AEG, AG Krupp, Hugo Stinnes GmbH, Junkers. Правда, несмотря на официально провозглашенную политику «открытых дверей», западный капитал притекал в СССР слабо: предприниматели не доверяли советской власти, боровшейся с частным предпринимательством. Великий экономист Джон Мейнард Кейнс, посетивший СССР в 1925 году, объяснял руководителям советского «народного хозяйства»: *«Вы не можете создать совершенно изолированное от остального мира хозяйство. Вам нужна техника — машины, орудия, нужен капитал. Вы можете получить необходимые средства для развития хозяйства, например, путем займов. Но вряд ли кто-нибудь сейчас вам даст заем. Второй путь — концессии. Но при заключении договоров о концессии капиталисты навяжут вам свои условия, если все же рискнут вложить свои деньги в вашу страну. Дело с концессиями очень рискованное. Не для вас, конечно, а для капиталистов, рискующих своими деньгами...»*

Постепенно на смену концессиям пришли договоры о технической помощи. Капитал и рабочая сила были советскими, а иностранную фирму нанимали для проектирования предприятия и (или) строительно-монтажных работ. Компания разрабатывала документацию, передавала свои лицензии, патенты, технологии, присылала специалистов для технического надзора за строительством и принимала советских инженеров и рабочих для изучения производственного опыта. Зарубежные партнеры уже не рисковали своим капиталом и получали вознаграждение за услуги.

Первый шаг в космос

Самым значительным проектом в сфере советско-германского технического сотрудничества стало соглашение, подписанное в ноябре 1922 года с компанией «Юнкерс», об организации металлического самолетостроения и моторостроения в РСФСР. Германской фирме был передан завод в московских Филях (бывший «РуссоБалт»). На этом заводе из деталей, произведенных в Германии, для ВВС Красной армии собирались самолеты-разведчики Ю-20 и модернизированный Ю-21. К началу 1925 года на заводе в Филях работало более тысячи человек, площадь производственных помещений составляла 15 000 м². Всего при участии немцев к концу 1925 года было построено 170 самолетов. На оплату «Юнкерсу» уходило до 30% средств, выделяемых на развитие авиации в СССР. Правда, в марте 1926 года договор с фирмой «Юнкерс» был расторгнут. Официальной причиной стало неисполнение взятых на себя немецкой фирмой обязательств по поставке металлических самолетов и освоению моторного производства. Все имущество завода, включая чертежи, перешло в собственность СССР. При этом советское правительство выплатило немцам неустойку в размере 3 млн рублей золотом.

В развитии советской авиапромышленности значительную роль сыграли и французские специалисты. Как рассказывал в своей книге «История конструкций самолетов в СССР» известный советский авиаконструктор Вадим Шавров, в 1928 году для работы в СССР был приглашен Поль Эмэ Ришар — французский авиаинженер, специалист по гидросамолетам. Для обеспечения его работы было создано специальное конструкторское бюро Морского опытного самолетостроения Всесоюзного авиаобъединения при заводе № 28 с производственной базой на заводе. В Авиатресте был составлен трехлетний план работ бюро Ришара, включавший до 10 объектов. В распоряжение Ришара поступило несколько десятков советских конструкторов, среди которых были многие будущие звезды советской авиапромышленности — конструкторы истребителей С.А. Лавочкин и М.И. Гуревич, создатели гидросамолетов Г.М. Бериев, И.В. Четвериков и В.Б Шавров, строители первых советских вертолетов Н.И. Камов и Н.К. Скржинский. В конструкторском бюро Ришара работал и С.П. Королев — да, да, тот самый, будущий покоритель космоса.

«Американская деловитость» на службе СССР

В конце 1920-х годов к советской индустриализации подключились американцы. Еще раз процитируем товарища Сталина: «Американская деловитость — это та неукротимая сила, которая не знает и не признаёт преград, которая размывает своей деловитой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело, если это даже небольшое дело, и без которой немыслима серьезная строительная работа».

Из 118 договоров о технической помощи, заключенных в 1920–1930 годах (большей частью в 1928–1930), 64 пришлось на долю американских компаний (54%). Из 218 договоров, действовавших на протяжении 1929–1945 годов, на долю американских фирм пришлось уже 64% (немецкие компании получили 15% договоров).

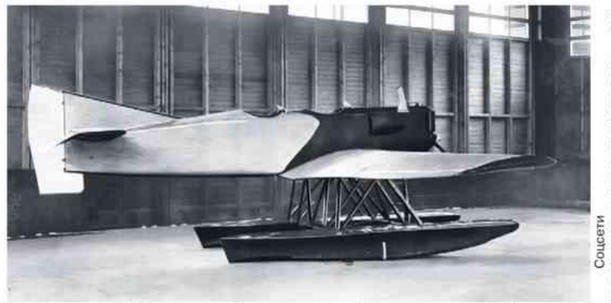
В рамках этих договоров в 1918–1933 годах соглашения с советскими внешнеторговыми организациями заключили около двух тысяч американских фирм. Некоторые из них оказывали услуги целым отраслям. Так, Radio Corporation of America налаживала производство радиоаппаратуры, General Electric помогала развитию электротехнической промышленности и поставляла оборудование на ДнепроГЭС (70% оборудования этой электростанции было американского производства). Развитию химической индустрии помогала компания Dupont de Nemours. Архитектурно-строительная фирма Albert Kahn Inc, строившая автомобильные, тракторные и авиационные заводы в США, спроектировала для СССР более 500 промышленных объектов, в том числе Сталинградский и Челябинский тракторные заводы, а также подготовила четыре тысячи советских архитекторов и инженеров. Особая глава истории советско-американского технического сотрудничества — создание автомобильного завода в Нижнем Новгороде (будущего ГАЗ) при участии Ford Motor Company и The Austin Company.

Приобретение ноу-хау, услуг специалистов и техники осуществлялось централизованно, через специально созданные для этого во всех крупных европейских городах торговые представительства. Важнейшую роль в процессе привлечения в СССР иностранной технической помощи играл АмТорг (Американская торговля), или Amtorg Trading Corporation — акционерное общество, учрежденное в штате Нью-Йорк (США) в 1924 году с целью содействия развитию советско-американской торговли и выступавшее посредником при осуществлении экспортно-импортных операций советских внешнеторговых объединений с американскими компаниями.

С 1924 года АмТорг издавал ежемесячный научно-технический журнал «Американская техника и промышленность» (American Engineering and Industry), направлявшийся в СССР и распространявшийся по советским предприятиям и научным учреждениям. Кроме того, через АмТорг нанимали американских инженеров для работы в СССР, и он же опекал советских инженеров в Соединенных Штатах. В ноябре 1932 года в СССР работало около пяти тысяч иностранных инженеров, американцы среди них составляли от 20 до 30%, а больше половины приехали из Германии.

Советская индустриализация глазами американского рабочего

Впрочем, из Америки в СССР ехали не только инженеры, но и рабочие высокой квалификации. Один из таких мастеров, дипломированный сварщик Джон Скотт, стал автором исключительно интересной книги «За Уралом: Американский рабочий в русском городе стали». В этих мемуарах Скотт делился впечатлениями о своей работе на строительстве Магнитогорского металлургического комбината. Описывая деятельность прокатчиков, Джон Скотт замечал: *«Цех проката состоял из обжимного стана блюминга, механические части которого были сделаны немецкой фирмой «Демаг», электрооборудование — «Дженерал электрик», а его производительность теоретически составляла 900 тысяч тонн в год. Здесь также находились 450-миллиметровый и 630-миллиметровый листовые прокатные станы, на которых были установлены летучие ножницы и механическое оборудование фирмы «Демаг»,*

Соцсети

На заводе в Филях из деталей, произведенных в Германии, для ВВС Красной армии собирались самолеты-разведчики Ю-20

сортовой прокатный 500-миллиметровый стан последовательного типа (так называемый кросс-коунтри), 300-миллиметровый среднесортный и 250-миллиметровый проволочно-прокатный стан». Как деловито добавлял Скотт, *«стан-500 стоил 12 миллионов 240 тысяч рублей. Около 60% этой суммы было выплачено золотом, на которое закупили лучшее в мире оборудование для прокатных станов».*

Действительно, главным проектировщиком знаменитой Магнитки со всей инфраструктурой была инженерно-конструкторская фирма Arthur McKee Company of Cleveland. Часть работ выполнила Koppers Construction Company of Pittsburgh, а прокатный цех проектировали германские специалисты.

Но и это было еще не все.

Исследователь истории Магнитки А.Н. Макаров писал: *«Зарубежные технологии применялись на строительстве комбината повсеместно и в течение длительного периода. Имеются снимки, свидетельствующие о том, что большинство механизированных работ осуществлялось посредством иностранной техники. К примеру, был зафиксирован танк-паровоз немецкой фирмы «Оренштейн-Коппель», шлаковозные и чугуновозные ковши фирм «Дюйгерст» и «Бамаг», а также «Хопер-кары» с рудой на подъемной эстакаде. <...> Кроме того, практиковалась сборка иностранных машин на отечественных заводах. На музейных снимках зафиксированы 220-тонный кран фирмы «Морган» и 125-тонный мостовой заливочный кран фирмы «Демаг», собранные на Краматорском заводе»* (Макаров А.Н. История строительства Магнитогорского металлургического комбината в отражении советского фоторепортажа).

При этом иностранная техника зачастую использовалась «для всего». Специальный корреспондент «Комсомольской правды» С.Д. Нариньяни оставил свидетельство, насколько неэффективно использовался американский экскаватор «Марион». По его словам, *«летом экскаватор заставляли совершать длительные путешествия по стройке. Осенью «Марион» сделали паровым молотом, и он забивал шпунты. Зимой «Марион» заставили выполнять роль самовара на плотине и греть воду для горячей бетонировки. Весной «Марион» попал наконец в руки комсомольцев и, получив порядковый номер «двенадцать», направился к домнам».*

Сказка о «закрытой экономике»

Перечислять участие компаний из самых «недружественных стран» в создании советской индустрии можно почти бесконечно. Вот для чего никогда не был закрыт Советский Союз, так это для самых передовых технологий. «Железный занавес» — это про то, что советскому человеку нельзя было поехать на Запад просто так, чтобы там по улицам одному гулять, а только в составе группы. А вот что-то привезти в СССР да наладить производство — этого власть хотела больше всего.

Поэтому в 1920-е в СССР везли немецкие и шведские станки, ехали немецкие инженеры и французские конструкторы, в 1930-е поехали американские инженеры, конструкторы, архитекторы, даже и рабочие с американских заводов ехали в Союз и «везли с собой» конвейеры и машины. В первой половине 1940-х станки, машины, техника поступали по ленд-лизу из США, во второй половине — станки и технику везли из Германии по репарациям (еще и немецких инженеров и ученых привезли — физик Николаус Риль за атомный проект получил Сталинскую премию и звание Героя Соцтруда). В 1960–1970-е техника и технологии пошли из стран Восточной Европы, из Италии привезли автомобильный завод, техническое сотрудничество с ФРГ — особая тема, книги можно писать.

Так откуда же взялась у нынешних «проектировщиков будущего» мысль о каком-то небесном СССР, замкнувшемся в себе самом, сказка про то, что «мы своими силами все на свете»?

А вот, думаю, откуда. С «хозяйственных дворов», какие устроены были во многих сталинских лагерях.

«В некоторых лагерях у начальника был большой хозяйственный замах, да еще находил он инженера с фантазией — и в лагерной зоне вырастал могучий хоздвор, уже проводимый и по бумагам, уже с открытыми штатами и берущийся выполнять промышленные задания.

Но в плановое снабжение материалами и инструментами он втиснуться не мог, поэтому, не имея ничего, должен был делать все», — писал Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» (Часть третья, глава 22).

«Расскажем об одном хоздворе — кенгирского лагеря. О портняжной, скорняжной, переплетной, столярной и других подобных мастерских тут даже упоминать не будем, это пустяки. Кенгирский хоздвор имел свою литейку, свою слесарную мастерскую и даже — как раз в середине XX века — кустарно изготовил свой сверлильный и точильный станки!

Токарного, правда, сами сделать не смогли, но тут употреблен был лагерный лend-лиз: станок среди бела дня украли с производственного объекта. Устроено это было так: подогнали лагерный грузовик, дождались, когда начальник цеха ушел, — целой бригадой кинулись на станок, пересобачили его на грузовик, а тот легко прошел через вахту, потому что с охраной было договорено, — и с ходу завезли станок в лагерь, и всё!

И чего только не брался делать этот хоздвор! — не за все бы взялся и Крупп. Брались делать большие глиняные трубы для канализации. Ветряк. Соломорезки. Замки. Водяные насосы. Ремонтировать мясорубки. Сшивать трансмиссионные ремни. Чинить автоклавы для больницы. Точить сверла для трепанации черепа.

Да ведь чего не возьмется делать безвыходность! Проголодаешься — догадаешься.

Ведь если сказать: не сумеем, не сможем, — завтра погонят за зону. А в хоздворе намного вольготней: ни развода, ни ходьбы под конвоем, да и работать помедленней, да и себе что-то сделаешь. Больница за заказ расплачивается «освобождением» на два денька, кухня — «добавком», кто-то махоркой, а начальство еще и казенного хлеба подбросит...»

Вот те, кто поет сейчас про «закрытый СССР 2.0», просто перепевают на новый лад рассказы своих дедушек про то, какой у них в лагере был знатный «хозяйственный двор»! Вот так они себе и экономику страны представляют — лагерь, «хоздвор», а они в том лагере хозяева. А мы на том дворе чтобы работали на них, да и «на больницу» себе тоже сами промышляли.

Смогут ли повторить?

Итак, модернизация СССР была бы невозможна без западных технологий и машин. Но вопрос — а откуда средства на модернизацию взялись тогда? Действительно, на старте индустриализации доля накопления ВВП в СССР выросла с 13% в 1928 году до 30% в 1932-м — это был самый высокий на тот период уровень среди всех сколько-нибудь сопоставимых по масштабам экономик.

Откуда же взялся капитал в сталинском СССР? Ответ: нехватку капитала компенсировал труд, а точнее — экстремальное налогообложение потребления людей. Людям платили намного меньше, чем они зарабатывали, а товары были дороги. Но выбирать не приходилось — альтернативой работе за сравнительно небольшие деньги на заводе была почти бесплатная работа в колхозе. Неудивительно, что люди выбирали завод: если в 1928 году городское население составляло 28,1 млн человек, то в 1939-м — уже 54,7 млн. Экономисты называют это мобилизацией рабочей силы для промышленности — путем принудительного вытеснения ее из традиционной сферы занятий (в данном случае из сельского хозяйства).

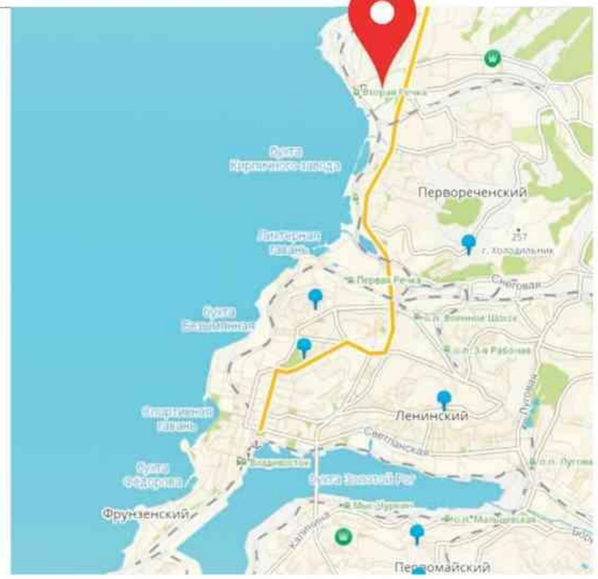
Проблема в том, что сыграть этой картой в истории можно только один раз. Как только избыточная рабочая сила, которую можно черпать из деревни, заканчивается — а в СССР это произошло в конце 1960-х годов, — так экономическая модель индустриализации — «берем работника из сектора с низкой производительностью труда (деревня), ставим в сектор с высокой производительностью труда (завод) и получаем рост экономики» — перестает работать.

Попытка построить «СССР 2.0» по лекалам сталинской модернизации уже невозможна — для этого в стране просто нет такого количества дешевых рабочих рук. Правда, «структурная трансформация экономики», о которой рассуждают власти, как раз и предполагает перемещение рабочей силы с высокопроизводительных рабочих мест с высокой оплатой на низкопроизводительные рабочие места с низкой оплатой, но в этом случае экономического роста ожидать не приходится — так, поддержание уже имеющегося. Элиты РФ продолжат купаться в роскоши, как они это делают сейчас, но экономического роста не будет.

Дмитрий ПРОКОФЬЕВ

НАШ БЮДЖЕТ МЕНЬШЕ АМЕРИКАНСКОГО, НО ВНЕБЮДЖЕТНЫЕ СРЕДСТВА — БОЛЬШЕ

А.К.М.

ВТОРАЯ РЕЧКА

МЫ ЗАПРОДАНЫ РЯБОМУ ЧЁРТУ НА ПЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ ВПЕРЁД

А пока поодиночке
к Чёрной речке их ведут.
Градский

В истории России, в истории мировой литературы есть две смертельные речки. Одна называется Чёрная, а вторая — просто Вторая.

* * *

«Мы запроданы рябому чёрту на три поколения вперёд». Рябой чёрт — это Сталин. А «запроданы на три поколения вперёд» — это пророчество 1930 года. Автор — Мандельштам.

Он ошибся. Минуло 92 года. Прошло четыре поколения, ещё немного — и будет пять. Обязательно будет. Популярность Сталина растёт, и всё новые обитатели РФ присягают на верность рябому чёрту.

Вот те пророческие слова:

Все произведения мировой литературы я делю на разрешённые и написанные без разрешения. Первые — это мразь, вторые — ворованный воздух. Писателям, которые пишут заранее разрешённые вещи, я хочу плевать в лицо, хочу бить их палкой по голове.

Этим писателям я запретил бы вступать в брак и иметь детей. Как могут они иметь детей — ведь дети должны за нас продолжить, за нас главнейшее досказать — в то время как отцы запроданы рябому чёрту на три поколения вперёд.

Мандельштам. Четвёртая проза. 1930.

Три поколения вперёд? — Мандельштам, конечно, понимал, что так долго Сталин не проживёт. Но писал он не о тиране. Сталин умрёт, а удушье, страх и душевное рабство останутся. Надежды тают, а ледяной панцирь растёт, обнуляя идеалы, законы, отравляя душу. С пелёнок.

Ребёнок рождается в мир, где атмосфера отравлена; для него это родной воздух, это наша родина, сынок.

В Антарктиде ледяной панцирь на десятки тысяч лет задавил всё живое, теперь сверкает белизной. Наш панцирь чёрный, мутный, он не сверкает, он поглощает всё, как чёрная дыра. В нём всё гаснет. Что там в чёрной дыре? Ничего. И уж точно там не нужны пронзительный ум, сомнения, высокие чувства. Там паучья глухота. Из чёрной дыры нет спасения, как из паутины.

...Считается, что Мандельштам погиб 27 декабря 1938-го. Для нас памятные даты — это очень удобно: знаем, в какой день скорбеть о смерти, в какой радоваться рождению. Но напрасно и наивно думать, будто кто-то в летейской стуже Большого террора точно зафиксировал смерть доходяги. Такие подыхали гурьбой и гуртом.

Мы не знаем дней рождения и смерти великих: Авраам, Ликург, Гомер, Эсхил... Даже год знаем неточно, а иногда сомневаемся: который век? Это никак не умаляет их величие и наше восхищение. Если читаем и понимаем. А иначе — отметили ДР гения (точнее, отметились) и дальше побежали, забыв о нём в ту же секунду. Так холодный профессиональный убийца по пути к месту работы крестится, проезжая, на каждую церковь и продолжает навинчивать глушитель, воцерковлённый господин.

В момент смерти человека мы понимаем, кого потеряли. Или в какой-то степени понимаем. Или вообще не понимаем, а поймут только потомки.

Две тысячи лет назад о распятом государственном преступнике горевали несколько человек. Сейчас в глазах двух с половиной миллиардов это главное событие истории.

Когда Мандельштам умер в ГУЛАГе, окружающие зэки и вохра, конечно, не понимали, что этот истощённый, старый (47 лет), беззубый фитиль кое-что значит в русской литературе и даже в мировой.

Мандельштам — из самых поразительных и дальнобойных достижений, завещанных нам русской духовной историей XX века. Его значение совсем не ограничивается рамками русской словесности. Скажем напрямик — общемировое явление. Никто так глубоко не понял русскую и европейскую историю. Поэтому ***о будущем можно не гадать, а с достоверностью читать*** *в написанном Мандельштамом.*

Академик Вяч. Вс. Иванов

В 1932 году Мандельштам в стихотворении «Ламарк» зафиксировал роковой поворот назад, точнее — спуск в немоту, в темноту.

Если всё живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.

Помарка — это ошибка, её зачёркивают. В данном случае зачёркивают всё живое.

Поэт идёт в обратную сторону: по лестнице эволюции вниз. От человека — к глазастым, но бездушным насекомым — к слепым червям — к одноклеточным.

...Мы прошли разряды насекомых
С наливными рюмочками глаз.
Он сказал: «Природа вся в разломах,
Зренья нет, — ты зришь в последний раз!»

Он сказал: «Довольно полнозвучья,
Ты напрасно Моцарта любил».
Наступает глухота паучья,
Здесь провал сильнее наших сил.

И от нас природа отступила
Так, как будто мы ей не нужны,
И продольный мозг она вложила,
Словно шпагу, в тёмные ножны...

Стихи требуют осмысления. Кто этот «Он», который говорит поэту «ты зришь в последний раз»? Кто говорит «довольно полнозвучья»? Если бы этот «Он» хоть раз попал в середину строки, мы бы сразу поняли смысл прописной буквы. Но оба раза «Он» — в начале строки; как хотите, так и понимайте.

«Он» отнимает слух, зрение; очевидно, и речь. Какая может быть речь у одноклеточных? Эта операция — прямо обратная той, великой, которую когда-то совершил шестикрылый Серафим.

Моих ценищ коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы...
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт...

Духовная жажда тоже исчезла, атрофировалась за ненадобностью. Если обитатели оглохли — к чему красноречие? Глухих не жгут глаголы.

Стихотворение «Ламарк» редко вспоминают. Грозное пророчество («наступает глухота паучья») скоро сбылось политически:

Мы живём, под собою не чуя страны.
Наши речи на десять шагов не слышны.

Казалось, страшнее сталинских лагерей ничего быть не может. И когда сталинизм рухнул (точнее, обветшал, зубы выпали), эти стихи стали читать в прошедшем времени — как памятник минувшей эпохе. А она не умерла, притворилась спящей, ждала и дождалась, и зубы вставила, и дорвалась. А про «Ламарка», про спуск к одноклеточным вообще забыли. Хотя смысл стихов 1932-го важнее и страшнее самоубийственных строк 1933-го про жирные пальцы кремлёвского горца.

Что такое «глухота паучья»? Это же написал поэт — значит, пророк. Значит, это прозрение. Что делает паук? Он обматывает паутиной, обездвиживает, выпивает кровь. В паутине висит, не шевелится бывшая муха, оболочка — всё на месте: крылья, ножки, глазки. Внутри она пустая.

Наступает или наступила? Человечек обмотан паутиной (всемирной), обездвижен. Всё на месте: ручки, ножки, глазки, голова. Внутри пусто. Под рукой Википедия — зачем что-то знать, если можно брать?

Когда придумали слово «интернет» — «всемирная паутина» — авторам, вероятно, нравился образ: изумительно тонкая невесомая невидимая сеть. Вряд ли они думали про хищное насекомое.

Темнота паучья. Бог, написано в Библии, создал свет. Тьму не создавал. Но глухой подвал — бункер — там полное отсутствие света, абсолютная тьма, созданная человеком.

Экраны, конечно, светятся. Это фосфоресцирует тьма; это свечение только притворяется светом.

Экраны (ирония и логика языка) экранируют нас от света. Внутри, в паутине, всё есть и все довольны. Там даже фильм «Матрица» есть. Почему бы не показать замотанным в паутину, как там спокойно живётся и что ждёт тех бунтовщиков, которые попытаются открыть глаза.

Смерть духа хуже смерти тела. Лучше быть съеденным червями, чем превратиться в червя.

Знаменитая Большая советская энциклопедия, 1954 год, 300 тысяч экземпляров. Мандельштама нет. Просто нет. Указано: «Второе издание» — то есть 300 тысяч напечатали вдобавок к первому. Такую просветительскую мощь сейчас даже трудно представить. И видишь, кто изъят из истории.

Они думали, что навечно изъяли Мандельштама из истории — эти тонкошеие руководители науки и культуры. Думали, что изъяли того, кого Бродский равняет со всей русской поэзией, а многие считают пророком.

Трёхтомный Энциклопедический словарь, 1955 год. 700 тысяч экземпляров. Нет Ахматовой, нет Мандельштама, нет Цветаевой. Два величайших поэта XX века остались без могил. Одна — где-то в Елабуге, другой — где-то под Владивостоком.

Величайшие русские поэты XX века в энциклопедию не попали. Но тогда, в 1950-х, они существовали в умах. А теперь в словарях и учебниках они появились, а из умов исчезли. Мой опрос в хороших московских школах показал: девятиклассники и десятиклассники на вопрос «кто такой Мандельштам?» отвечают поразному: «человек», «мебель», кто-то пишет «Мандельштами» и ставит прочерк. Они не знают героя.

«Мы живём, под собою не чуя страны» — это сознательный героизм. Поэт читал, а люди шарахались. Пастернак сказал: *«То, что Вы мне прочли, не имеет никакого отношения к литературе, поэзии. Это не литературный факт, но акт самоубийства. Вы мне ничего не читали, я ничего не слышал».*

Есть героизм импульсивный. Стихотворение «Смерть поэта» написано Лермонтовым в шоке от внезапной и трагической гибели Пушкина. Оно было с восторгом подхвачено всей мыслящей Россией. Люди переписывали, передавали друг другу и никто не делал большие глаза: «Вы мне этого не говорили, не давали. Я этого не слышал, не читал».

«Мы живём, под собою не чуя страны» — спокойное, безажитации, ни одного восклицательного знака. Вдохновение? — не обязательно; поэтических красот тут нет. Да они и не нужны в обвинительном приговоре.

Зато мысли обдуманы глубоко и подробно. Тому свидетельство не чьи-то мемуары, которые всегда находятся под подозрением в недостоверности. Свидетельство обдуманности (злонамеренности) — «Четвёртая проза» Мандельштама, написанная тремя годами прежде. Там вынесен приговор разрешённой писанине — то есть сверху одобренной литературе-макулатуре.

Дышать (писать и печататься) могут только правильные авторы. Мандельштаму пришлось воздух воровать. И довольно долго это ему как-то сходило с рук. В 1934-м его всего лишь отправили в ссылку.

Скажите это самому Булгакову, который умолял дорогого Иосифа Виссарионовича.

«Никогда ничего не просите» — это ж не Булгаков посоветовал, а Сатана, отец лжи, а образованщина повторяет как «Отче Наш».

Ещё одна красивая фраза дьявола: «Рукописи не горят». Это вы Гоголю скажите, когда найдёте вторую часть «Мёртвых душ». Пушкину скажите, когда найдёте X главу «Онегина». Эсхилу скажите, у которого из 90 трагедий уцелели шесть; и не факт, что лучшие.

Не горят? От Мандельштама осталась, дай бог, половина, и то в не очень-то достоверных записях вдовы «по памяти».

Не горят? Это вы народу майя скажите, от огромной литературы которого не осталось вообще ничего.

Болезни, голод, постоянный страх — об этом его письма, воспоминания жены. Довольно будет процитировать три письма: брату и Чуковскому.

Мандельштам — брату Евгению.
8 января 1936-го.
Чтобы остаться на свободе, я последнее время просил милостыню.

Мандельштам — Чуковскому.
Начало 1937-го.

Ни у меня, ни у моей жены нет больше сил длить этот ужас... Я поставлен в положение собаки, пса (*Булгаков в письме Сталину назвал себя волком.* — **А. М.**)**. У меня есть только право умереть. Меня и жену толкают на самоубийство. Есть только один человек в мире, к которому по этому делу можно и должно обратиться.** (Мандельштам уговаривал Чуковского и других написать письмо Сталину. Только Хозяин решал, кому жить, кому умереть. Как и сейчас.)

Кроме таких писем есть и другое свидетельство, быть может, не менее красноречивое, хотя и безмолвное, бессловесное.

Две пары тюремных фотографий — как положено: анфас и в профиль.

1934. Гордый взгляд, руки сложены на груди — жест высокомерный по отношению к тюремщикам, к веку-волкодаву.

1938. Потухло всё, руки по швам. Верхних зубов, похоже, нет. Доломали. Как не впасть в отчаянье при виде всего, что совершается дома (Тургенев).

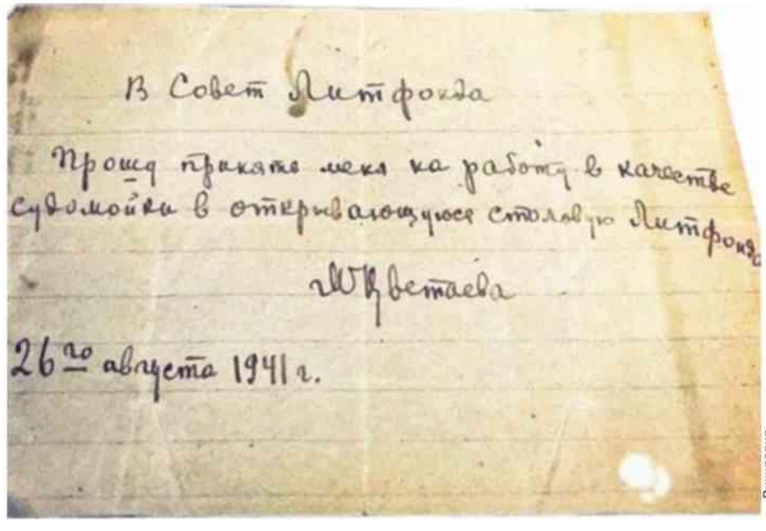
Когда именем великого кесаря-императора римские воины распинали нищего бродягу, ни сами воины, ни их геройский комдив-прокуратор, ни сам растленный, насквозь гнилой Верховный Главнокомандующий и вообразить не могли, что каждое слово бродяги станет вечным, а от них не останется ни звука, лишь паучья глухота.

Теперь опять её черёд.

* * *

Прославим, братья, сумерки свободы.
Великий сумеречный год!.
Прославим власти сумрачное бремя,
Её невыносимый гнёт.
В ком сердце есть —
тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идёт...

Ну что ж, попробуем:
огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.
Земля плывёт. Мужайтесь, мужи,
Как плугом, океан деля.
Мы будем помнить и в летейской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля.
1918

Википедия

26 августа 1941 Цветаева обратилась в Совет Литфонда: *«Прошу принять меня на работу в качестве судомойки...»* Литфонд отказал. К тому моменту у Цветаевой муж расстрелян, дочь в тюрьме. 31 августа она повесилась. Могила неизвестна

Пошляки пишут: мол, Сталин пощадил поэта, распорядился «изолировать, но сохранить». Многие тогда (в том числе сам Мандельштам с женой) сочли это чудом. Но это была изощрённая пытка: голодом, бездомностью, постоянным страхом. От этого чуда он скоро выбросился из окна, а его письма...

* * *

Сожжена X песнь.
Пушкин

Пишешь о Мандельштаме, а приходится воевать с пошляками. С теми, кто бездумно повторяет красивые фразы. Имя им легион.

«Никогда и ничего не просите! Сами предложат и сами всё дадут!» — повторяет «интеллигенция», подхватывающая удачные словечки, красивые фразы и десятилетиями «общаясь» шаблонными блоками.

«Никогда ничего не просить»? — это вы Мандельштаму скажите, его жене, обивающей пороги важных партийных и литературных господ.

Это вы Пушкину скажите, который бесконечно и униженно просил дорогого Александра Христофоровича.

Это вы Цветаевой скажите, которая просила место судомойки (и не получила).

Дорогой Корней Иванович, я обращаюсь к Вам с весьма серьёзной для меня просьбой: ***не могли бы прислать мне сколько-нибудь денег?*** (*Курсив его.* — **А. М.**) **Только одно ещё: если не можете помочь — телеграфируйте отказ. Ждать и надеяться слишком мучительно.**

Мандельштам — Чуковскому.
Начало 1937-го.

Ни у меня, ни у моей жены нет больше сил длить этот ужас... Я поставлен в положение собаки, пса (*Булгаков в письме Сталину назвал себя волком.* — **А. М.**)**. У меня есть только право умереть. Меня и жену толкают на самоубийство. Есть только один человек в мире, к которому по этому делу можно и должно обратиться.** (Мандельштам уговаривал Чуковского и других написать письмо Сталину. Только Хозяин решал, кому жить, кому умереть. Как и сейчас.)

Мудрые комментаторы толкуют это стихотворение как «Мандельштам принял революцию». Видят первое слово «прославим», а в конце дата «1918» — вот, мол, пылкое одобрение.

Но это **«прославим»** — не хвала. Это горькое и гордое прощание с жизнью. Образец такого прощания у Мандельштама был.

У русских поэтов Пушкин в крови; в мозгу само звучит знаменитое *«Восславим царствие Чумы!»* — но разве это радость? Всюду на улицах трупы; и пир во время чумы — просто чтобы не хныкать, не бежать (ибо некуда).

Сумерки свободы — какое уж тут прославление? За сумерками идёт неотвратимая ночь. Приветствовать её — как надевать чистую рубаху перед смертельным боем: не капитуляция, а мужество.

В ком сердце есть —
тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идёт...

Кроме таких писем есть и другое свидетельство, быть может, не менее красноречивое, хотя и безмолвное, бессловесное.

Две пары тюремных фотографий — как положено: анфас и в профиль.

1934. Гордый взгляд, руки сложены на груди — жест высокомерный по отношению к тюремщикам, к веку-волкодаву.

1938. Потухло всё, руки по швам. Верхних зубов, похоже, нет. Доломали. Как не впасть в отчаянье при виде всего, что совершается дома (Тургенев).

Когда именем великого кесаря-императора римские воины распинали нищего бродягу, ни сами воины, ни их геройский комдив-прокуратор, ни сам растленный, насквозь гнилой Верховный Главнокомандующий и вообразить не могли, что каждое слово бродяги станет вечным, а от них не останется ни звука, лишь паучья глухота.

Теперь опять её черёд.

* * *

Прославим, братья, сумерки свободы.
Великий сумеречный год!.
Прославим власти сумрачное бремя,
Её невыносимый гнёт.
В ком сердце есть —
тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идёт...

Ну что ж, попробуем:
огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.
Земля плывёт. Мужайтесь, мужи,
Как плугом, океан деля.
Мы будем помнить и в летейской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля.

Заплатили небесами и думаете, что приобрели весь мир? Что толку, если человек приобретёт весь мир, а душу свою потеряет?

Они плывут в летейскую стужу. На том берегу Леты — царство мёртвых. *«Будем помнить»*? Оглянитесь: кто всё ещё что-нибудь помнит? Переплывшие Лету теряют память. Потерять память — потерять способность понимать происходящее, а прошлого не знать.

Сумерки свободы — прямой (и самоубийственный) ответ на радостные (и лживые) крики восторга о Заре Свободы. Сказать в лицо беспощадным трубадурам зари: «Нет, ночь идёт!» — вот бесстрашие.

Заодно и строгая оценка исторического события: все небеса (все десять, если их десять) отданы (проданы) за землю. Все высоты духа проданы (преданы) за земное (за 30 сребреников) — за власть, дворцы и неограниченную ничем возможность творить зло, которое, конечно, удобнее делать ночью — в темноте, где светятся только экраны в бункере.

«Мы живём, под собою не чуя страны» — судьба страны. «Ламарк» — судьба человечества.

Лета — не Лена, не в Сибири течёт, а в подземном царстве, в аду. Туда ссылают бессрочно. Вот за этот ледяной берег и было заплачено небом, всеми небесами сразу.

«Мандельштам принял революцию» — лживая фраза. Её придумали литературоведы в штатском, и вот уже почти 100 лет повторяют этот штамп. Мандельштам принял революцию, Ахматова приняла революцию... Сократ цикуту принял — разве ликуя? Про человека говорят: «мужественно принял приговор» (приговор суда или приговор врача — не важно).

Сумерки свободы — это восход или закат? Скажите кому-нибудь «сумерки свободы», и каждый решит, что свобода кончается. А если она всё же «восходит», то, может быть, это какая-то другая свобода? Как раз тогда исходила «свобода от химеры совести», свобода убивать миллионы просто так: потому что мешают, потому что они лишние. А совесть — реальный зверь. Если грызёт, а тебе не больно, — значит, ты труп бесчувственный.

«Мы живем, под собою не чуя страны» — поэтически заурядное стихотворение, а политически — слабое. Там же нет протестов против тирании, нет воззваний и обещаний типа *«товарищ, верь! взойдёт она, звезда пленительного счастья и на обломках самовластья напишут наши имена!»*. Там никакого будущего нет вообще. Что же есть? Только вызов.

Мандельштам вызвал Сталина на дуэль. Эти стихи — намеренное оскорбление. Оскорбительные «жирные пальцы, тараканьи усы»... Он знал, как оскорбительно это прозвучит для властителя, который свои усы холил, лелеял, любил и гордился. Вызвал и — погиб на Второй речке.

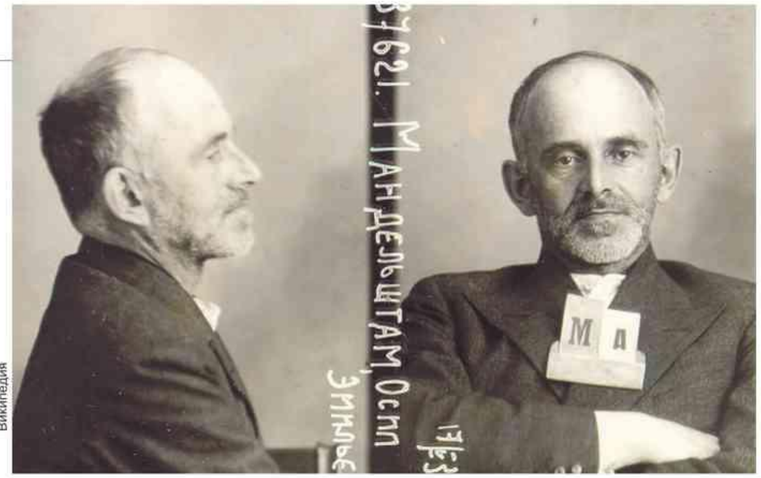
Забывают, что Пушкин вызвал на дуэль не Дантеса, а Геккерна — посла голландского короля, представителя коронованной особы. Вызывая Геккерна (а не кавалергарда), Пушкин перешёл на максимально возможный уровень.

Вызвать на дуэль властелина — ничего выше быть не может. А поскольку победа исключается, значит, это способ самоубийства. Мандельштам это понимал. Его вдова и Ахматова в своих воспоминаниях пишут, что после этого стихотворения он знал, что смерть неизбежна, и постоянно повторял: «К смерти я готов».

А в комнате опального поэта
Дежурят страх и муза свой черёд.
И ночь идёт, которая не ведает рассвета.

Продолжение материала
Александра МИНКИНА —
СТРАНИЦА 54 ⇨

СТРАНИЦЫ 52-53

Первый арест — май 1934-го

Википедия

ВТОРАЯ РЕЧКА

Ахматова написала это о Мандельштаме, отом, как он по ночам ждёт ареста. И она оказалась права: для него эта ночь не кончилась.

Назвать жестоким — сделать тирану комплимент. Сказать про жирные пальцы — выразить омерзение. Брезгливое омерзение.

Ещё одно обстоятельство делало вызов Пушкина невозможным и потому демонстративно скандальным. Письмо Геккерну написано абсолютно недопустимым языком. Все, кто его читал, отзывались именно как о безобразном, шокирующем, непристойном.

Эта непристойность сознательно была выбрана Пушкиным для того, чтобы полностью исключить всякие и чьи-либо попытки мирного урегулирования.

Мандельштам сделал точно это: перевёл конфликт из литературно-издательского мира на максимально высокий уровень и — сделал это в непристойном стиле.

С ноября 1934-го до второго ареста Мандельштам жил в ожидании неминуемой смерти.

И всю ночь напролёт жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Так продолжалось почти четыре года. Для людей дверная цепочка — защита, для него — кандалы, значит, он в тюрьме, а свобода — издевательский призрак.

Со дня первого ареста началась смерть. Смерть растянулась на полторы тысячи дней. Две пары тюремных фото показывают разницу между живым и мёртвым.

О стихотворении донесли сразу. Товарищ Сталин мог казнить Мандельштама немедленно. Но это значило бы показать, что он чувствует себя задетым, оскорблённым. Разве может червяк оскорбить властелина? А ещё т. Сталин точно знал, что чувствительный подонок отныне будет ежеминутно чувствовать у себя на горле жирные пальцы.

Власть отвратительна, как руки брадобрея? Как пальцы! Не плечи, не локти, а именно жирные скользкие пальцы берут тебя за лицо... Приговор т. Сталина, предшествующий первому аресту: изолировать, но сохранить — в точности как у Киплинга в «Балладе о царской милости».

Он был каменьями побит
на свалке в час зари,
Согласно писаным словам:
«Чтоб был он жив, смотри».

Сталин побивание камнями (мучительную казнь) растянул на годы. В балладе Киплинга шах говорит оскорбителю: «Ты будешь милости просить и в муках звать меня». Так и вышло. В 1937 году Мандельштам надломился, сел к столу, взял бумагу, карандаш и начал просить милости — сочинять «Оду» Сталину: *«Когда б я уголь взял для высшей похвалы»*.

Не вышло. Не смог написать «высшую похвалу», а только предположил, что было бы, если. Да и «уголь» — какое-то мучение: не грифель, не перо; видно, как раздавленный гений продолжает извиваться, червяк.

Мы недаром здесь поминали Эсхила. В «Оде» Сталину есть важная строка: *Гляди, Эсхил, как я, рисуя, плачу.*

«Ода» Сталину — поэтическая катастрофа. Сломленный Мандельштам попытался, изо всех сил попытался спастись — воспеть кремлёвского горца; авось пощадит.

Вдова в мемуарах рассказала: «Это был единственный в жизни случай: Мандельштам, сочиняя стихи, обычно бродил из угла в угол, мычал, что-то записывал на обрывках. А тут отточил карандаши, сел за стол, положил чистые листы...»

М. Гаспаров (знаменитый признанный авторитет) пишет про «Оду»: это, мол, искренняя хвала. Ага, в 1937-м Мандельштам полюбил кровавого таракана, ещё раз принял революцию (цикуту). Эдип, всё поняв, выколол себе глаза — принял слепоту.

Читаем «Оду» дальше: *«Я б воздух расчертил на хитрые углы/ И осторожно, и тревожно»*. Осторожность, хитрость, тревога — это что ли праздник, ликование? Или — «шевеля кандалами цепочек дверных»?

Первая строфа «Оды» кончается так: *«Гляди, Эсхил, как я, рисуя, плачу»*.

Если верить Гаспарову, если верить, будто Мандельштам искренне воспел Сталина, то, вероятно, поэт плачет от радости. Только вот обращается он при этом к Отцу трагедии.

Выше античной трагедии в литературе нет ничего. А выше Эсхила — никого.

В античной трагедии победа героя заранее и полностью исключена.

У Чехова герой воюет с домашними, с роднёй. У Пушкина — с завистниками, с рыцарями. У Шекспира — с королём, с высшей властью. В античной трагедии герой воюет с Судьбой. Обречён. Мандельштам эту свою роль сознавал.

Первый арест — в ночь на 17 мая 1934-го. Второй арест — в ночь на 2 мая 1938-го. По-вашему, четыре года свободы? Кошка четыре года играла мышкой.

Летейская стужа — не крещенская забава: макнулся в прорубь и пошёл водку пить. Летейская стужа — минус 273 градуса, абсолютный ноль. Ад.

Знаменитая «Колыбель для кошки» Воннегута, там описан конец света. Учёный придумал «Лёд-9». Стоит крошечной частице Льда-9 попасть в воду (реку, море, водопровод) — вся вода на планете мгновенно становится льдом, люди становятся ледяными манекенами.

Книжка издана на всех языках миллионами экземпляров, но нигде не встречалось объяснения: почему «Лёд-9», а не 3, не 7, не 13?

Потому что Дант! Девятый круг, там даже Сатана вмёрз навечно. У Мандельштама всюду Дант, а не Данте. Для Мандельштама Дант — гонг, не флейта. Пример такого восприятия, такого отношения у Мандельштама был: «Суровый Дант не презирал сонета» (Пушкин). Для Мандельштама Дант — высочайший образец (см. «Разговор о Данте»).

В круге первом тепло. В девятом круге, на самом дне ада, ледяное озеро Коцит, посредине, в самом центре Вселенной, — вмёрзший в лёд Люцифер, верховный дьявол, терзает в своих трёх пастях самых чёрных грешников (предателей).

Трудно понять, как греки и итальянцы (жители тёплых стран) тысячи лет назад додумались до ледяного ада, не побывав на Колыме.

...Это был лагерь на Дальнем Востоке, назывался «Вторая речка». Для гибели русского поэта символичнее места не найти. Первая речка называлась Чёрная, а вторая — просто Вторая.

Второй арест — май 1938-го

Википедия

Мандельштам — брату Александру. Октябрь 1938-го.

Дорогой Шура! Я нахожусь — Владивосток, УСВИТЛ, 11 барак. Здоровье очень слабое, истощён до крайности, неузнаваем почти, но посылать вещи, продукты и деньги — не знаю, есть ли смысл. Попробуйте всё-таки, очень мёрзну без вещей.

Больше писем не было.

Александр МИНКИН

Газетный вариант. Полностью текст будет опубликован на сайте «Новые медиа».

С ЧЕМ И КЕМ РАСПРОЩАЛСЯ ТЕАТР В УХОДЯЩЕМ ГОДУ

Перед вами афиши спектаклей, которых уже нет, которые приостановлены на неопределенный срок. И на которых еще стоят имена их авторов. Ряд работ и ряд имен теперь изъяли/выжгли из репертуара. Например, петербургского хореографа Ильи Живого. Ни балетов, ни опер, в постановке которых он принимал участие, ни личной страницы на сайте; Мариинский театр под управлением Валерия Гергиева, похоже, чемпион по числу новых афиш. Или вспомним историю с молодым режиссером из Новосибирска Полиной Кардымон и ее сказкой, растоптанной «общественностью»...

Театр сейчас учится жить и выживать заново. В новых обстоятельствах. В новых условиях. И со многим, к чему привык, в уходящем году он распрощался.

Прежде всего — со свободой выбора. Репертуара и постановщика. Теперь где и в чем угодно могут усмотреть крамолу, опасную интерпретацию, а приглашая режиссера, прочесывают его соцсети: вдруг брякнул не то и не успел «потереть». В Министерство культуры на ковер теперь вызывают всех «федералов»: худруки проходят экзамен по репертуару. Неугодное настоятельно рекомендуют не планировать, без обсуждения, в командной манере.

Распрощался с жизнью без страха. В театрах боятся за своих актеров, за свои места, за гибель своего спектакля, разрушенного отъездами или мобилизацией. Боятся обрушения репертуара и всего театрального здания.

Театр распрощался с правом не отвечать на доносы. Доносчики востребованы. Они алчно обшаривают репертуар и премьеры, пишут в Минкульт, Минобр и АП одновременно, жалуются на оскорбление их тонких чувств, приписывают спектаклям и постановщикам невообразимое. Стучат анонимно и публично в своих телеграм-каналах. Требуют снять, запретить, распять. Правил нет. Есть вонь кострового дыма средневековья.

Театр распрощался с надеждой на уважение. Расцвет произвола местных царьков вроде губернатора Петербурга Беглова, воюющих с «ересью» всякого рода, выслуживающихся напоказ, раскачивает гастроли, пробивает бреши в программе фестивалей. Недавно в Нижнем Новгороде устроили скандал вокруг народной артистки Лии Ахеджаковой. Причина — антивоенная позиция 84-летней актрисы.

Театр простился с ощущением минимальной предсказуемости жизни. Расцвет неуправляемых властных реакций, не имеющих ничего общего со смыслом, культурой, крушит последнюю почище пресловутой «культуры отмены».

Наконец, самое горькое: театр распрощался с единством театрального поля, солидарностью. Люди театра разделены не только границами, но и разностью позиций. И на сцене, и за кулисами.

Один из самых влиятельных философов XX века Мартин Хайдеггер в работе «Петь — зачем?» писал о том, что «во времена мировой ночи нужно испытать и выдержать бездонность мира. И для этого необходимо, чтобы были такие, которые спустились в бездну». Мировая ночь — вот она, вокруг. И бездна дышит все слышнее. Но нельзя бросать своего зрителя в темноте. И «хорошие», и «плохие» люди театра работают, чтобы не дать стереть искусство.

Потому что верят, что прав был чеховский статский советник Сорин, сказавший на рубеже самого кровавого в русской истории века: «...без театра нельзя».

Так было. И так будет снова.

Марина ТОКАРЕВА

XINHUA NEWS AGENCY / PA IMAGES

ЗНАК НЕСОГЛАСИЯ

МОЛЧАНИЕ КАК СПОСОБ СОПРОТИВЛЕНИЯ, ИЛИ ПОЧЕМУ МИР АПЛОДИРОВАЛ ФУТБОЛИСТАМ СБОРНОЙ ИРАНА

СВОБОДА — ЭТО ПРОСТРАНСТВО, ОГРАНИЧЕННОЕ ЗАКОНАМИ. ВОЛЯ ОГРАНИЧЕНА ТОЛЬКО СОВЕСТЬЮ
А.К.М.

Вряд ли кто запомнил хоть одну фамилию игрока нынешней сборной Ирана. Но все запомнили, как суровые бородатые мужики даже не попытались подпеть национальному гимну во время предстартовой церемонии первого для иранцев матча на футбольном чемпионате мира в Катаре. Играть предстояло с англичанами, Англия — в числе главных врагов Ирана, но застарелая вражда была тут ни при чем. Вообще ни при чем, даже с учетом того, что сборная Ирана попала в группу еще и с США (врагом номер два) и Уэльсом, который в футболе — отдельный, а все одно Великобритания.

ФИФА не стала перед апрельской жеребьевкой финальной стадии учитывать все подводные камни, в результате, как многим казалось, образовалась самая «взрывоопасная» из всех возможных вариантов группа. Катару как стране-организатору следовало быть настороже и предпринять все необходимые меры в целях пресечения возможных нефутбольных провокаций. Но никто до сентября 2022-го и предполагать не мог, что тема политического противостояния с условным Западом будет стремительно уходить на второй план из-за того, что за несколько недель Иран оказался на грани гражданской войны после гибели 22-летней Махсы Амини.

Приехавшая в середине сентября в Тегеран из провинции Курдистан вместе с братом Махса была задержана сотрудниками полиции нравов возле станции метро за «неправильное ношение хиджаба» и препровождена в участок «для разъяснительной беседы». Родные увидели ее находящейся в коме с травмой головы уже в больнице, где она и скончалась спустя двое суток. Свидетели говорили, что избивать Махсу начали уже в автозаке, власти оправдывали смерть девушки болезнью сердца и даже выдали заключение о том, что меры физического воздействия к девушке не применялись, и продемонстрировали ролик с ее обмороком и падением в участке. Но было уже поздно: неуклюжим, а где-то даже оправдывающим насилие издевательским заявлениям не поверили родные, народный гнев выплеснулся сначала на улицы родного города Амини Секкеза, после чего заполыхало по всей стране. К началу чемпионата мира число погибших в ходе массовых беспорядков, затронувших практически все провинции и 30 городов, перевалило за 400 человек, количество арестованных приближалось к 18 тысячам, и ни один иранец, где бы он ни жил и чем бы ни занимался, не мог сказать, что это его не волнует.

Собственно, протестное движение против жесткой внутренней политики фундаменталистов, пришедших к власти в результате революции 1979-го года и свержения монархии, не прекращалось несколько десятков лет. Резкий отказ от либерального прозападного курса шаха Пехлеви устраивал значительную часть народа, но привел к фактической изоляции страны, а по мере того как сильнее сверху закручивались гайки ревнителями исламских устоев — к ужесточению внутреннего противостояния.

Обоснованная традиционными духовными ценностями борьба с нарушителями устоев, возведенная в ранг государственной политики при помощи репрессивного аппарата, — верный путь к погрому на всех уровнях социума, это не один Иран проходил и проходит. Сами «традиционные ценности» как оплот не просто нравственности, а идентичности нации могут легко превращаться в орудие борьбы с инакомыслием — среди охранителей всегда найдутся радикалы, стремящиеся к абсолюту. А если они на самом верху, то страна неминуемо будет раскалываться и без всякого чужеземного влияния.

Едва ли не сильнее всего раскол в Иране ощущается по линии рамок женской свободы. Прекрасному полу обязательное ношение хиджаба в публичных местах в Исламской Республике Иран было предписано в начале 80-х; в середине нулевых, помимо общественного контроля и усилий полиции, появилась необходимость создать спецподразделение, следящее за правильным дресс-кодом, но количество нарушительниц и разного рода протестных явлений, несмотря на аресты и избиения, только увеличивалось. Не все сводится к одежде, тут целый клубок проблем, ну вот для примера — женщин на футбольный матч в качестве зрительниц впервые допустили в 2019 году. Специального запрещающего закона нет, но по-прежнему «сектор Ж» появляется на стадионах в редчайших случаях. Вроде бы мелочь, но...

Не вдаваясь в подробности внутрииранского противостояния — любая страна вправе строить свою жизнь с учетом традиций, менталитета, истории. Мир разный и сложный, под одну гребенку его не причесать, проявления «разности» со стороны могут казаться абсурдными и даже неприемлемыми с точки зрения поборников демократии и прогресса, но единой столбовой дороги у человечества нет. Я не про крайности, я про особенности и про то, что можно примириться со многим, кроме одного — убивать человека за то, что он идет не в ногу, мыслит не так или одет не по регламенту, недопустимо. Людоедство во имя идентичности остается людоедством. Охранители достали, Иран восстал, власть быстро нашла виновных, «оседлавших» протестную волну — в лице США, Израиля и их «агентов» внутри страны, под эту лавочку попали и спортсмены, прежде всего футболисты, потому что к ним особое отношение.

Иранцы — нация спортивная, и футбольная прежде всего. Знаменитые игроки — фигуры публичные, некоторые из них не теряют популярности и после завершения карьеры. Отдельных лидеров общественного мнения власти записали если не во враги режима, то в категорию неблагонадежных задолго до событий сентября 1922-го. Экс-капитан сборной Ирана, лучший футболист Азии начала столетия Али Карими последовательно выступал против политики режима, а когда его назначили лидером оппозиции, обвинили в подстрекательстве беспорядков, арестовали недвижимость и запретили СМИ даже имя его упоминать, петицию «Я поддерживаю Али Карими» подписало более миллиона иранцев.

Карими живет в Дубае, а вот до недавнего времени лучшему бомбардиру в играх за сборные команды Али Даеи (149 матчей, 109 голов — только год назад его догнал и обошел Криштиану Роналду) повезло меньше. Задержали его за пост в соцсетях, в котором Даеи никого на баррикады не гнал, но после эмоционального «что вы сделали со страной?» обратился к властям с призывом решать проблемы народа, а не навешивать на людей ярлык бунтовщиков и лицемеров. Свою позицию Даеи объяснил максимально обезоруживающе: «Я не просто известная личность, я член общества. Если я вижу, что люди страдают, если есть проблемы — я выскажусь, чтобы их голоса были услышаны». После того как арестованный в Секкезе Даеи пропал с радаров, высказывалось даже предположение, что ему грозит смертная казнь, но вроде обошлось. Список известных пострадавших футболистов двумя именами не ограничивается.

ТАСС
Али Карими

В то время как на улицах городов женщины жгли платки, а мужчины — автомобили, когда косяком шли жесткие задержания со стрельбой и гибли люди, когда эхо событий отзывалось во всем мире, а свою солидарность с народом Ирана демонстрировали и политики, и медийные личности, и простые люди, действующие футболисты иранских команд должны были выходить на поле и делать вид, будто ничего не происходит. Они не смогли, транслируя свои чувства то знаками, то показательной сдержанностью. Ладонь, прижатая к губам после забитого гола, стала одним из способов выразить свое отношение к происходящему, подобные проявления получили название «траурные празднования», а фраза «никто не может быть счастлив» стала крылатой.

В самом трудном положении оказались игроки сборной Ирана. Они всегда были в фокусе внимания не только публики, но и спецслужб, потому что сборная Ирана в силу закрытости общества и внешнего давления — в определенной степени открытое миру лицо страны, и оно, по мысли властей, должно быть безупречным. Верховный правитель Ирана Али Хаменеи как-то очень жестко и исчерпывающе высказался о медийных «несогласных» футболистах: «Некоторые люди, которые пользуются миром и безопасностью в стране, наслаждаются работой и любимым спортом, кусают руку, которая их кормит». Если бы дело ограничивалось публичным осуждением «заблудших», еще ничего, но ведь диапазон воздействия на инакомыслящих в нынешнем Иране разнообразен — от исключения из медийного поля до выдавливания в эмиграцию, от лишения работы до смертной казни.

> ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ПОСЛЕ ТОГО КАК СБОРНАЯ ИРАНА ЗАВЕРШИЛА СВОЙ ПУТЬ НА ЧЕМПИОНАТЕ МИРА, ВЛАСТИ ИРАНА РАСПУСТИЛИ «ПОЛИЦИЮ НРАВОВ» И ОБЕЩАЛИ ПЕРЕСМОТРЕТЬ ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ ЗАКОН О ХИДЖАБЕ

Сборная Ирана на момент решающего этапа подготовки к финальной части чемпионата мира была 20-й командой мирового рейтинга — это очень высокий показатель. Полтора десятка твердых кандидатов на поездку в Катар играют за рубежом — в Испании, Нидерландах, Англии, Германии, Греции, Турции. Для каждого игрока возможность выступить на чемпионате мира — главное событие в карьере, и все, что может этому помешать, должно быть исключено хотя бы на время.

Их даже не ставили перед выбором — они и сами должны были все понимать.

Википедия
Али Даеи

Они же знали, что проще соответствовать словам одного из влиятельных офицеров Корпуса стражей исламской революции, который отозвался о футболистах как о «бесполезных людях», которые ничего не понимают в политике, обществе и религии, а также в «моральных исламских принципах». То есть игрокам периодически указывали на их место, при том что некоторые из них не просто любимцы болельщиков, а гордость нации.

На футболистов сборной давили не только сверху, но и снизу — наиболее радикально настроенные болельщики призывали их четче проявить солидарность с бунтующим народом. Сборная перед стартом чемпионата мира оказалась зажатой между двух огней, и конкретный выбор той или другой стороны грозил или потерей репутации, или отлучением от футбола, не говоря о чем-то худшем. Тем не менее некоторые из них высказались. Основной нападающий команды Сердар Азмун, несколько лет игравший за питерский «Зенит», а ныне выступающий за леверкузенский «Байер», обратился к властям следующим образом: «Позор вам за то, как вы легко убиваете людей...» И добавил: «Если за это меня исключат из сборной, то эта жертва не стоит одного волоса с головы иранской женщины». «Сердце мое разбито», — вслед за Азмуном могли повторить не все, но многие его партнеры.

Власти тоже оказались перед выбором: или принимать меры, или оставить все как есть, тем более что заявка была уже оформлена. В случае жесткого решения Иран запросто могли лишить права участвовать в чемпионате мира — почва для этого была уже хорошо подготовлена обращениями ряда стран. Ситуация на момент старта оказалась наэлектризованной до предела.

Не знаю, было ли какое-нибудь совместное обсуждение ситуации футболистами, но игроки стартового состава определенно знали, как они себя поведут во время исполнения гимна Ирана. Они молчали. Все.

Никаким регламентом не предписано, что футболисты в случае наличия у гимна слов должны их пропевать. Просто в случае с Ираном это было до матча с Англией само собой разумеющимся. Та часть трибуны стадиона «Халифа», где сидели иранские болельщики, сразу все поняла: гимн освистывали, футболистам аплодировали. Через несколько секунд к аплодисментам подключились остальные болельщики.

Zuma \ TASS
Сердар Азмун

Пятый или шестой вариант гимна за историю иранской государственности, принятый после революции 1979 года, носит отчетливо выраженный религиозный оттенок, слова простые, но както они не легли на душу футболистам в тот момент, когда «никто не может быть счастлив». У оппозиции был уже свой гимн, написанный в первые дни протестов певцом Шервином Хаджипуром. Певца арестовали «за подстрекательство к насильственным действиям», но выпустили под залог, песня о том, из-за чего люди вышли на улицы и за что они борются, ушла в народ и в мир, одна из строк стала мемом — «за женщин, жизнь, свободу» — и мгновенно оказалась на майках.

ФИФА категорически запрещает использование на матчах атрибутики и лозунгов политического характера. Тут придраться было не к чему, но история этим закончиться не могла. Далеко не всем в Иране подобная демонстрация солидарности понравилась, к тому же внутренне подавленные футболисты разгромно проиграли англичанам, так что работа для Корпуса стражей исламской революции нашлась быстро. Как его сотрудники воспитывали футболистов сборной, доподлинно неизвестно. По одной из версий, игрокам запретили в любых формах поддерживать политические акции под страхом угроз близким. Такой аргумент действует посильнее, чем угрозы непосредственным участникам.

Ко второй встрече с участием сборной Ирана «протестных» маек и «альтернативных» флагов старого образца стало больше, но больше стало и «нормальных» болельщиков, спешно прилетевших из Тегерана для поддержки государственных символов — а заодно и для вразумления «попавших на западную удочку» соотечественников. Хозяевам чемпионата только не хватало маленькой иранской гражданской войны, но как-то обошлось: футболисты обозначили, что поют гимн, обыграли Уэльс, чем уменьшили градус противостояния как на трибунах, так и за их пределами. Власти Ирана отметили победу над Уэльсом тем, что отпустили из тюрем 700 заключенных, но обольщаться достигнутым никто не торопился.

Перед принципиальнейшим для Ирана матчем со сборной США и во время него, когда решалась судьба путевки в плей-офф, «неправильные» оппозиционные флаги и майки с лозунгом изымались стюардами незамедлительно, в том числе и на трибунах. Гимну футболисты не подпевали, а только едва шевелили губами, но никто не мог бросить в них камень за то, что они боролись без отдачи, — непосредственно футбол оказался беспримесно честным. То, как победившие американцы утешали проигравших иранцев после финального свистка, вошло в список самых памятных эпизодов чемпионата мира в Катаре. То, что превзошедшие числом иранские государственники гоняли после матча соотечественников-оппозиционеров, вошло в список самых позорных эпизодов.

Главный тренер сборной Ирана португалец Карлуш Кейруш, намекнувший на помешавшие его игрокам нефутбольные проблемы, подал в отставку сразу после окончания матча. Наверное, проблемы действительно помешали. Но ставшее знаковым «молчание достоинства» футболистов сборной Ирана я бы расценил даже не как акт политической демонстрации, а как акт высокого гуманизма и солидарности. Футбол может быть вне политики, но он не может быть вне человечности, что достаточно ясно выразили игроки сборной Ирана. Знавшие, чем рискуют.

Их поступок имел свои достаточно неожиданные последствия. Не он один, конечно, но он был на виду у всего мира, что имеет значение. Через несколько дней после того как сборная Ирана завершила свой путь на чемпионате мира, власти Ирана распустили «полицию нравов» и обещали пересмотреть так называемый закон о хиджабе. Может, это был только маневр режима, но показателен сам факт — на уступки охранители во власти до этого не шли никогда.

Еще до начала чемпионата мира, отвечая на вопрос об отношении к происходящим в стране событиям, иранский форвард Мехди Тареми сказал, что он, как и тысячи других людей, не может ни на что повлиять.

Он ошибался.

Владимир МОЗГОВОЙ

ПРЕЖНИЕ ЛЮДИ

100 ЛЕТ (ПОЧТИ) ЗАКОНУ О ЛИШЕНЦАХ И 10 ЛЕТ ЗАКОНУ ОБ ИНОАГЕНТАХ. ВСЕ СОВПАДЕНИЯ СЛУЧАЙНЫ

В декабре вступил в силу новый закон об иноагентах. Теперь у нас есть просто граждане и граждане токсичные, контакт с коими чреват. Вспоминайте, что мы прежде читали о дискриминации, да и, наверное, сегрегации на Западе. Впрочем, у нас есть и свой опыт лишения гражданских прав отдельных групп — исконный, посконный.

28 октября в красноярском музейном центре «Площадь мира», крупнейшем за Уралом музее и площадке современного искусства (бывшем Музее Ленина), открылась выставка о лишенцах. Сделали ее председатель Красноярского «Мемориала» (его нет в реестре иноагентов, но это один из коллективных членов Международного «Мемориала», признанного государством иноагентом и ликвидированного) Алексей Бабий и художник «Площади мира» Вадим Марьясов.

Как тогда, в 20-х годах прошлого века, начиналось с ерунды – подумаешь, лишение избирательных прав, — так и сейчас эти пятничные вечера с обновлением списка иноагентов и с дальнейшим поздравлением виновников мало кому кажутся трагедией. Вроде основной массы не касается и вообще не конец света. Но это воронка. Сто лет назад она начала закручиваться и втянула миллионы.

Лишение избирательных прав

Лишение избирательных прав не принято считать ущемлением прав и свобод: мол, я тоже никуда не избираюсь и голосовать не хожу, какая же это репрессия?

Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» также не относит лишение избирательных прав к политическим репрессиям.

На самом деле лишение избирательных прав влекло за собой ущемление прав и свобод, влекло права на жизнь, приносило страдание миллионам людей. В городе лишенцы были обречены на безработицу, а в деревне — на разорение и высылку.

Списки лишенных избирательных прав в городах вывешивались прямо на избирательных участках.

А деревенские были в рукописном виде

До 1927 года списки лишенных избирательных прав были небольшими.

В деревнях они умещались на один лист, там часто была одна-две фамилии.

Потом списки стали многостраничными, или занимали несколько листов размером с газету.

Бывшие

До 1927 г. избирательным правом не могли пользоваться в основном «бывшие»:

бывшие офицеры и служащие полиции, торговцы и владельцы предприятий. И, конечно, служители культа, как в прошлом, так и в настоящем.

Это был вполне обычный «люстрационный» процесс, основанный на классовом подходе.

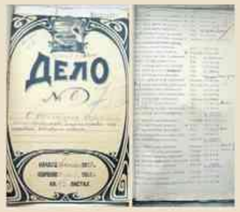
Поражались в правах также люди, живущие на «нетрудовые доходы» и применяющие наёмную силу, но с важным уточнением: «с целью извлечения прибыли», т.е. к ним не относились крестьяне, использующие в своем хозяйстве наёмный труд как подсобный.

Точечная. Лишенцы. Ком. 1920-е – нач. 1930-х гг.

В Сибири среди «бывших» было много колчаковских милиционеров, представителей колчаковской власти, колчаковских «дружинников», да и просто солдат колчаковской армии.

Районные избирательные комиссии вели отдельные списки «бывших» на основе сведений, переданных ОГПУ (6/6 — бывший белый, чин. В.В. — чиновник в белой армии, б/б оф. — бывший белый офицер).

Эти люди не только не могли избирать и быть избранными. Их старались не принимать на работу и увольняли в первую очередь («засорение аппарата лишенцами» грозило начальникам наказанием).

В некоторых учреждениях лишенцам запрещалось работать вообще — например, на железной дороге.

Они не могли «занимать ответственные должности, получать пенсию и пособие по безработице, вступать в профсоюзы.

Это касалось не только лишенцев, но и членов их семей. Дети не имели права поступать в высшие и среднеспециальные учебные заведения. Им давали продвигаться по социальной лестнице только вниз.

Городские лишенцы

С 1927 основной причиной лишения стали «нетрудовые доходы», которые трактовались очень широко.

Сдача комнаты в аренду, торговля на барахолке (даже разовая) стали криминальным занятием.

Кустари-одиночки не имели права нанимать помощников. Даже если лишенца не облагали индивидуальным налогом, в городе лишение избирательных прав было, по сути, «волчьим билетом». Такому человеку было трудно устроиться на работу, а при любых сокращениях и чистках он был одним из первых кандидатов.

Из заявления лишенного избирательных прав:

«Но мне надо что то кушать а чтобы кушать надо работать а что бы работать надо иметь право а потому убедительно прошу дать мне право голоса чтобы меня не уволили из сторожей или бы по крайней мере дети бы не так гнушались»

Большинство городских лишенцев — люди, выброшенные за борт, в том числе и бывшие «кулаки».

Они пытаются как-то выжить, занимаясь кустарным промыслом, торгуя пирожками или серой, семечками, квасом, самодельным мороженым, сдавая комнату жильцам, — всё это советская власть приравнивала к преступлению и лишала за это избирательных прав, а значит, последних возможностей поддерживать существование, поскольку с таким клеймом уже почти никуда не брали.

Приручение голодом — опробованный метод советской власти. Отсюда — и тон писем этих людей, сломленных, потерянных.

Действительно в июне месяце 1934 года я имел нужду и не имея на что существовать выпес на рынок в гор. Анжеск 4 печатки с"экономленого мною мыла, 2 ф. сала и 2 ф. маса. Эти продукты я продавал для того что бы купить себе хлеба и с ними был задержан вот и вся моя спекуляция. Я наложу, что при наличии продажи столь незначительного количества продуктов случайно и всего один раз спекулянтом быть не могу и лишен я Избирательных прав в силу этого за спекуляцию неосновательно.

Тылоополченцы

Лишенцы, достигшие совершеннолетия, призывались в армию, но не проходили военной подготовки. Их оформляли в так называемое тыловое ополчение и сдавали их «в аренду» другим наркоматам для выполнения строительных и прочих работ.

Вместо красноармейской книжки им выдавалось свидетельство тылоополченцам обидной формулировкой «лишен права защищать СССР с оружием в руках».

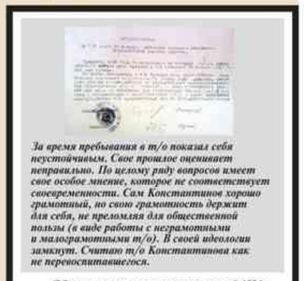
Формулировка была обидной, поскольку служба в армии была тогда почётным делом, да и семья красноармейца имела различные льготы.

По сути, тылоополченцы находились в тех же условиях, что и заключённые в лагере.

Это была бесплатная рабочая сила, которую можно было бросать на тяжелую работу.

После отмены лишения избирательных прав в 1936 году тылоополчение преобразовалось в строительные войска РККА, потом в трудармию, а потом в печально знаменитый стройбат.

За время пребывания в т/о показал себя неустойчивым. Свое прошлое оценивает неправильно. По целому ряду вопросов имеет свое особое мнение, которое не соответствует своевременности. Сам Константинов хорошо грамотный, но свою грамотность держит для себя, не проявляя для общественной пользы (в виде работы с неграмотными и малограмотными т/о). В своей идеологии замкнут. Считаю т/о Константинова как не перевоспитавшегося.

Обследование, проведенное весной 1931 г., показало, что в Прокопьевске и Анжерке формирования располагаются в тяжелых условиях, в сырых и построенных на скорую руку бараках.

О питании прокопьевских тылоополченцев говорилось: «В то время как вольнонаемные рабочие имеют мясной суп, на второе котлеты и на третье сладкое, тылоополченцы получают суп из капусты, на второе картофель с рыбой»

Адмссыльные

Советская власть практиковала множество видов ограничения права проживания — «минуса»,

т.е. запрет жить в определённых городах, высылка, ссылка (срочная, вечная, повторная, послелагерная и т.п.).

Ссылка широко применялась не только по политическим статьям, но и по общеуголовным, в том числе «за спекуляцию»: например, в учётной карточке лишенца было написано «адмссылка из Москвы на 3 года за продажу одного кротового пальто заграничного образца»

В разных районах учёт высланных велся по-разному. Например, в Енисейском районе для политических ссыльных и для административных существовали отдельные списки, тогда как во многих других районах все ссыльные учитывались как «адмссыльные», хотя среди них были и явно «политические».

ГОЛОДЕЦ Моисей Гилярдович (Михаил Григорьевич).

Род. в 1897 в м. Озаричи Бобруйского у. Минской губ. Еврей, в 1917–1919 гг. студент Петроградского политехнического института, активный участник революции и гражданской войны. Инструктор в аппарате ЦК ВКП(б).

Арестован 10.02.1928. Осужден на 3 года ссылки. Проживал в г. Ачинск.

Лишен избирательных прав в 1928 как административновысланный.

20.12.28 вместе с Баркиным И., Волковыской М., Козловым, Левиным Л.И., Мелнайсом К., Мильманом, Черняком Я., Шафиковым, Юдиным Р., подписал протест против лишения их избирательных прав.

Вновь арестован в г. Самарканд 29.04.1935.

Особым совещанием при НКВД СССР 4.11.1935 осужден за «контрреволюционную деятельность» на 3 года ИТЛ.

Отбывал наказание в Севвостлаге (Колыма).

Тройкой УНКВД по Дальстрою 5.09.1937 приговорен за «контрреволюционную троцкистскую деятельность» к высшей мере наказания.

Расстрелян 22.09.1937

Социальный лифт

Избирательных прав лишался не только глава семьи, но и все совершеннолетние члены семьи. Это приводило к драмам в семье. Дети отказывались от родителей, жёны от мужей. Для восстановления в правах об отказе надо было заявить публично, через газету.

Я, гражданин деревни Карба дын, Березовск. района, Сянь ваю связь с родными—лишен цем Петроченко Кононом Его ровичем, который лишен пра на голоса за эксплоатацию чу ого труда.

Считаю, что мне с ним не по пути, так как он враг Совет скому государству.

Р. Саньков.

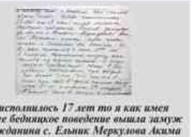

Я, гр-ин дер. Темра, Ужурско го р., Марьясов Петр Кононо вич, порываю всякую связь с ни виду, Марьясовой Урж. П., как кулачкой—лишенкой.

МАРЬЯСОВ П.К.

ПОТЕРЯЛАСЬ КОРОВА бойка с бу рыми пятнами, отмоленный рог на 2 см., сторжал кончик хвоста. Нашла-

Девушки из бедных семей, казалось бы, выгодно вышедшие замуж за зажиточных, вдруг превращались в изгоев — социальный лифт стремительно летел вниз.

Когда исполнилось 17 лет то я как имея хорошее бедняцкое поведение вышла замуж за гражданина с. Ельник Меркулова Акима Михеевича каковой лишен права голоса и выселен на выселок. Но я как прожила с ним 10ть лет в плохом настроении жизни как нелюб из бедного класса и с ним порвала жительскую связь в Березовском райисполкоме при отделе Зап. Актов Граж. Сост.

Прошу разобрать свое заявление в том что я в настоящее время являюсь сын отца лишенца право голоса. Но я не хочу быть врагом советской власти как мой отец, и я хочу быть полезным работником прошу я вас чтобы восстановили голоса я в несовершенных годах, мне всего 15 лет и у меня нет терпение что я есть враг советской власти прошу, прошу, прошу я вас чтобы установили мне голоса.

Нетрудовые доходы

С 1927 г. избирательных прав стали лишать за «нетрудовые доходы»:

применение наёмного труда, владение производством (мельница, маслобойка и даже сепаратор), торговля скотом и сельскохозяйственной продукцией, сдача в аренду помещений и даже квартир и сельскохозяйственной техники «лица, занимающие окружающее население путём систематического предоставления в пользование имеющихся у них сельскохозяйственных машин, скота и проч.»

Лишение прав часто производилось задним числом — например, за наличие батраков в 1926 году, когда это не было криминалом и даже существовала официальная биржа труда — батрачемы, за сдачу квартиры в этом же году, хотя тогда это вполне позволялось, и т.д.

Хозяйство Соловьева Н подвержено под индивидуальным обложением Дербинским с/с за спекуляцию медом начиная с 20 г по 30 г за эксплуатацию батраков, как поденно так и постоянно <…> а также за эксплуатацию фотографического аппарата.

«…я в том же году была приговорена нарсудом Абанского района за продажу своей коровы к лишению свободы на 2 года и высылке на 3 года».

«Справка
Дана настоящая в том что гр-ин д. Гоголевка Фролов Василий Николаевич действительно продавал сало, покупая для этого свиней и выкармливая на сало за что и лишен избирправ».

«Заявление на Б.
что он действительно сплоататор чужого труда с 16 года мы бедняки Канарайского сел-совета тоже работали за бутылку самагона ден работат нас 5 чилавек работали зачеверть самагона в 1 ден и еще работали за пут пшаницы 2 дня 1918-го».

Из решения бедняцкого собрания:

«…эксплоатируют бедноту и середняцество чрез посредство с/хоз машин и имеючи машину шерстосеялку которая дает ему доход»

Индивидуальный налог

Лишенные избирательных прав должны были платить индивидуальный налог, который в был в разы, а то и на порядок выше обычного ЕСХН (Единый сельскохозяйственный налог).

Либо крестьянин его выплачивал — и разорялся. Обычно он не мог его выплатить, и хозяйство изымали в уплату налога, а сам хозяин отправлялся в лагерь как злостный неплательщик налогов.

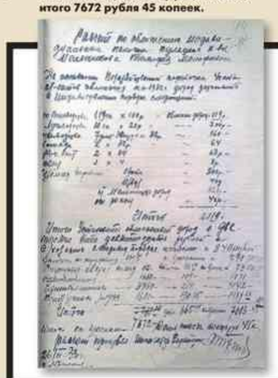
Единый сельскохозяйственный налог рассчитывался по единым правилам исходя из количества крупного рогатого скота, лошадей, пашни, покосов и т.д.

При индивидуальном налоге включались повышающие коэффициенты — в два, четыре, а то и десять раз. Например, если в ЕСХН лошадь «стоила» 8 рублей, то при индивидуальном налоге — уже 16, гектар покоса вместо 10 рублей — 20, и так далее.

Крестьянин Тимофей Мельников из Енисейского района уплатил ЕСХН:

139 рублей 30 копеек. Плюс страховка, самообложение, единовременная выплата и культсбор – итого 665 рублей 55 копеек.

Однако ему вменили задним числом индивидуальный налог 840 рублей, плюс страховка, самообложение, единовременная выплата и культсбор с повышающими коэффициентами, итого 7672 рубля 45 копеек.

Одобрительный приговор

Считается, что бедняки активно участвовали в раскулачивании.

Реальная картина, которая видна в фондах лишенных избирательных прав в районных архивах, совсем другая: бедняков нужно отличать от «актива бедноты». «Активистов», судя по протоколам их собраний, в селе обычно насчитывалось меньше десятка.

Бедняков было намного больше.

«Актив бедноты действительно принимал непосредственное участие в раскулачивании. Бедняки — наоборот, как правило, защищали лишенцев.

Прошу Сивакова Дмитрая Тавариш впечетвиники. Прашу вас дайте мне справку Так как вы знаити какой я ест кулак ближе исплоатор выже знаите что умеля работников небыла также врабатния чужие работа всам прашу вас буте добры дайте мне справку.

Коллективное письмо называлось «Одобрительный приговор» или «Одобрение», или «Приговор», или «Отзыв», или просто «Справка». Они встречаются в личных делах лишенцев довольно часто. Власть эти обращения игнорировала, но сам факт солидарности крестьян очень важен.

«Тов. прокурору Канского района 1930 г. Июня 26 дня мы нижеподписавшиеся гр-не дер. Крутой ручей Абанского района Канского округа Покровского с/с даем настоящее одобрение гр-ну дер. Крутой ручей Новосельскому Ларюну Максимовичу в том что Новосельцев против власти никогда неимел и проживал все время окуратно неимел никакой исплотации окромя которой имел треть предприятия водяной мельницы которую он передал добровольно. А поетому мы гражд. Деревни Крутой ручей проживать Новосельскому вашиен деревне неподражаем пра своей мирные жити. В чем и подписуюсь неграмотные (подписи)».

Судьбы

При раскулачивании наиболее грамотная и трудолюбивая часть крестьянства была репрессирована.

Результатом был масштабный голод.

Выселяемым семьям разрешалось оставлять малолетних детей на попечения родственников.

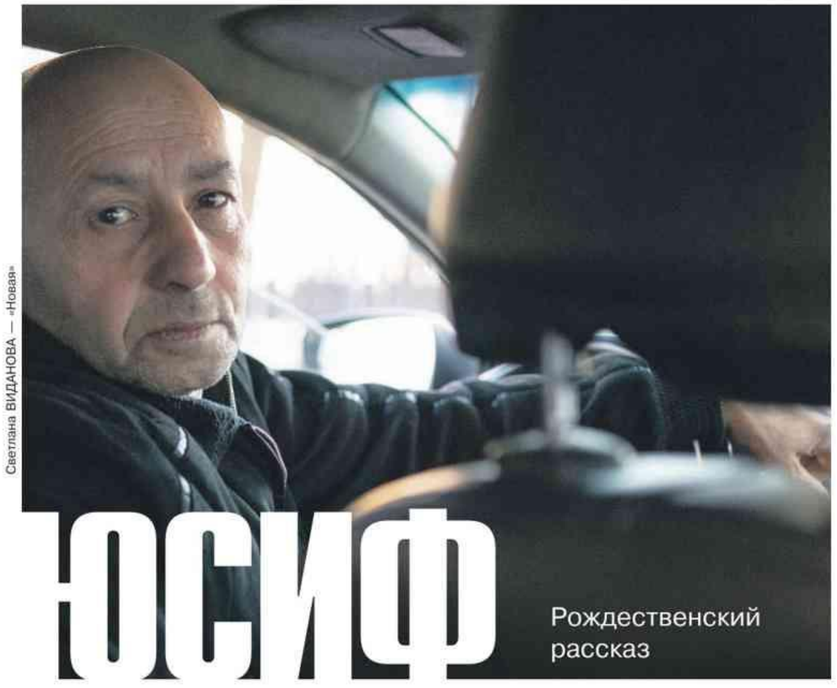
Подписка.

1932 г. Июня 29 дня я нижеподписавшаяся Нестерова Варвара Тихоновна даю настоящую подписку Б-Ильбинскому сельсовету в том что я Нестерова Варвара направлюсь в ссылку а своих детей — сына Макара 5 лет доч Антонида 8 лет передаю своему сыну гр д. Б-Ильбин Созонову Венедикту и свою очередь и гр д. Б-Ильбин Созонов Венедикт беру к себе детей моей матери Нестеровой Макара и Антонину которых обязуюсь содержать на свои средства на добровольных началах я чем и даю настоящую подписку.

1933 год.
Умирающие от голода на улицах Харькова.

ЗЛО ДЕЛАЕТСЯ САМО СОБОЙ. А ДОБРО СПЕЦИАЛЬНО
А.К.М.

Светлана ВИДАНОВА — «Новая»

ЮСИФ

Рождественский рассказ

Все проблемы этого мира начинаются сразу после того, как тебя назовут в нем своим именем. Назвали коровой — придется давать молоко. Самолетом — торчать в Домодедово и Абакане. Титаником — погибать, но с музыкой. Ростиславом — улучшать продажи и лечиться от зависимостей. Иваном — просить счастья у щук. Айседорой — плясать босой и знаться с пьющими поэтами. Так заведено и так было с самого начала времен. В конце же времен все проблемы мира начинаются, когда тебе не дают, а проверяют твое имя.

— Сергей Александрович? — так обычно звучит теперь воля небес. Высшие силы говорят именно таким вот немного уставшим, но уверенным голосом и всегда звонят с незнакомых номеров. — Сергей Александрович, можете говорить?

— Есть у меня такой дар. Но я всегда сомневаюсь, от вас ли он мне достался.

— В каком смысле? Это из ГАИ. Сергей Александрович, у вас в собственности имеется автомашина Saab?

— Вон оно что. Знаете, это не повод для шуток. Ну и что, что Saab больше не производят? ГАИ тоже давно уже нет.

— Это остроумно. Вы могли бы посмотреть в окошко?

— Могу. Но мне не хотелось бы, если честно. В последнее время это не приносит мне вообще никакого удовольствия.

— Тогда спуститесь, пожалуйста, во двор. У вас ведь двор на улице Никулинской, верно? Там произошло ДТП с вашей автомашиной Saab, виновник ждет, вы с ним тогда оформите европротокол, хорошо?

— А вы в какое окошко смотрите? Вы у меня уже дома, что ли? Правильно я понимаю?

— А вы где сейчас находитесь, Сергей Александрович?

— Я на земле, среди людей.

— Вам долго оттуда ехать?

— Вообще я думал задержаться тут на подольше, но если так надо, дайте мне хотя бы час.

— А, конечно, не проблема. Виновник подождет. Вы, главное, подъезжайте.

Черт. Черт. Черт! Что все это может значить? Коды пластиковых карточек я никому не называю. В социальных сетях не состою. Возраст — ну как мне пока еще кажется — уже не призывной. В автосервисе меня давно убедили, что ключи от машины Saab можно спокойно класть на капот — никто не позарится на чужое слабоумие. Но тогда что это — ГАИ, виновник, выходите во двор... Что вообще происходит на этом свете? Я на всякий случай посмотрел в окошко своего кабинета. Темнеет уже рано, скоро настоящая зима.

Придется, видимо, ехать домой. Грабят меня, видимо, или как? Ну грабят — хорошо, взять там особенно нечего. Но через пару часов с работы вернется дочь. Я позвонил ей на всякий случай. Сказал: слушай-ка, тут, блин, странная история. Звонят какие-то люди, верно называют адрес, просят спуститься к машине, якобы авария, я поеду сейчас, разберусь, но ты на всякий случай сохрани телефон, с которого мне звонили.

— Какой случай?

— Всякий. Сейчас вообще каждый случай — всякий, других уже не делают. Ты новости читаешь?

— Может, ты не поедешь?

— В смысле? И где мне тогда жить?

— Главное — не где, а в принципе. В принципе, человек везде привыкает.

— Слушай, ну привыкать к работе я точно не хочу. Есть у тебя телефон соседки? Я позвоню, попрошу хоть посмотреть, что там творится у квартиры. Засада, может быть, не знаю. Полиция. Войска.

— Я бы не стала ей звонить. Нет, ну у нее милая эта собачка с бантиком. Это забавно. Но что она там думает обо всем этом, я не представляю.

— Собачка?

— Собачка-то точно на стороне темных сил. Она все время лает.

— Ладно, я буду вести себя как хорошая собачка. Я буду красться молча. Разнюхаю в темноте, что хотя бы с машиной. Если связи со мной не будет, звони мне на работу, там разберутся.

Когда я прокрался между помойкой и собачьей площадкой к припаркованной машине, было совсем уже темно. Поразительно, сколько во мне было трусости и коварства. Я старался казаться одновременно мирным жителем окраин, только что купившим в «Перекрестке» пиво и ананас, и персонажем шпионского блокбастера, спасающего мир при помощи дьявольской наблюдательности и немотивированной жестокости. Saab стоял на месте, как обычно, — грязный, никем не тронутый и красивый, как ненужная тоска по прежнему, всеми оставленному миру. Не было никаких следов ни злодеяния, ни тех, кто его совершил или только еще замыслил.

Я отошел подальше от фонарей и закурил. Странно. Оказывается, это отличная привычка как раз для эпохи Апокалипсиса. За последние 12 лет я не сделал ни одной затяжки, а тут вдруг снова начал курить, причем много и с удовольствием. Может быть, от избытка никотина мне стало в последнее время казаться, что наступает настоящая тьма. Причем наступает она не из-за грехов, лжи, глупости и преступлений против света, а потому, что только в темноте абсолютно все становится правдой. И сила этой тьмы так абсолютна, что преодолеть ее может одна только неправда, нелепость, нечто, во что в принципе невозможно даже и поверить.

Я достал из кармана телефон, набрал неизвестный номер.

— Слушайте, вот вы мне звонили по поводу ДТП с автомашиной Saab.

— А. Да-да! Вы уже подъехали?

— Что-то в этом роде. А где виновный?

— Его, что ли, нет? Так вы позвоните ему, я вам сейчас скину номер на вотсап.

Какое-то время никто не отвечал.

— Алло? — голос показался мне знакомым. Почему-то я сразу понял, что много раз уже слышал его, просто совсем по другому поводу.

— Мне сказали, что было ДТП во дворе с машиной Saab.

— Ой, брат, это ты?! Здесь стою! Понимаешь, женщина здесь шла с коляской, я так раз в бок немножко, ребенок же, чик, мне вообще ничего, веришь, машина хорошая, а тебе поцарапал бампер и крыло, там немножко, брат. Приезжай, шесть часов тебя жду. Здесь стою. Хорошо, тут грузины, у них кафе, я поел немножко, воду пью, у меня диабет, в туалет к ним хожу. Хотел тебе бумажку класть под стекло, но снег пошел. Думаю, смоет номер телефона, что ты будешь искать, где меня найдешь? Я ребятам звонил, они говорят надо ГАИ, этот ГАИ не шевелится, пока он там что. А здесь стою уже день был. Шесть часов стою, приезжай, если можешь, прошу.

— Вы ведь таксист?

— Таксист, брат! Здесь стою, прямо перед твоей машиной, там чик-чик, елеле. Мне вообще ничего, тебе как быть, приезжай?

Я дошел до машины. Перед ней действительно стояло темное такси. Я постучал в стекло. Он вышел. В возрасте. Худой. Светлое, радостное лицо.

— Шесть часов?

Я посмотрел на бампер и крыло. Там светлело несколько пустяковых царапин.

— Брат, все сделаем. Я звонил ребятам, за ночь покрасим, завтра будешь счастливый человек.

— А почему вы просто не уехали?

Он замер. С изумлением посмотрел на меня своими карими глазами.

— Как уехал?

— Ну по дороге. Домой.

Он вздохнул. Положил мне руку на плечо.

— Брат. Мне кажется, ты бы расстроился, если я уехал.

— Как вас зовут?

— Юсиф.

— Юсиф, я позвоню вам завтра, можно? Сегодня я уже точно не расстроюсь.

— Брат, звони всегда. Каждый день. Любые проблемы. Все тебе решим. Спасибо, что приехал. Не грусти.

В лифте я вспомнил, как хотел однажды написать сценарий странного телесериала про то, как Бог работает водителем в московском такси и из-за того, что не слишком понимает по-русски, поговорить с ним, как всегда, почти невозможно, а просьбы исполняются только как надо, а не так, как обычно хочется. Сценарий я так и не написал, но, возможно, кстати, потому, что такой Бог еще просто не родился. «Юсиф», — подумал я. Точно! Юсиф, это же вроде как Иосиф.

Сергей МОСТОВЩИКОВ

P.S. ***Машину мне покрасили в поселке с названием Развилка в каком-то подпольном гараже. Красил человек по имени Туран. Он вообще не говорил по-русски, только улыбался. Красил, видимо, чем-то вроде лака для ногтей. Но так, мне кажется, даже красивее.***

СМОТРИ В ОБА

Что смотреть на Новый год

Ирина ПЕТРОВСКАЯ

Пространство YouTube столь обширно и разнообразно, что ориентироваться в нем не так-то просто — всегда есть шанс пропустить самое интересное, актуальное, важное, полезное. Впереди долгие новогодние каникулы, и у наших читателей есть шанс восполнить пробелы в знаниях или посмотреть новые выпуски популярных каналов. Мои рекомендации вам в помощь.

КАНАЛ «ДОЖДЬ»*
трансляции на YouTube. Новости, специальные репортажи, Fake News.

«ЖИВОЙ ГВОЗДЬ» (б. «Эхо Москвы»).
Новости, беседы с гостями, тематические программы, прямая связь с аудиторией.

«СКАЖИ ГОРДЕЕВОЙ»
Авторский канал Катерины Гордеевой*. Интервью. Документальное кино.

«ВДУДЬ»
Авторский канал Юрия Дудя*. Интервью. Документальные фильмы.

«А ПОГОВОРИТЬ?»
Авторский канал Ирины Шихман*. Интервью.

«РУССКИЕ НОРМ»
Авторский канал Елизаветы Осетинской*. Интервью.

«РЕДАКЦИЯ». КАНАЛ АЛЕКСЕЯ ПИВОВАРОВА*
Новости. Специальные репортажи. Фильмы. Интервью.

«И ГРЯНУЛ ГРЭМ»
Авторский канал Вадима Родионова (Латвия). Актуальные интервью.

«ОСТОРОЖНО: СОБЧАК»
Авторский канал Ксении Собчак. Обзоры новостей, интервью, документальные расследования.

«РАДИО ДОЛИН»
Авторский канал кинокритика Антона Долина*. Всё о кино.

«ДОМ КУЛЬТУРЫ»
Авторский канал кинорежиссера Юрия Мамина об искусстве.

TAMARA EIDELMAN
Просветительский канал педагога и историка Тамары Эйдельман*.

«ЗОМБОЯЩИК» ИЛЬИ ШЕПЕЛИНА НА КАНАЛЕ «ПОПУЛЯРНАЯ ПОЛИТИКА»
Разоблачение пропаганды.

«ТНЕ ЛЮДИ»
Тревел-канал Антона Лядова о том, как люди живут в самых экзотических уголках страны и мира.

«ЧЕЛОВЕК БЕЗ ТЕЛЕВИЗОРА»
Программа Ксении Лариной и Ирины Петровской на канале «Хочу сказать». Еженедельный анализ и обзор телевидения и ютуба, ответы на вопросы зрителей в прямом эфире, рекомендации.

«КраСава»
Авторский канал бывшего футболиста, спортивного журналиста и лучшего футбольного блогера Евгения Савина.

* *Внесены Минюстом РФ в реестр иноагентов.*

В МАГАЗИНЕ «НОВОЙ ГАЗЕТЫ» НОВОГОДНЯЯ РАСПРОДАЖА И ПРЕМЬЕРА АУКЦИОНА РЕЛИКВИЙ ИЗ АНТИКВАРНОГО ОТДЕЛА

МЕРЧИ ПРИЛЕТЕЛИ!

Магазин «Новой газеты» открывает антикварный отдел! Каждая вещь в нем уникальна, поэтому продаваться будет не по стандартному ценнику, а на условиях аукциона. Участвовать можно с 23 по 27 декабря прямо на сайте нашего магазина. Заходите, выбирайте лот и предлагайте свою цену! А выбрать тут есть из чего!
novayagazeta.shop

Первый номер «Новой газеты»

Да-да, тот самый выпуск от 1 апреля 1993 года, тираж которого привезли в редакцию. Почему? Да потому, что молодой коллектив знал, как сделать хорошую газету, но как-то упустил из виду, что ее нужно распространять, что она не приезжает из типографии прямо в киоски...
Но за почти 30 лет первых номеров в редакции осталось всего два, и один из них вы можете приобрести.

Стартовая цена —

25 000 рублей

Фото Михаила Горбачева с автографом Юрия Роста

Главная утрата 2022 года — уход из жизни Михаила Горбачева, первого президента СССР, человека, подарившего нам всем 30 лет жизни без угрозы ядерной войны. Михаил Сергеевич был акционером и добрым другом «Новой газеты». Таким его и поймал в объектив Юрий Рост.

Стартовая цена легендарного снимка с автографом автора (то есть оригинала) —

50 000 рублей

Пишущая машинка из редакционного музея

Весной 1993 года, когда готовился к выпуску первый номер «Новой газеты», наш стартап уже обзавелся первыми компьютерами. Но некоторым коллегам было привычнее писать тексты на пишущих машинках. Одна из них сохранилась в музее «Новой». И теперь вы можете ее купить.

Стартовая цена —

25 000 рублей

Клюшка Марио Лемье из коллекции Дмитрия Муратова

Один из величайших игроков современности, двукратный обладатель Кубка Стэнли, чемпион мира и победитель Олимпийских игр по хоккею держал эту клюшку в руках. Более того — она была создана специально для его рук, о чем сообщает фабричная маркировка. Все артефакты Лемье дороги, но клюшка из коллекции главного редактора «Новой газеты» и лауреата Нобелевской премии мира ценна вдвойне. С продажи клюшки Валерия Харламова из этой коллекции началась (и после благополучно завершилась) история спасения мальчика Тимура и других детей со СМА, которым теперь помогает специальный фонд «Круг добра».
Второй такой клюшки, которая принадлежала бы сразу двум выдающимся мужчинам, не существует.

Поэтому ее стартовая цена —

100 000 рублей

Щит «Забрало»

Сергей Мостовщиков и художники из артели «Физраствор» придумали, как превратить инвентарь репрессий в объект современного искусства. Щит не бутафорский — он был в употреблении людей с запотевшими забралами. А теперь может стать вашим.

Стартовая цена —

100 000 рублей

4 товара из нашего магазина, на которые мы в канун Нового года делаем роскошную скидку в **-23%**

А также наш традиционный сюрприз

«Коты в мешках»

Традиционный сюрприз от «Новой газеты». Что внутри, мы не расскажем, но можете поверить нам на слово, ведь мы называем вещи своими именами!

3 333 рубля

Футболка «Делай как надо!»

Это любимая новинка Дмитрия Муратова. Как он написал соучастникам, «вместо покорного «Делай как должно, и пусть будет что будет» — «Делай как надо — и будет как надо!». Предлагаю считать эпиграфом к следующему году».

~~4 000~~

3 080 рублей

«Набор Судного дня»

Ядерная катастрофа перестала быть исключительно сюжетом фантастических фильмов. Мы очень надеемся, что вам никогда не понадобятся противогаз и дозиметр. Но пусть они у вас будут!

~~20 000~~

15 400 рублей

Чехол «Слушайте, а не прослушивайте!»

С виду он похож на обычный чехол для телефона. Но его внутренняя часть выполнена из специального материала, который поглощает высокочастотные волны, блокируя радио- и электромагнитные частоты. В таком чехле мобильный телефон полностью теряет сотовую связь и благодаря этому надежно защищает вас от несанкционированного доступа к вашему телефону и перехвату конфиденциальной информации через сети Wi-Fi, GSM и 3G. Право на частную жизнь не дают, его берут. Еще и со скидкой!

~~3 500~~

2 695 рублей

Котоколлекция

Кто-то считает наступающий год «заячьим», а кто-то — «кошачьим». Но на наших кружках, брелоках, магнитах и значках совершенно точно живут «Два кота» авторства Петра Саруханова. Разбирайте!

~~1 500~~

1 155 рублей

КАК УСТРОЕНА ПРОПАГАНДА

СТРАНИЦЫ 8–11

Соловьев с Киселевым не придумали ничего нового: зачем портить то, что эффективно работает уже 200 лет

НОВЫЙ ГОД НАДО ВСТРЕЧАТЬ ДОМА

СТРАНИЦЫ 26–31

Просто дом теперь — там. Журналисты «Новой» — о грустном празднике и своем опыте вынужденной эмиграции

НА БИС! ИЗБРАННОЕ ИЗ «НОВОЙ ГАЗЕТЫ» ЗА 30 ЛЕТ

ПОЧТИ ВЕЗДЕ

В следующем году, что бы ни случилось, это ясно как день — будет 30 лет «Новой газете». Знаменитые АКМ-ки — мысли и мини-памфлеты сооснователя «Новой газеты» Акрама Каюмовича Муртазаева. Классик!

2023 ДАСТ БОГ, НЕ ПОСЛЕДНИЙ

Выпуск «Новой газеты» был временно приостановлен 28 марта 2022 года

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР ВЫЙДЕТ

Новая газета

www.novayagazeta.ru

РЕДАКЦИЯ

Дмитрий МУРАТОВ (главный редактор)
Сергей КОЖЕУРОВ (директор)

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

О. Боброва, Т. Брицкая, Д. Быков*, И. Воробьева, Д. Григорьева, А. Душутин, А. Егорова, М. Епифанова, А. Жаворонкова, А. Карев, Е. Кирпанова, А. Колесников, Е. Костюченко, А. Липский, А. Минкин, О. Мисарова, В. Мозговой, С. Мостовщиков, Д. Муратов, И. Петровская, Т. Плотникова, К. Полесков, В. Полонский, А. Полухин, А. Полякова, Д. Прокофьев, Н. Прусенкова, Г. Розинский, Ю. Рост, П. Саруханов, Ю. Сафронов, Е. Седова, С. Соколов, А. Тарасов, О. Тимофеева, М. Токарева, И. Тумакова*, К. Фокин, Н. Храпова, В. Цоцко, Р. Шамолин, Н. Шаульская, Я. Шенкман, В. Шляев

* Признаны иноагентами.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Потаповский пер., д. 3, стр. 1, Москва, 101000
Пресс-служба: 8 495 926-20-01
Отдел рекламы: 8 495 621-57-76, 8 495 623-17-66, reklama@novayagazeta.ru
Отдел распространения: 8 495 648-35-02, 8 495 623-54-75
Факс: 8 495 623-68-88
Электронная почта: 2022@novayagazeta.ru
Подписка на электронную версию газеты: batishcheva.evgeniya@novayagazeta.ru

Тираж — **6000** экз.

Материалы, отмеченные знаком 0+, печатаются на правах рекламы.

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 4 июля 2006 г.
Учредитель и издатель: АО «Издательский дом «Новая газета». Редакция: АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, стр. 1, Москва, 101000

© АО «ИД «Новая газета», АНО «РИД «Новая газета», 2022 г.
Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией. Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное.

Срок подписания в печать по графику: 12.00, 22.12.2022 г.
Номер подписан: 12.00, 22.12.2022 г.
Отпечатано в АО «Прайм Принт Москва».
Адрес: 141700, МО, г. Долгопрудный, Лихачевский проезд, д. 5а.
Заказ № 2210. Цена свободная.